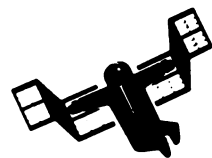

ЗВЁЗДНЫЙ НАЕЗДНИК

• ФАНТАСТИКА • ВЫПУСК ⑧

ЗВЕЗДНЫЙ НАЕЗДНИК

Фантастические рассказы и повести

Елена АНФИМОВА (Гатчина)

Сергей БУЛЫГА (Минск)

Владимир КЛИМЕНКО (Новосибирск)

Павел КЛИМЕШОВ (Горький)

Константин МЗАРЕУЛОВ (Баку)

«НОВЕЙШИЙ СНОТОЛКОВАТЕЛЬ» 1829 года,
часть третья

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Р. В. Чекрыжова

В. И. Пищенко

Е. А. Грушко

А. Н. Каширин

В. Е. Трапезников

На 1-й странице обложки:

АНАТОЛИЙ ПАСЕКА (СССР) «Гибель разведчика»

З 14 Звездный наездник: Сборник фантастики / Сост. В. Е. Трапезников. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 64 с.

Новый сборник, составленный по материалам семинаров ВТО МПФ при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Кроме фантастики, здесь публикуется окончание «**НОВЕЙШЕГО СНОТЛКОВАТЕЛЯ**» 1829 года.

ISBN 5-235-01592-4

З $\frac{4702010201}{078(02)-90}$ без объявл.

ББК 84 Р7

ISBN 5-235-01592-4

© Составление В. Е. Трапезникова, 1990.

Елена АНФИМОВА

РУСАЛКА ШЕЛЕ

Как-то раз, на исходе декабрьского воскресенья, у края полыньи, темнеющей на Неве неподалеку от Петропавловской крепости, стоял одинокий гражданин. В руках у него была искусственная шуба и красная мохеровая шапочка затейливой вязки. Взгляд его был сумрачен и направлен в черную воду.

Неожиданно рядом с одиночкой появился некто в мохнатом головном уборе, именуемом в народе «шапка из Дружка» и подвергнутом порицанию в газетных статьях. Владелец шапки, видимо, газет не читал и поэтому нос голову достаточно высоко. Был он многословен и суетлив.

— Это что это здесь, а? Что будет-то, я спрашиваю? С берега смотрю: рыбу что ли ловят? Или заплыва организуются.. А может вы, извините, топиться хотите? Так это напрасно. И место плохое выбрали. Ленинград — город-музей под открытым небом. Иностранцы приезжают в большом количестве... А вы — в самом центре. Нехорошо это. Незтично.

Сумрачный гражданин с трудом отлепил взгляд от водной глади и перевел его на говорившего:

— Топиться я пока подожду. Так что не волнуйтесь и идите своей дорогой.

— А вы мне не указывайте, — обиделся разговорчивый человек. — Когда захочу, тогда и пойду. У меня, может, тут дело. И если хотите знать...

Однако последующие слова, которые собирался произнести обладатель мохнатой шапки, встали у него поперек горла, и, вероятно, именно из-за этого рот его так и остался незакрытым. А произошло это оттого, что вода в полынье неожиданно пришла в движение, забурилась и из пучины показалась нагая женщина. Лицо ее было туманно и неважно.

Если бы вы, читатель, присутствовали при этом сверхъестественном явлении и не потеряли самообладания, то отметили бы для себя, что выходящая из воды дама похожа на боттичеллескую Венеру — прямо один к одному. Но словоохотливый незнакомец не способен был ни рассуждать, ни вспоминать. Увидев нечто невообразимое, он, издав горлом тихий писклявый звук, сорвал с головы свою позорную шапку, метнул ее в сторону нагой дивы, а потом бросился к берегу.

Между тем гражданин с искусственной шубой не проявил никакого беспокойства, а шагнул к краю полыньи и, протянув руку, помог прекрасной женщине выбраться на лед. Скрыв наготу красавицы искусственным мехом и нахлобучив красную шапочку на ее зеленые волосы, он издал несколько восклицаний, которые издают обычно на вокзале встречающие, приветствуя долгожданного гостя. Купальщица взяла мужчину под руку и, наваливаясь всем телом, нетвердо и медленно пошла с ним от полыньи.

Дорогая ушанка надоедливого прохожего, медленно намокая, погружалась в воду.

— А я уже начал волноваться, — сказал мужчина, которого, кстати, звали Михаилом Ватрушкиным. Он выбрал скамейку, защищенную от ветра одним из бастионов крепости, и усадил на нее зеленоволосую спутницу. — Думал, что сегодня опять зря пройду. Ну как ты, дорогая?

— Не отпускали. Очень долго не отпускали, — нарасспев произнесла русалка Шеле, ибо, как вы, вероятно, уже начали догадываться, это была одна из тех немногочисленных русалок, которые еще обитают в Неве и Ладожском озере. Замечу, кстати, что и в Обводном канале русалок давно нет.

— Не замерзнуть бы тебе, — забеспокоился Михаил, глянув на босые ноги своей подруги, припорошенные снегом.

— Ты забыл, любимый, — печально улыбнулась русалка, — у меня нет ног. Это просто гипноз. Чтобы не травмировать твою психику.

— В таком случае, не мерзнет ли у тебя... хвост? — сердито сказал Ватрушкин и закурил.

— Тяжело здесь, Миша, тяжело. И дышать трудно, и звуки мешают.

— Транспорт, никуда не денешься. — Он смотрел в темноту. — И предприятия разные чадят. Жизнь в большом городе предполагает...

— Не о том я, не о том, — перебила Шеле. В голосе ее появились цыганские интонации. — Послушай: весь воздух наполнен звуками. Я слышу, что было здесь вчера, позавчера, год назад. Звуки остаются, лишь стираются немного от времени. За полчаса до нас на этой скамейке бранились. Неужели ты не слышишь? А вот слова любви... вот кто-то плачет... сморкается. Все это давит, давит на уши, как большая глубина.

— Хочешь, уйдем отсюда.

— Куда мы можем уйти? Здесь нет ни частицы свободного пространства: все звучит, движется. Как нас много, людей! И каждый спрятан в свою раковину, тащит ее на себе, ранит других острыми створками, и никто не видит этого. А я вижу. Мне здесь всегда страшно, Миша.

— Это потому, что ты меня больше не любишь.

Ватрушкин бросил докурившую до фильтра сигарету. Стало совсем холодно. Зеленые волосы русалки в бледном свете фонаря поблескивали сквозь тонкий лед схватывающийся вокруг ее головы.

— Как я могу не любить...? — удивилась Шеле и прикоснулась холодным носом к Мишиной руке.

Михаил убрал руку.

— Если бы ты любила меня, мы жили бы вместе.

Русалка вздохнула и попыталась намотать на палец прядь застывших волос.

— Для этого тебе надо утонуть, милый. Но я никогда не соглашусь на такое. И знаешь, почему? Я не уверена, что ты достанешься мне. У меня есть еще старшие незамужние сестры... На всякий случай держись подальше от воды.

— Ты могла бы жить у нас. В конце концов, в квартире есть ванная комната...

Шеле вздрогнула.

— Помнишь, что было с твоей мамой, когда ты привел меня знакомиться, а я через десять минут нырнула в ванну прямо в одежду? А мои волосы?

— Да... Зеленый цвет, по ее мнению, слишком экстравагантен. Но ты можешь перекраситься.

— Испортить волосы? И готова. Но мы все равно не сможем жить вместе. Твоя мама не догадывается, кто я на самом деле, но в одном она права — я из другого теста.

— Насчет другого теста надо было думать раньше. — Ватрушкин оглянулся на реку. — Как бы полынья не замрзла.

— Что ж. Поспешим. Думать раньше... Кто же об этом думает? А... как там Машенька?

— Спросила все-таки. Ты вспоминаешь о ней там?

— Редко, но вспоминаю.

— Редко... Хотя бы притворилась, что ли. Мама горит, что ты навесила мне ребенка, а сама улизнула. Я понимаю, как ты можешь не тосковать о своей дочери!

— Ты забываешь, мой Миша, кто я. Слушай! Каждый год русалки могут откладывать до миллиона икринок. Они красивые и прозрачные, как полуденный янтарь. В южных морях у коралловых островов появляется на свет наше потомство. Можем ли мы помнить их всех? Любить их? Я люблю тебя. Этого достаточно. Никто из моих сестер не знает этого чувства. Надо мной смеются.

— Молчи! Иногда мне кажется, что ты просто громадная рыбина. Хищная и холодная.

— Ты, наверное, ругаешь меня, милый? — Русалка прильнула щекой к мутоновому воротнику его пальто. — Ты недоволен своей Шеле.

— У меня есть фотография, если хочешь, — Михаил неуверенно расстегнул на пальто пуговицу.

— Не надо! — Шеле неожиданно сильно прижала его руку, сосульки на ее волосах встревоженно вздрогнули. — Все люди для меня на одно лицо. Что смотреть? Такая же девочка, как и те, которые плещутся на мелководье в жаркие дни. Они забавны и только.

— Ужасно, — Михаил застегнул пуговицу и задумался.

— Ты снова загрустил, милый, но мне уже пора, — я успею утешить тебя. Прикоснись на прощанье к моим

глазам, лбу, рукам, это так приятно. У тебя теплые пальцы. Каждое твое прикосновение становится вечным. Я ощущаю его всегда и поэтому никогда не тоскую по тебе.

— Послушай, Шеле, — Михаил захолопал по карманам в поисках сигарет. — У нас дурацкие отношения. Неужели мне снова придется ждать полгода — и все ради того, чтобы посидеть с тобой на скамейке и послушать о вчерашних звуках или прошлогоднем снеге, черт бы их порол!

— Ах, не говори так! Ты словно смешиваешь себя со всеми теми, кто для меня на одно лицо. Теперь полгода страшного труда, немыслимых унижений, чтобы снова посидеть с тобой на скамейке. И даю тебе все, что могу дать.

— Нет, не все. Не все, — сказал Ватрушкин расстроенно. Он нашел, наконец, сигареты и теперь пытался закурить, пряча в ладонях гаснущую спичку. — Ты живешь, витая в небесах, то есть в глубинах. А здесь, на земле, — жизнь, каждодневная борьба за существование. Подводные течения всякие, почище ваших. Мы, между прочим, в очереди на кооператив стоим. Если бы ты жила с нами, мы могли бы получить трехкомнатную квартиру, а так нам светят только две комнаты, понимаешь ты — две!

— Но я... — встрепетнулась Шеле.

— Правильно, ты у нас прописана, но все вокруг знают, что жена со мной не живет. А «доброжелателей» у меня предостаточно — пишут в инстанции. Неужели ты не можешь полгода полежать в ванне ради того, чтобы у твоей дочери была нормальная жилплощадь?

Пока Ватрушкин гогорил, русалка Шеле несколько раз тревожно оглядывалась на полынью.

— О-о, — простонал Миша, — какая же ты эгоистка! Твои отношения, связи со всякой там нечистью типа кикимор, водяных, знакомства с интеллектуальными утопленниками — для тебя все. Это же так важно и интересно. Представляю тебя на полночном коктейле в честь вновь прибывшего, которого вы сами же со своими милыми родственниками и защекотали... Короче, я могу рассчитывать на твою помощь? Да или нет?

Русалка поглядела на маленькую желтую луну и чему-то улыбнулась. Потом она поднялась и направилась к замерзшей еще полоске воды.

— Да или нет? — услышала она снова, прежде чем шагнуть в полынью.

Поднялся сноп брызг, и через мгновение по непроглядной поверхности, усыпанной ледяными игольчатыми пластинками, ударил широкий хвостовой плавник. «Держись подальше от воды», — вспомнил Ватрушкин и отпрянул от ставшего вдруг очень скользким края льда. Он стоял долго, не замечая, что по лицу его скатываются холодные брызги, и очнулся только, когда почувствовал за спиной какое-то движение. Ватрушкин резко обернулся. Зловещего вида человек с неразличимым в сумерках лицом шел прямо на него, словно собирался столкнуть в воду. Ватрушкин расставил ноги и стиснул кулаки.

— Что надо? — грубо спросил он, готовый к отпору, с облегчением услышав в ответ:

— Товарищ, я очень извиняюсь... Я где-то здесь свою шапочку обронил. Вы не видели?

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

СТРАШНАЯ СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

У него на балконе поселилась пара оборотней. Самец и самка. Сначала они прикидывались голубями, и Василий не мешал им приносить прутья в цветочный ящик, где давно уже ничего не росло. Наоборот, ему нравилось, что для гнезда голуби выбрали именно его балкон. Словно бы птицы почувствовали, что Василий не обидит их. И, в благодарность за эту доверчивость, с радостью и умилением он щедрой рукой крошил им хлеб в цветочный ящик, поближе к гнезду, а потом прятался в комнату, чтобы не смущать пернатых. Пусть клюют.

Потом, когда он начал догадываться, что дело нечисто, было уже поздно — самка отложила яйца. Конечно, лучше всего шмякнуть бы яйца об асфальт прямо с балкона, но ведь не каждый человек может разорить гнездо, даже такое гнездо, где сидит птица с чересчур крупными для голубя глазами и большими красными лапами.

Поначалу они стеснялись Василия, даже как будто побивались его. Стоило ему выйти на балкон, самка вставала с яиц и делала несколько суетливых шажков в сторону, и он, стараясь обойтись без резких движений, быстро выкуривал сигарету и снова уходил в комнату. Оборотни тяжело смотрели Васе в спину. Спине было неприятно.

Уже догадываясь, что происходит что-то странное, и ощущая сметную тоску, он надеялся, что это просто нервы. Надо выпастись, отдохнуть от телефонных звонков, хамоватых посетителей, которые пытаются вытянуть из тебя дефицит, лстят или угрожают, и все встанет на свои места. Но выпастись не удавалось, телефоны звонили.

Однажды, захопывая дверцу новенькой «семерки», он осторожно взглянул на балкон и замер. С балкона, похозяйски облокотившись на перила, ласково глядел взрослый мужчина ростом с десятилетнего мальчишку. На мужчине было сомбреро из престрельной соломки, которое Василий привез из последней турпоездки за границу, и махровый халат с капюшоном, оставшийся от второй Васьиной жены. Остальные свои вещи она увезла к новому мужу, халат же забыла, и вот уже несколько раз звонила и предупреждала, что заберет его в ближайшее время.

Жутко стало Василию при виде ряженого.

Он хотел было сесть обратно в «жигуленок», но мысль о том, что халат бывшей жены может пострадать или, не дай бог, пропасть, заставила его бегом подняться по лестнице.

Сдерживая одышку, Василий осторожно выглянул на балкон. Там никого не было. Голуби улетели, и только яйца светлели на темной земле. Халатик был небрежно перекинут через перила, на розовой махре поблескивали свежие пятна голубиного помета. Сомбреро исчезло без следа.

В ярости протянул Василий руку к беззащитному гнезду, но тут яйца стали расти прямо на глазах, по скорлупе зазмеились трещины, и на черной земле оказались два крохотных и мокрых существа, похожих на старичков.

Василий с омерзением одернул руку и, прихватив халатик, скрылся за балконной дверью.

Теперь оборотням стало тесновато на балконе. Ближе к полуночи, почти не стесняясь Василия, они сбрасывали голубиное оперение и принимали облик, близкий к чело-веческому.

Вечерами, сидя перед телевизором, Василий старался не смотреть в сторону балкона, но взгляд его против воли обращался туда, где к балконному стеклу приплюснулись носами оборотни. Жадные глаза их были устремлены на мерцающий экран, на руках они держали младенцев. Василий чувствовал себя негодяем. Утешало его лишь то, что на людей непрощенные соседи походили мало, а скорей напоминали уродцев, вылепленных из пластилина немелкими детскими пальчиками. Короткие туловища у них были квадратные, головы сплюснутые. Самка отличалась от самца исключительно яркими губами и нелепой причеткой, похожей на модную в шестидесятые годы «бабетту», да еще, пожалуй, характером.

Именно она произнесла первые слова о тесноте и о том, что так дальше жить невозможно. Разобрать слова оборотней было очень трудно, они говорили с каким-то невероятным акцентом и с колоссальной частотой слов в минуту, словно пластинка, поставленная на большое количество оборотов, но о смысле их речей Василий догадался по интонации и на всякий случай стал закрывать балкон на задвижку.

Но что такое хлипкая балконная задвижка по сравнению с железной целеустремленностью оборотней? На следующую же ночь, когда Василий, размышляя о том, насколько правдоподобны слухи о предстоящей реэмиграции в его магазине, полпютней заворачивался в верблюжье одеяло, на фоне балконной двери замаячил темный си-

— Ну, дак ладно. Приходи завтра в тот же час. Спроси Манефу. Меня тут все знают. Я тебе из дома принесу.

— А сегодня никак нельзя?

— Живу далеко.

— Да я на машине, вмиг домчимся.

— Э, как тебе приперло, прости господи. Ну, поехали, когда так.

Василий почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. Голосторонний сквозняк прошёлся по квартире. Чтобы выкрутить этот кошмар, Василий натянул одеяло на голову и попытался заняться аутотренингом: «Я спокоен. Я совершенно спокоен. Этого не может быть. Это галлюцинация!». Но в тот момент, когда он начал было успокаиваться, ухитившись в него в ногах вдруг промялся и закричала, и Василий почувствовал пятками чей-то холодный и твердый бок. Бог этот поерзал, устремляясь поудобнее, а дальше наступил: полная темнота, видимо, Василий потерял сознание.

На следующий день, нервно прохаживаясь по торговому залу, Василий Петрович с удивлением убеждался, что не сошел с ума. Во всяком случае ни продавцы, ни покупатели, ни даже те, кто приходил по записочкам и телефонным звонкам, не замечали в нем ничего странного, не вызывали санитаров со смиренной рубашкой, и к концу рабочего дня Василий даже повеселел. Вот если бы только не нужно было возвращаться домой. Ведь неизвестно, какие еще картины покажет ему распоясавшееся воображение.

Прошло несколько дней. Обсортни постепенно обжи-
вались в квартире. Самого хозяина они попросту не за-
мечали, как будто его здесь и не было. Детей своих вме-
сте с гнездом они перенесли в маленькую комнату. Дети
к тому времени покрылись серым пушком и стали похо-
жи на самых обычных голубят. А родители постепенно
все больше и больше походили на людей. Руки и ноги у
них выравнились, тела округлились, правде, сплюснутые
голова не спешили менять форму. Но мало ли на свете
людей, у которых форма черепа далека от совершенства?

За всю свою жизнь Василий не попадал в столь странное, столь нелепое положение. Пожаловаться на них? Но кому и как? Какими словами? Оборотни, мол, одолели? Да кто же этому поверит? Поэтому, возвращаясь вечером с работы, Василий потихоньку проходил к теще, накрывался с головой одеялом и предавался горьким размышлениям. В эти минуты особенно жалел Василий, что он совсем один, что нет у него добрых, бескорыстных друзей, которым мог бы открыться и которые не приняли бы его при этом за ненормального. И главное, обидно, что все это накануне ревизии, когда ему надо собраться с мыслями, мобилизоваться, а не размышлять по поводу наглых подселенцев. В глубине души он надеялся, что весь этот кошмар не может длиться вечно, чем-нибудь да кончится. «Но почему они выбрали именно меня?» — Василий в отчаянии взбрыкивал ногой, и тахта начинала мягко и успокаивающе колебаться под ним.

А оборотни прочно обосновались во второй, меньшей по метражу комнате, и теперь, прежде чем пройти в туалет или на кухню, Василий приоткрывал дверь, высматривал голову и напряженно вслушивался: свободно ли?

Совершенно изумившись, Василий не нашел ничего лучшего, как позвонить сесте первой жене. Вообще-то он считал ее женщиной неадекватной и примитивной, несмотря на высшее образование, но именно поэтому с ней и можно было поговорить на такую скользкую тему. Пусть хоть посочувствует.

Татьяна удивилась, заахала, но, как Василию показало-
сь, ее больше поразил сам его звонок, а не то, что он
рассказал.

— Ну, этого следовало ожидать, — почему-то сказала она. — Что же я могу посоветовать? Не знаю. Может, водичкой святой их побрызгать? У меня нет опыта в таких делах. Ну, а вообще-то как ты живешь?

Василий спешно попросился и повесил трубку. В тот же день он, пряча лицо в воротник плаща, зашел в первую попавшуюся церквушку и, остановив какую-то старуху в черном платочке, попросил налить ему пол-литра святой воды в бутылку из-под импортного коньяка. Угодники неодобрительно вззирали со стен.

Старушка сурово покачала головой.

— Где же ее взять-то сейчас, водицу святую? Нешто тут магазин? В крещение приходи, тогда и вода будет. Совсем без понятия народ.

Василий всхлипнул и пошел к выходу.

— Постой-ка, — старушка цепко ухватила его за рукав. — Али очень надо?

— Очень...

Провоздили долго. Манефа не отпустила сразу, усадила пить чай с вареньем из розовых лепестков. Лепестки скрипели на зубах, во рту пахло розами, на душе было тяжело. Манефа не пыталась, что, мол, приключилось, рассказать самому было стыдно — еще не поверит старушка, прогонит. А уходить не хотелось. Так уютно, тихо было в Манефиной комнатке, и никаких оборотней. Нормальные голуби за окном постанывают.

— Хотите, я вам карбонат привезу или шейку, — расчувствовался Василий.

— Что за шейка такая? — удивилась старуха.

Василий удивился еще больше.

— Неужто не слышали?

— Не пришлось.

— Ну, мясо такое. Вкусное. Со специями.

— Э, милый. Я мясо-то лет двадцать уже как не ела.

Василий широко улыбнулся:

— Да я бесплатно. Как говорится — ты мне, я тебе.

— Вот ты какой, — старушка отхлебнула из своей чашечки и вытерла губы белым платочком. — Думаешь, я жадная али нищая, может? Нет, милый, не угадал. Я, конечно, старуха неграмотная, ты, может, посмеяшься надо мной, а я все думаю: как же это им страшно, родимым, когда их убивать ведут. Скажешь, скотина глупая, не понимает? А вот и нет. Все понимает. У нее, у скотины-то, слезы текут и сердце екает, как зот если бы тебя вели. А убьют тебя, — заговорила вдруг глухо и страшно Манефа, — мозги, сердце твое продавать станут и голову мертвую — в витрину.

Старуха брови нахмурила и пальцем Василию по лбу —
тюк!

Василий вздрогнул и сразу начал собираться.

— Али ждёт тебя кто? — Старуха так и уставилась ему в зрачки. «А может, и она тоже... как те... мои, — мелькнула мысль. — Да нет, глупости».

— Никто меня не ждет, только пора уже, поздно...

Было одиннадцать часов вечера. В квартире гулко ухала музыка.

«До «Шарпа» добрались, мерзавцы, — подумал Василий и любовно погладил оттопырившийся карман плаща. Там, в импортной бутылке, переливалась при каждом его шаге святая вода. — Ну, берегитесь!..»

Он осторожно извлек заткнутую капроновой пробкой бутылку, распахнул дверь маленькой комнаты и на манер гранаты занес бутылку над головой. «Ложись, гады!» — замерзая крикнул Василий, но так и остался с раскрытым ртом, пораженный неожиданным зрелищем.

Комната была полна народу. Гости сидели по-турецки прямо на ковре. Чета оборотней сновала между ними, предлагая отведать черной икры и семги из холодильника. В такт музыки глаза гостей вспыхивали то красным, то зеленым, некоторые танцевали «брейк-данс». Особенно усердствовал один, похожий на стилиста пятидесятых годов, с длинным лошадиным лицом и отвратительной ухмылкой, в которой обнажались длинные зубы и красные десны. Он встряхивал волосами, мотал головой и скакал по коврам, как жеребец. Вася вглядывался пристальней и обнаружил, что обряженные в широченные клеши ноги гостя действительно заканчивались увасистыми, начищенными черной ваксой, копытами.

— Ложитесь, гады, — слегка придя в себя, все же промолвил Василий, пытаясь открыть бутылку, но тут обладатель гривы и копыт подскокнул к Василию, вынул ее у него из рук и, впиавшись длинными зубами в горлышко, с хлопком выдернул тугую пробку. Мигом он запрокинул башку, разинул свою громадную пасть и с вытянутой руки вылил содержимое бутылки прямо себе в желудок. После этого засветился голубым и еще веселее пустился в пляс по коврам, а Василий понурясь пошел прочь из комнаты.

На его тахте уютно спали детишки оборотней. Василий постоял над ними, повздыхал и даже поправил одеяло (он вообще любил детей), а потом вышел на балкон. Через открытое окно маленькой комнаты донесся голос самки:

— А я говорю, детей надо отдать на обучение к вам-пирам. Отличная специальность, хлебная, выражаясь фи-

гурально. А практику смогут прямо на дому проходить, — и она ударила костистым кулаком в стенку Васиной комнаты.

Кто-то из гостей крутанул ручку «Шарпа» и, кажется, пробежался по потолку. Сверху застучали:

— Товарищи, прекращайте, уже одиннадцать часов!

— Да у кого же это хулиганят? — спросили с третьего этажа.

— У Василия Петровича, — откликнулись во дворе, — а еще директор. Срамотища!

Василий подошел к телефону и обреченно крутанул диск два раза.

Наутро, переночевав в милиции, Василий понуро брел на работу с новенькой квитанцией в кармане на штраф за хулиганство. «Как же это они меня так ловко?» — недоумевал он.

Вспомнилось, как вошли два милиционера и высоченный парень с красной повязкой. Василий провел их в маленькую комнату, где самка оборотня, жутко фальшивая, уже пела колыбельную над спящими младенцами. Гости куда-то исчезли. В комнате было тихо и полутемно, уютно теплится розовый ночник, привезенный Василием из Прибалтики.

Прерывающимся от слез голосом, она поведала, что муж вызвал милицию, потому что больше терпеть нет сил. Василий Петрович хоть и директор, а пьет, как грузчик, да к тому же еще и хулиганит. Не дает сушить пеленки в ванной, вывинул их столик из кухни, и вообще никакой жизни из-за него нет.

— Попрошу документы, — сказал парень с повязкой, и самец вынес два паспорта со штампами о прописке. Василий тоже сходил за паспортом.

— Скоро у Василия Петровича в магазине ревизия, — смущаясь сказала самка. — Скорей всего, он сядет. Мы будем претендовать на освободившуюся площадь. Нас, видите, четверо.

— Рассуждать научилась, — удивился Василий и сел в кресло.

— И вот так всегда, товарищи, — обиделась самка. — Оскорбляет постоянно. Унижает наше достоинство. Забрали бы вы его с собой, хоть одну ночь спокойно выспимся.

Василий зашел в свою комнату и там, среди неизвестно откуда взявшихся следов пьянки, отыскал пиджак и галстук.

— Я готов.

Уже сидя в своем кабинете, он вдруг почувствовал неожиданную легкость. «Ну что же. Значит, меня посадят. Об этом они побеспокоятся, особенно эта, пучеглазая. Хоть здесь прояснилось. Квартирка моя тоже канула. Ладно. Отсижу свое и начну новую жизнь. Честную. Чтоб ничего не бояться и ни от кого не зависеть. Живет же Манефа».

В этот момент зазвонил телефон, и Василий вяло взял трубку. Заговорила вторая жена.

— Сегодня зайду за халатом. Ты чего такой прилепнутый? Чего-чего?

Василий, не в силах более сдерживаться, утирая кулаком обильные слезы и звучно сморкаясь, рассказал про оборотней. Жена захохотала, вселяя в его истрадавшую душу надежду, что все не так ужасно, все поправимо. — И главное, — закончил Василий, — почему они именно меня выбрали? Ведь кругом полно балконов.

— Ты еще спрашиваешь? — ухмыльнулась жена.

— Но что же мне теперь делать? — возопил Василий.

— Плохо твое дело, — весело сказала бывшая подруга жизни. — Не знаю, что и посоветовать.

Помолчали.

— Ну, в общем, так, — заговорила наконец она. — Зайду сегодня вечером за халатом. Когда они там у тебя активизируются? Вот к одиннадцати и подойду. Чао, бамбино.

Василий чуть не поцеловал трубку. В конце концов, кому и сладить с чистой силой, если не современной деловой женщине?

Около одиннадцати она открыла дверь своим ключом, стремительно вошла в квартиру и скинула плащ на руки бывшего мужа:

— Где обосновались?

— В маленькой комнате.

В ту же секунду она скрылась за дверью, и оттуда доносились звуки скандала. Прислушавшись, Василий с удивлением убедился, что его вторая жена, кроме английского со словарем, как она писала в анкетах, свободно владеет языком оборотней.

Дверь маленькой комнаты распахнулась. Василий успел заметить, как ошарашенные оборотни спешно уменьшаются в размерах и покрываются голубиным оперением. Еще он заметил, что самец пытается спрятать на груди портативный японский магнитофончик и, не владея собой, закричал: «Кыш-кыш!»

Оборотни вместе с подростками птенцами выбежали в коридор, постояли в нерешительности и, хлопая не вполне голубиными, перепончатыми крыльями, кинулись на балкон.

Некоторое время они, словно не веря печальному повороту своей судьбы, сидели на перилах, но жена вышла на балкон, и оборотни, с трудом удерживая в воздухе отяжелевшие тела, скрылись за соседним домом.

— Невероятно, — Василий промокнул платком вспотевший лоб. — Я так тебе обязан.

— Пустяки. На том свете угольками сочтемся, — усмехнулась жена.

— Теперь и с ревизией должно обойтись... А ты уже уходишь? Посиди. Я сейчас кофе сварю. Бразильский.

— Нет уж, пей сам, а мне пора. Да, халатик-то гони. Я ведь, собственно, за ним заходила.

Прикрыв дверь за женой, Василий постоял некоторое время в задумчивости, потом достал из стенового шкафа пакетик с нафталином и направился на балкон. Там он развязал пакетик и посыпал до места, где недавно еще гнездились оборотни. Чтоб не вернулись.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Я начну это повествование с обращения к Музе, поскольку мне предстоит воскресить далекие времена, когда сладкоречивые пииты воспевали беспримерные подвиги героев и величественные шалости богов. Призывая на помощь деву с лирой в руках, пииты, видимо, настраивали себя на особую волну или же, не надеясь на собственные силы, искали в Музе сильного соавтора. Я же, будучи по натуре человеком робким, надеюсь в случае неудачного воплощения замысла разделить критические замечания в свой адрес с вышеупомянутой Музой.

Итак, приди, несравненная. Оставь на время стирку, мытье посуды или другое столь же прозаическое занятие и займись своим основным делом, ради которого и появилась ты на свет. Осени меня своим крылом (если оно у тебя есть), а если нет, просто посиди рядом у кухонного стола в моей однокомнатной квартирке, прислуши-

ваясь к спящим в комнате моим родственникам. Слышишь шумное дыхание? Такое дыхание рождается лишь в груди героя, человека, созданного для подвига, но волей случая заброшенного в тихую заводскую бухгалтерию и внешностью своей прискорбно напоминающего бюрократа с карикатуры известного художника. Это мой муж Олег Иванович, но в нашем рассказе я дам ему ту роль, которой он достоин на самом деле. Пусть он будет великодушным Одиссеем, известным среди своих товарищей умом и отвагой.

Легкое посапывание, которое только угадывается через тонкую кухонную стенку, принадлежит моей сестре Марине, одинокой девушке забальзаковского возраста. Она приехала ко мне в гости с другого конца города, припозднилась и осталась ночевать, попросив Одиссея с супружеского ложа и предоставив ему покоем на подростковой раскладушке, поставленной возле раскрытого окна. Днем все свои силы моя сестра направляет на то, чтобы делать вид. Что это значит? Если коротко, она пытается заставить окружающих поверить, что у нее все в порядке, прямо-таки замечательно. Когда же это получается, то она обижается на всех вокруг за нечуткость. Днем ее не

понять, но вечером, когда Олег Иванович засыпает на раскладушке, а я еще воюю на кухне, отделяя зерна от плевел перед тем, как сварить гречневую кашу, сестра садится в уголке и, подобно восточному торговцу коврами, раскатывающему перед придирчивым покупателем свой бесподобный товар, принимается удивлять меня неожиданными красотою своей души, которые так и остались неостребованными.

Она будет главной героиней повествования — волшебницей Цирцеей, превращающей мужчин в свиней.

Моя Муза в сомнении качает головой: немолодая девица с сутулой спиной — Цирцея? Но я, успокаивая, поглаживаю распаренную в стирке руку: ты еще не знаешь моего замысла, милая, ты только настраиваешь меня на нужную волну.

А какая она, эта нужная волна?

Она широкая и неторопливая, она (прошу прощения за стилистическую погрешность) цвета морской волны и соленая, она, конечно же, прозрачная, и в ее глубине видны покинутые морские ложе черные водоросли, углубляются упругие, скользкие тела медуз. Эта волна неслышно стекает в раскрытое окно, подхватывает спящего Одиссея и подпростовую раскладушку, которая тут же превращается в стройный черногрудый корабль. Богатырский храп моего мужа гармонично сливается теперь с поветрием ветра, направляющего корабль к скалистому острову Эи. Бедный Одиссей, сколько пришлось тебе перенести и сколько еще предстоит. Спи пока под мерное поскрипывание мачты: неизвестно, что подстерегает тебя у берегов чуждого острова.

А я буду ждать тебя, мой Одиссей, ждать и распускать сотканную за день тонкую ткань, обманывая многочисленных женихов, ибо никто из них не достоин занять твоё место в моем сердце.

Кстати, один из них снова звонил мне сегодня утром, зная, что ты уже на работе. Его зовут... Впрочем, неважно. У него есть «Жигули», и он делает вид, что хочет на мне жениться. Он из тех, кто всегда готов жениться на замужней женщине.

...

В ту ночь светлокудрявая Цирцея не сомкнула глаз. Вечером заглянул на огонек юный бог Эрмий и рассказал между прочим, что завтра в бухте появится корабль Одиссея. Подмигнул лукаво: «Прибыль тебе, сестренка!»

Цирцея едва дождалась, когда уйдет несносный. Потом долго ходила по пустынному дому. Каменные стены казались живыми. В нервном свете факелов они волновались и вздрагивали, и девушка прикладывала ко лбу прохладные руки. Может быть, завтра бессмертные боги снимут страшное заклятье, и она, наконец, сможет покинуть ставший ненавистным остров. Цирцея с отвращением взглянула на прислоненный к стене волшебный жезл. Он был похож на застывшую молнию. Он и был когда-то молнией, и если завтра будет снято заклятье, жезл, вспыхнув живым огнем, умчится навсегда к своему хозяину — громовержцу Зевсу.

А если нет? снова потянутся постылые дни, снова согнетса она над тканью, снова зазвучит странная, томительная песня, и однажды, заслышав ее, в дверь постучится поздний гость. Любопытство и настороженное ожидание будут на его лице; а потом удивление, чуть ли не обида. Он шел, он не мог миновать волшебный остров, он столько слышал о его хозяйке, и вдруг...

Да, среди бессмертных богов Цирцея была дурнушкой. Лицом она напоминала обыкновенную земную женщину. Лишь дивные светлые волосы говорили о ее божественном происхождении. И когда она видела, как мгновенно пустуют глаза пришельца, внутри у нее все потухало. Но это еще не все. Через несколько минут, уже за столом, с чашей сладкого вина в руке, гость станет смотреть на нее спокойным, насмешливым взглядом, и Цирцея, бессмертная богиня, прочтает его черные мысли.

«Обидно уходить отсюда ни с чем, — подумает гость. — Девочка не так уж дурна и, кажется, влюбилась в меня без памяти: вон как вспыхивает, стоит мне посмотреть в ее сторону. В конце концов, почему бы и нет? Как все-таки будет потом рассказывать в компании друзей о ночи, проведенной в объятиях колдуньи. К тому же я заслужил этот отдых — остров Эи не так-то легко найти в бурном море».

Но тут перед мысленным взором гостя встает заросшее щетиной свиное рыло, и он, ужаснувшись, на мгнов-

ение прерывает трапезу. Цирцея же, наславшая это видение, смотрит на гостя в упор.

«Опомнись, славный муж. Что ты замышляешь? Зачем равнодушной рукой хочешь погубить похода другого человека? Радость ли это? Ведь мне не надо уже пользоваться чарами, еще немного — и твоя истинная сущность сама выйдет наружу».

Но гостю везло. Он уже кладет руку на плечо бессмертной богини и предлагает, говоря современным языком, выпить на брудершфут. Обожая свое прекрасное, готовое к любви тело, гость не верит, что оно может зарасти адруг диким волосом и заплыть салом.

«Я не допущу этого, — думает он, — в тот момент, когда это начнется (если начнется), я напрягу все мускулы, схвачу ведьму за горло... одним словом, я не дам погубить себя. Главное, не пропустить этот момент, остановить злодейство в самом начале. Мы еще посмотрим, кто кого! А сейчас я возьму факел и отведу девочку в спальню. Пришло время развлечься».

Он протягивает руку и с ужасом замечает, что это уже не рука, а свиная нога, увенчанная новеньким копытцем. С визгом валится гость из кресла на каменный пол. Он ползет к ногам Цирцеи, он пытается заглянуть ей в глаза, но жирный загривок не дает ему поднять голову.

И тогда богиня выпрямляется во весь свой рост. В душе ее больше нет надежды, но нет и сострадания: «Иди и свиньею валяйся в закуте с другими».

...

Он проснулся на рассвете и долго не мог понять, где находится. Было по-утреннему прохладно, перед глазами повисло светлое небо.

«Звезды меркнут и гаснут, в огне облака...» — вспомнилось ему. «Где я?» — Олег Иванович резко сел, стараясь прогнать наваждение. На палубе вповалку спали люди в необычных одеждах, за бортом ласково хлопала вода. Олег Иванович с недоумением посмотрел на свои необычно крупные, мускулистые руки, потрогал странную белую рубашку, едва закрывающую мощные бедра.

«Все ясно, — подумал с досадой. — Жена опять пишет какую-то историю, а я отдуваюсь. Теперь главное — разобраться, где я, зачем, и постараться успеть назад к началу рабочего дня».

Олег Иванович знал, что через несколько минут все прояснится. Ему было не впервые.

Вскоре рядом очнулся от сна славный муж с кустистыми бровями и бородавкой на кончике носа. Он был несколько всклокочен и недовольно оглядывался по сторонам. Олег Иванович даже подумал, что товарищ попал сюда там же не совсем законным путем, как он сам, и чуть не заговорил первым, что было бы ошибкой.

— Где это мы, многомудрый Одиссей? — хриплым со сна голосом проговорил бровастый.

«Вот это номер, — внутренне ахнул Олег Иванович. — Одиссей! Значит, меня к древним грекам забросили». Но тут же собрал, как говорится, волю в кулак и спокойно ответил тому, чье имя, как оказалось впоследствии, было Еврилох:

— Мы у берегов страшного острова Эи. Здесь живет, — тут он напряг память, — ну да, здесь живет богиня Цирцея, которая, как всем известно, превращает мужчин в свиней.

— Но почему именно мужчин? — всполошился Еврилох.

— Женщины не путешествуют, — рассудительно отвечал Одиссей.

— Прикажи повернуть корабль, славный муж, — прижал руки к груди оробевшей собеседник.

— Не будем отступать от текста, то есть я хочу сказать — на все воля богов. Сегодня я видел сон, в котором ко мне явилась Афина Паллада и приказала посетить этот остров. Там мы пополним запас питьевой воды и получим дальнейшие инструкции.

Одиссей провел ладонью по голове и с неудовольствием ощутил под рукой довольно значительную плешь.

«Ну вот, — разочарованно подумал он. — Лук со стрелами, щит, копье, даже бороду предусмотрела, а лысину ликвидировать не удосужилась. Незаботливая она у меня все-таки, — и Олег Иванович привычным движением пригладил волосы с висков на макушку. Столь же трепетно скрывал, должно быть, свою легендарную пятую храбрый Ахиллес».

Когда совсем рассвело, корабль вошел в тихую бухту скалистого острова Эи.

...Цирцея готовилась к приему гостей. И как всегда, в

сердце ее расцветала надежда. Служанки расчесали длинные светлые волосы своей госпожи, натерли благовонными маслами ее нежную кожу и вышли из залы. Через несколько минут во дворе послышались неуверенные шаги. Мужчины подбадривали себя гортанными выкриками, нарочно громко бряцали оружием, нервно пересмазывались, и богиня почти без сил опустилась в кресло. Если бы она вышла сейчас к ним, прекрасная, улыбнулась полными губами, посмотрела медленным взглядом дивных глаз, вот тогда в толпе путников родился бы вздох восхищения, многие почувствовали бы любовь, искренне пожелали бы разделить с ней ложе и, может быть, остаться здесь навсегда. И потом, покидая остров, они раздирали бы себе грудь и лицо ногтями, оставляя ее, красавицу, при этом равнодушной. Какие неземные сокровища мерещатся этим людям за красивым лицом? Конечно, она, богиня, могла бы принять любой облик и насладиться произведенным впечатлением, но обман был ей противен.

И вот сейчас она выйдет им навстречу искренняя, готовая любить, готовая утешать, — и что же? Только разочарование увидит она на их лицах. Что ж, отдохните, путники, и — отправляйтесь восвояси. Гоните грязные мысли, пришедшие к вам после первой же чаши сладкого вина, ведь многих из вас ждут жены и невесты, зачем вам я?

(Перед глазами Марины невольно встают стены некоего уникального архитектурного памятника с вечной надписью: «Здесь был Вася». И все же... все же пусть подольше длится этот сон.)

Раздается стук в дверь, и Цирцея, спрятавшись за тончайшей тканью, начинает свою песню, и гости застывают, пораженные. Но волшебнице видно, что среди вошедших нет Одиссея.

Проходит полчаса, и вот уже Еврилох с мокрой от слез бородой спешит к оставленному кораблю. Осторожный, он не отведал волшебного питья и незамеченным покинул дом чародейки. Прибрежная галька злоебно скрежещет под его подошвами.

Отправив отряд во главе с Еврилохом в разведку, Одиссей занялся подсчетами. Он умножал человеко-дни на количество провизии, необходимой в день одному человеку. Получалась явная недостача, и хотя отчета у многоумного мужа никто не требовал, да и потребовать не мог, ему было не по себе. Все-таки порядок есть порядок. Еврилох явился не в самый подходящий момент: Одиссей не любил, когда его отрывали от дела.

Прошло много времени и Одиссею пришлось затратить немало героических усилий, прежде чем несчастный смог вымолвить хоть слово. Когда же он поведal о страшной участи, постигшей его товарищей, Одиссей опечалился:

— А ведь перед увольнением на берег я проводил среди вас разъяснительную работу...

Объясняясь мечом, наш герой отчитывал Еврилоха, который, в общем-то, был ни при чем. Так всегда и бывает. Вот пример из нашей с вами жизни: на первую лекцию к девяти часам являются пять или, скажем, девять студентов. Остальные семьдесят спят здоровым крепким сном в общежитии. Разобиженный преподаватель бежит в деканат, приводит сотрудника этого самого деканата и вдвоем они распекают замечательных, ответственных студентов в то время, как остальные, безответственные, начинают свое утро с чашечки кофе. Но я отвлеклась.

Бесстрашно ступил Одиссей в девственный лес, хотя вся эта история совсем ему не нравилась. Нехорошо и даже как-то мутно было у него на душе. Но постепенно пряные лесные запахи, пенье птиц, шум ветрз в кронах умиротворили героя. Он принялся делать глубокие вдохи, чередуя их с выдохами, потом, не торопясь, пробежал несколько метров по тропинке и, наконец, уселся отдохнуть на какой-то пень.

В этот блаженный момент среди вековых деревьев забрезжила фигура бога Эрмия, который принял облик белобородого старца. Увидев отдыхающего героя, Эрмий направил свои стопы прямо к нему. Трудно сказать почему, но только юный бог (в старческом облике) решил помочь Одиссею и, растолкав задремавшего, вручил ему корень под названием моли, который должен был предохранить Одиссея от страшных чар. Одиссей осторожно взял корень, обдул с него землю, положил за пазуху и обратился к доброму старичку с пышной благодарственной речью. Но оивенные слова Эрмия потрясли славного мужа:

— Когда Цирцея увидит, что ее чары на тебя не действуют, — сказал тот, — она предложит тебе разделить

с ней ложе. Ни в коем случае не отказывайся! — вскричал он, заметив гневный жест Одиссея. — Иначе погубишь себя и не выручишь своих товарищей.

Тут Олег Иванович затосковал. Вспомнилась ему оставленная дома жена, вспомнился сын Телемах. Как она там одна справляется? Мальчик в таком возрасте — вредный, настырный, любое замечание в штыки встречает... Правда, сейчас он в пионерлагере, но все равно, спокойней было бы Пенелопе, если бы муж вернулся домой. Ну что ей стоит написать сейчас: «Бросился тут Одиссей к кораблю, оттолкнул его от берега и...», но тогда его товарищи так и будут хрюкать всю жизнь в тесном загончике. Одиссей представил, как гордые мужи жадно пожирают помои, отталкивая друг друга от корыта щетинистыми боками, как свирепо торчат у них изо рта желтые слюнявые клыки, и на секунду ему стало дурно. «Ладно, посмотрим, что получится. Ложе — не ложе, а ребят выручать надо».

Что ж, посмотрю и я, что у него получится, потому что Муза моя, утомившись вдохновлять, спит в кухне на табуретке, подперев кулачком бледную щеку.

* * *

Примерно через полчаса Одиссей ступил в дом Цирцеи, сложенный из тесанных камней. У двери его встретили две служанки. Они радушно пригласили путника войти в залу и оставили одного.

Одиссей осторожно посмотрел по сторонам и почувствовал, как тихая жуть наполняет его сердце. Ни звука, ни души вокруг. В какой-то момент Одиссею показалось, что он слышит, как тихо плещет его кровь, пробегающая через сердце. Цирцея должна была петь в момент его появления! Что они там все — заснули?

И тут воздух посреди залы сгустился в голубой столб и неожиданно обрел очертания женского тела. Они сразу узнали друг друга. Одиссей почувствовал, как отпустила внутри тревожно натянутая жила. И он подумал, что если бы эта девушка была замужем, то он, Одиссей, завидовал бы ее мужу. Но остаться здесь с ней навсегда он не смог бы, да и не захотел.

«Этот перстень играл бы на чужой руке, но, брошенный на стол, он никому не нужен. И никто не пожелает надеть его первым, хотя каждый будет завидовать тому, кто станет его обладателем».

Цирцея услышала странные мысли гостя, и первая радость сменилась привычной горечью. Что ж...

— Выпей вина, славный Одиссей. Выпей вина.

Одиссей пристально взгляделся в красную жидкость, к Цирцея услышала, как упал на пол сложенный пополам чудесный корень моли. Она гстала из кресла, складки пурпурной мантии красиво заструились вдоль ее тела, белые волосы растрепались.

— Я одинока, Одиссей, и я не знаю, где взять слова, чтобы убедить тебя. Ты скажешь, что тебя ждет Пенелопа, но я могла бы ждать тебя по сто крат сильнее. Она прекрасна, скажешь ты. Но ее красоты осталось на несколько лет, а я бессмертная и вечно юная богиня. У вас есть сын? Я рожу тебе много сыновей. В приливе чувств люди и боги говорят одинаковые слова, но я хочу, чтобы мои слова звучали так, словно они звучат на земле впервые, и так, словно их уже никто никогда не произнесет. Поверь, Одиссей, я люблю тебя. Сейчас ты прекрасен, но я знала тебя другим, и я любила тебя того, другого, усталого и невзрачного... Однако я вижу, что зря говорю все это. Ты не со мной. Мыслями ты в далекой Итаке. Ты гладил лицо своей стареющей жены, ты смотришь в ее глаза. Что тебе в ней?

Недобро сверкнул взгляд Цирцеи.

— А знаешь ли ты, что день и ночь в ее доме пируют женихи? И откуда тебе известно, не отдала ли твоя жена сердце кому-нибудь из них? Они молоды и пригожи, а ты красив только здесь, со мной!

С тяжелым сердцем внимал этим словам Одиссей. Страшным будет гнев отвергнутой богини. Не поторопился ли он, выбросив чудесный корень? Тоскливому взору его уже представлялись черные волны жестокого моря, наотмашь бьющие его многострадальный корабль, свирепый ветер, ломающий мачту, и товарищи, захлебывающиеся в соленой воде. Впрочем, какие товарищи, если почти все они толкнутся сейчас в грязном загоне и хрюкают от удовольствия, когда добрая служанка мимоходом щечочет им спины.

— Опомнись, богиня, в тебе говорит отчаяние. Зачем ты тратишь свою душу на человека, ее недостойного. При-

дет однажды тот, кого ты ждешь, с чем выйдешь ты ему навстречу?

И тогда Цирцея рассмеялась:

— Я живу на этом острове всегда, понимаешь ты, человек, всегда! И ни разу, слышишь, ни разу за это необозримое время не пришел тот, о ком ты говоришь. Так пусть же я сама возьму то, что изначально должно принадлежать мне, потому что твоя Пенелопа — это просто ошибка богов. Быть может, ты заметил уже, что мой волшебный жезл не причинил тебе вреда. Это ли не говорит о том, что именно тебя я ждала?

«Это говорит только о том, что я не свинья», — хотел возразить Олег Иванович, но почувствовал, что столь прозаическое вкрапление нарушит их поэтический диалог, и воздержался.

Олег Иванович оказался в затруднительном положении. К его чести надо сказать, что у него и мысли не было остаться с Цирцеей. Он был, прежде всего, человеком долга, и на поводу у своего сердца ходить не привык. Его удивляло и даже несколько тяготило столь бурное проявление чувств. «В конце концов, кому как не ей знать, что я не свободен! Что за невоздержанность?» — с раздражением думал он. Но так думал Олег Иванович, Одиссей же печально смотрел в разгневанное лицо богини. Легкими тенями вставали в его памяти смертные женщины, которых он знал когда-то. С ними ему было легко, и оставлял он их просто, без мук, ведь ни одна из них не посягала на его душу, не требовала любви, довольствуясь малым. Крохотная частичка души, которую он отдавал бывшим возлюбленным, восстанавливалась вновь, и он сам чувствовал себя, словно ящерица, у которой снова отрос хвост, оборванный глупыми детьми. И даже Пенелопе он не отдал всего себя, любя больше всего на свете свободу и возможность уйти в любой момент. Пенелопа же знала об этом и не пыталась держать мужа при

себе. Может быть, именно поэтому Одиссей так стремился сейчас домой.

Я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не толкнуть моего героя в объятия несчастной Цирцеи, так велико мое сострадание. И если бы это действительно был Одиссей, как он есть, то именно так я и поступила бы. Ведь эрудированный читатель помнит, что Одиссей долгое время оставался на острове в гостях у Цирцеи, давая отдохнуть усталым товарищам и ожидая, когда они снова станут готовы к опасному путешествию. Но тот Одиссей, о котором рассказываю я, — не настоящий. Он (да простит меня великий Гомер) напополам плод моей фантазии. Впрочем, может быть, Олег Иванович тоже не настоящий? Может быть, именно его я придумала? И сестру Марину. И усталую Музу, на которую можно сослаться в случае чего.

Впрочем, я не права. Конечно, выдуман мною только Одиссей: ведь именно его поступки я могу предугадать, а как поступит в необычной ситуации живой человек, узнать заранее можно, но трудно. Очень трудно. Иначе не разводили бы мы руками: «Кто бы мог подумать». Поэтому я прерываю свой рассказ, тем более, что сказала уже все, что хотела сказать, а вмешиваться в чужие отношения — не в моих правилах. Пусть люди все решают сами. Но, кажется, они уже ничего не успеют решить: я возвращаюсь в комнату, где затревожил поставленный в пустое ведро будильник. Другим способом прервать сон моего героя сложно. Сейчас они проснутся, и Олег Иванович шмыгнет в ванную, стараясь не смотреть на Марину. И Марина ничего не скажет, потому что знает: с первыми же словами забудется то, что всю ночь нашептывали ей я и мой соавтор — Муза.

И только за утреним чаем хлопнет себя по лбу несчастный Одиссей: «А как же ребята? Они-то как?»

Но поздно, мой друг. Поздно.

ВОЙ ШАКАЛА

Доктор биологических наук Сидоров захлопнул дверь своей квартиры и, по давней шаловливой привычке, слегка прижал кнопку звонка. «Блям-блям», — пропело в глубинах его жилья. Сидоров укрепил на голове побитую моляу полковничью папаху и двинулся было к лестнице, как вдруг ему открыли.

Сидоров прекрасно знал, что в квартире никого нет, и в то же время он ясно слышал, как щелкнул замок и видел растворяющуюся дверь. Не веря глазам своим, стоял доктор на площадке. Но тут в проеме показался заспанный детина в коротковатом для него атласном халате женского, как успел заметить Сидоров, фасона.

— Надюшка, — проговорил сонным со сна голосом детина. — Сидор-то наш, ни фига себе, сам вернулся.

После этих странных слов из-за двери высунулась огромная волосатая лапа, схватила доктора Сидорова поперек туловища, безо всяких усилий оторвала его от земли и внесла в квартиру. Еще несколько ужасных мгновений — и доктор оказался за решеткой.

«Кошмар», — содрогаясь успел подумать он и без чувств повалился на пол своей тюрьмы.

Долго ли пробыв в беспамятстве доктор Сидоров — сказать трудно. В наплывающих цветных видениях явились ему вчерашние обидчики, норовили уязвить побольней, особенно старались те, кто еще недавно зависел от него, пока не разогнали лабораторию. Секретарша директора, сама любезность, очаровательная Елизавета, еще неделю назад заносила почту к нему в кабинет и присаживалась рядом поболтать, а теперь не разрешила позвонить по «вертушке»: междугородный телефон личными разговорами просили не занимать... Тайным голосованием вывели из состава ученого совета.

— Перенесите это достойно. — Директор института смотрел ничего не выражающим тритонным взглядом. — Мы дали вам возможность досидеть до пенсии. Деятельность вашей лаборатории уже давно вносила нам недоверие.

Сидоров гордо выпрямился.

— А вот тут я должен заявить, как доктор наук...

— Доктор... Оставьте вы это, — перебил директор. — Тема вашей диссертации до сих пор служит притчей во языцех. «Хиральность» яскин! Это, извините, что такое?

— К сожалению, — скорбно усмехнулся гонимый, — к сожалению, вы не биолог, и этот вопрос не в вашей компетенции.

— О да! — Директор встал из-за стола и нервно прошелся по кабинету. — А эта ваша повадка: стоит где-то появиться интересному результату, вы тут как тут и какими-то невероятными незуитскими маневрами добиваетесь, чтобы вас включили в соавторы. За этот год вы, если мне не изменяет память, соавтор двадцати девяти работ.

— Людям видней...

— И, наконец, посмотрите, как вы опустились. Затрапезный вид, длинные волосы, бабья гребенка на голове, какие-то тесемки отовсюду торчат. Извините, Борис Борисович, но я солидарен с мнением коллектива. Тем более, вам давно пора на заслуженный, хм... отдых.

«Ну я им всем покажу, — хищно думал Сидоров, покидая директорский кабинет. — В Москве еще, слава богу, хорошие люди есть. А сейчас вот куплю бутылку водки и напьюсь как сапожник».

Однако, увидев очередь, толпящуюся перед магазином, он понял, что насчет сапожника ничего не выйдет, и, стремясь излить тоску, позвонил по знакомому телефону.

— Ой, Сидорчик, — проворковали там, — сегодня не смогу. Ты бы заранее позвонил. Я вечером в гости иду.

— У меня сегодня был тяжелый день, — жалостно вздохнул Борис Борисович. — Кажется, меня съели.

— Да бедный, — посочувствовали на том конце. — А фейхуа ты мне достал? Я так и знала. Злюка. А достанешь? А почему ты не спрашиваешь, к кому я иду? К Василь Васильичу.

Доктор Сидоров обомлел:

— Что я слышу? Надюшка, лапа, поговори с ним насчет меня. Ты очаровательная женщина, воздействуй личным обаянием, ты же знаешь, как я тебя...

— А фейхуа не достал? А я такая болезненная...

— Ну я достану, сокровище. Боже-боже, как несправедлива эта жизнь. Вот так рабство-рабство, а под старость тебя — на улицу.

— Да ты же мой старенький...

Далее следовал бессмысленный щебет, который, возможно, волнует кровь влюбленному аспиранту, но вызывает глухую ярость разжалованного заглаба. Однако Сидоров взял себя в руки, перетерпел глупую ворковню, даже ответил что-то в том же духе, потом еще раз членораздельно повторил свою просьбу, попрощался и повесил трубку.

Больше звонить он никому не стал. А дома, пошарив рукой в розале, нащупал непотухнутую бутылку азербайджанского коньяка. Борис Борисович на розале не играл, но в период расцвета своей научной карьеры, поддавшись угорам ныне покойной жены, которая считала, что розаль в квартире — признак роскоши, приобрел инструмент, и потом, чтобы покупка не простаивала зря, принялся складировать в его утробе деры защитившихся на безответной раске кандидатов наук, которым оппонировал. В конце концов такой неопровержимый научный факт как хиральность раски позволил опереться плееде молодых ученых, чья благодарность в течение лет воплотилась в виде коньячной батареи. Время шло, батарея редела, но и теперь, пошарив среди музыкальных внутренностей, бывший заглаб нащупал сосуд с коньяком, некий символ былого процветания. Борис Борисович горько вздохнул и до краев наполнил чайную чашку. Коньяк он не любил, но поскольку пробку в запальничности уже сорвал, надо было последовательным. Потом он вспомнил, что завтра все-таки на работу: как-никак, приказа еще не было, — и точным движением биолога отлил большую часть обратно.

А утром... утром (смотри первую страницу повествования).

Прошло время. Сидоров приоткрыл глаза и сквозь головную боль (вероятно, падаю, ударился головой) обнаружил, что находится в клетке. Рядом с ним на полу, в большой капроновой емкости, напоминавшей перевернутую крышку от гигантской банки, была налита вода, громкая коробка была наполнена продолговатыми черными предметами, напоминающими семечки, но больше семечек раз в десять. Сидоров почувствовал, что хочет пить, и припал к воде. Потом он покрутил головой и легко вспорхнул на толстое бревно, находившееся наверху. Клетка стояла на подоконнике. За окном было еще темно. Во комнате зажгли свет, и темное утреннее стекло смутно отразило большого попугая с кургузым хвостом, который удивительно ловко повторял все движения Бориса Борисовича. Доктор провел ладонью по лицу, и попугай принялся скрести клювом своей заскорузлой лапой, доктор поглядел себя по животу, и попугай судорожно зачесал в пазу, потом доктор и попугай синхронно вздохнули. Потом к клетке приблизилась уже бритая физиономия детины, планнвшего Бориса Борисовича.

— Что, оклемался? — спросил детина. — Надюшка, гляди-ка, оклемался!

И тут доктор Сидоров начал что-то подозревать. Лицо детины показалось ему странно знакомым, а мифическая Надюшка, находившаяся вне пределов видимости, наводила на мрачные мысли.

— Надюшка! — проскрежетал доктор. Лицо детины вдруг поползло в разные стороны, он схватил клетку с Сидоровым и бросился в другую комнату, где заканчивала свой туалет таинственная Надюшка.

— Он заговорил! Заговорил! — орадел детина.

Надюшка обернулась, и Сидоров понял, что обманут. Год назад, защитившись на раске, Надюшка привела в лабораторию молодого ученого с периферии, который был ее дальним родственником и хотел посвятить свою жизнь изучению хиральности. Борис Борисович возразил тогда, заявив, что ставок нет, Надюшка надулась, целый день не желала разговаривать. Наконец, извернувшись, Сидоров пристроил молодого ученого в соседнюю лабораторию, которая изучала ночной вой шкала на южном склоне Килиманджаро и имела частые заграничные командировки для изучения быта и вой шкалов в естественных условиях. Фамилия ученого была Бебеков, и звали его, какется, Ростик.

Борис Борисович понял, что перестает верить в человечество. Надюшка подошла к клетке, и доктор грудью бросился на прутья, пытаясь сцепиться клювом в обменщицу.

— Ненормальный, — обиделась Надюшка. Потом она, не стыдясь, скинула свой атласный (даренный Сидоровым) халат и пошла в ванную.

— Это у него стресс, — сказал Бебеков и отнес клет-

ку на место. — Немерзся, мальчик, — пожалел он затверника, выпячив толстые губы. — А не улетай. Форточка не для того, чтобы улетать, сделана, а для того, чтобы проветривать.

После этого Ростик обтянул свой ядерный зад джинсами, поцеловал Надюшку и отправился по своим делам, связанным с воем шкалов. Неверная Надюшка принялась раскладывать пасьянс.

«Ничего себе, на работу ходят. Какой час, интересный!» Доктор повертел головой, но часов не заметил. Потом он почесал грудь и еще раз повертел головой, теперь уже для того, чтобы отогнать жуткие мысли, наползавшие со всех сторон.

Вообще-то любой не слишком образованный и склонный к предрассудкам человек давно понял бы, что произошло нечто, выходящее за пределы привычной реальности, но доктор был весьма учен, к тому же материалист, и не хотел понять своего положения. Самым неприятным на сегодняшний день он старался считать Надюшкину измену и теперь, оставшись с неверной наедине, решил объясниться. Сидоров хотел напомнить, скольким эта женщина обязана ему, но неприспособленный речевой аппарат не желал повиноваться, и единственное слово, которое удалось ему проскрежетать, вызвало у Надюшки такое негодование, что она набросила на клетку свой халат. Доктор в ярости походил еще по жердочке, но потом, умиротворенный запахом, наполнившим клетку, успокоился и, наконец, сунул голову под крыло и задремал.

Проснулся он от каких-то криков и в первый момент подумал, что в квартиру проникли грабители (Сидоров, еще будучи человеком, очень боялся грабителей), но потом прислушался и понял, что это не так.

— Ну ни фига себе, — нервно повторял мужской голос.

— Что же теперь будет? — ахала Надюшка.

Сидор, стараясь не шуметь, подкрался к прутьям клетки и глянул с небольшой щелочку, образовавшуюся между складками ткани.

Бебеков метался по комнате, Надюшка указательными пальцами массировала себе виски. В этот момент зазвонил телефон.

— Звонит телефон. Редактор субтитров Ээро, — проскрежетал попугай. От духоты у него помутилось в голове.

— Зачем ты его закутала? — спросил Ростик, направляясь к телефону.

— Знаешь, стыдно сказать, но он матерится. Если так дальше пойдет, придется его продать.

— Дурында, — возмутился молодой ученый, поднимая трубку. — Это же знаешь как пикантно. Алло! Алло! Привет... Что Сидоров-то коньки откинул? Я час назад узнал. Надюшка траур шьет.

Трудно подобрать глагол, который охарактеризовал бы состояние недавнего доктора. Будь он сейчас в своем человеческом облике — его, несомненно, хвятил бы удар, но семьдесят лет — что это за возраст для попугая! Молодость. Сердце здоровое, крепкое, сосуды эластичные. Поэтому Сидор даже не потерял сознания, но мозг его, отвыкший от научного поиска, впрягся в непосильную работу: надо было наконец оценить ситуацию и выработать линию поведения. Перед лицом неопровержимых фактов и, несмотря на твердую материалистическую позицию, Сидоров был вынужден признать, что теперь он попугай, а тот, кем он был еще несколько часов назад, — не существует. Душа усопшего переселилась в блудного Сидора, где, вероятно, и останется навсегда.

— Да, да, — сокрушался Ростик, — по пути на работу, прямо на лестничной площадке.

«Значит, это навсегда, — понял Сидор. — Значит, я не закодирован и никто не раскодирует меня своим поцелуем». Он хотел было предаться унынию, но в этот момент Ростик сдернул с клетки халат, Сидору стало легче дышать, и он приободрился. «В конце концов еще ничего не ясно. Пересажу тяжелое время в птичий облик, а там, глядишь, колесо фортуны снова повернется...»

— Знаешь, а мне его даже немножко жаль, — произнесла Надюшка, перекусывая нитку.

«Вот так сюрприз, — внутренние вздрогнул Сидор, — немножко!»

— Мне, в общем, тоже, — отозвался Ростик. — Блатной старикан был.

— Да... Связей имел предостаточно...

— Каких это связей? — хихикнул Бебеков и пощекотал полный Надюшкин бок указательным пальцем.

— Пошлак, — шутливо обиделась Надюшка. — Вы с Сидором — два сапога пара.

Ростик приобнял Надюшку, и она, словно нехотуя, отодвинула в сторону черную ткань.

— Не смей! — закричал попугай, но его никто не слушал...

...Короткими птичьими ночами видел он себя в своем кабинете. От нечего делать он переключал на себя параллельный коридорный телефон и, когда звонили кому-то из его лаборатории, высовывал голову в коридор и хрипло кричал фамилию абонента. Он был доволен жизнью: читал лекции в обществе «Знание», звонил знакомым, устраивал кого-то в больницу или на работу, доставал дефицитные лекарства. Иногда ему на отзыв присылали диссертацию или статью. Отзыв, перепечатанный на машинке, как правило, прилагался, нужно было только подписать, и Борис Борисович с удовольствием ставил свою фамилию и звание. За все эти необременительные обязанности он получал четыреста рублей в месяц, чувствовал себя полноценным членом общества и не боялся переездистации, поскольку сам входил в аттестационную комиссию.

— Так чем же вы, голубчик, занимались последние полгода? — любил спрашивать он какого-нибудь жалкого старшего лаборанта и грозно постукивал при этом пальцами по крышке стола.

— Н-да, не густо, не густо...

Во время тайного голосования Сидоров с удовольствием подчеркивал в бюллетене жирной чертой: «Занимаемой должности не соответствует»...

Тут Сидор просыпался и замутненным спросонья оком, не понимая, оглядывал металлические прутья клетки, семечки, насыпанные прямо на грязную газету (чистить клетку его хозяева ленились, воду меняли, и то ладно), а потом снова укладывал голову под крыло, недоумевая, почему, будучи человеком, не пытался спать в такой удобной позе?

Прошло месяца три. Из окна перестало дуть холодным. Сидор иногда ловил себя на странной мысли: будто бы он успел катапультироваться из горящего самолета, и радостно было ему, и жутко, и неизвестность впереди за туманными пластами судьбы.

Как-то приятным весенним вечером у Надюшки с Ростиком собрались гости. Гости кричали «горько» и, не смотря на трудности со спиртным, наполняли бокалы. Попугай, нахохлившись, сидел на жердочке, размышляя о безразличности происходящего. Среди гостей были его знакомые, но ни один из них не предложил почтить память Сидорова. Это было обидно.

«Если бы знал раньше! Негодяи! Если бы я знал... А эти — тоже мне парочка. Он ей почти в сыновья годится».

— А попочка-то у вас загрустил, — обернулась на клетку Удойская из отдела снабжения. Лицо ее, обычно имеющее странное выражение порядочной женщины, которой предложили нечто непристойное, сейчас отмякло и подало. — Смотрит на молодых и завидует. Надо бы ему подружку купить.

«Что за бестактность! — возмутился про себя Сидор. — Вмешиваться в мою личную жизнь!» Он вспомнил, что такое же возмущение охватывало его в детстве, когда незнакомые старухи в сквере, где он прогуливался с нянькой, выясняли, есть ли у него папа, и когда он, воспитанный мальчик, отвечал, что да, есть, велели просить у папы с мамой братика или сестричку. «Без вас не разберемся, дуры», — в ярости думал он, сохраняя при этом вежливое личико.

«А теперь-то чего я стесняюсь?» — удивился Сидор, поскреб лапой по шее, словно ослабляя «кис-кис», и прокрипел:

— Старая девка.

И грязно выругался.

Стало тихо. Все смотрели на Удойскую, лицо которой обрело привычное выражение.

— Ах, извините, Олечка, милая, ради бога, — залепетала Надюшка. — Это же птичка. Она не понимает. Щебет себе.

— А что он сказал-то? — спрашивали с другого конца стола.

Ростик закрыл лицо салфеткой и выскочил из комнаты. Надюшкины извинения утонули в общем хохоте. Удойская пыталась закурить. Из-за шума не сразу услышали звонок.

— Василь Васильич! — объявил Ростик, появляясь на пороге.

Сидор почувствовал, как заколотилось сердце.

— Василь Васильевичу гип-гип-ура! — закричал он, объятый холуйским восторгом, усилием воли заставляя повиноваться непослушный речевой аппарат. Гости подхватили его крик.

«Сейчас он подойдет, и я, наконец, скажу ему... Он поймет, как несправедливо со мной обошелся. Я расскажу, что творится кругом. В конце концов, перестройка у нас или нет?»

Но вместо Василь Васильича к клетке бочком подкралась Удойская с сигаретой в тощих пальцах и, воспользовавшись суматохой, принялась жадно затягиваться и выдыхать отработанный дым прямо в клетку. У Сидора закружилась голова. «Зажим критики», — взгрустнулось ему. Закончив акт возмездия, мерзкая снабженка прошипела: «У-у, гнида!» — и бросилась порхать вокруг директора.

Наконец стало тихо, Василь Васильич поднял «штрафную» и только раскрыл рот, как из клетки, где сидел попугай, раздалось совершенно отчетливо:

— Хорошая жизнь приближается!

Последовала немая сцена. Дело в том, что каждый свой тост, мало того, каждое слово выступления в не слишком официальной обстановке директор начинал именно такими словами.

— Да здравствует советская наука! — подлил масла в огонь пернатый. — Советская ряска — самая хиральная в мире!

Директор сел и пристально, словно ожидая подвоха, посмотрел на собравшихся. Потом он перевел изучающий взгляд на Сидора. Попугай в страхе сунул голову под крыло и уже из-под крыла услышал первый лестный отзыв из директорских уст:

— Берите пример, товарищи. Если бы эта уникальная птица была человеком, я думаю, мы все уже работали бы под ее руководством.

Сидор вынул голову из-под крыла и прошелся по клетке.

— Девятью восемь — семьдесят два, — провозгласил он. — Курение вредит нашему здоровью!

Застолье было прервано, гости во главе с Василь Васильичем столпились вокруг клетки. Попугай был в ударе. Он читал из Северянина, пел «Еще не вечер», потом сообщил собравшимся, что является членом общества «Знание» и поведал о происхождении жизни на Земле, а в заключение программы рассказал известные ему интимные подробности из жизни некоторых отсутствующих на свадьбе сотрудников. Публика была удовлетворена. Только Надюшка, обидевшись, что центр внимания переместился, сидела за столом и, не снимая кружевных перчаток, нервно поедала селедку.

Прощаясь, директор долго жал руку Ростика и целовал ручку Надюшке.

— Милые вы мои, — возбужденно говорил он. — Может быть, его в цирк? Нет, что я говорю. Лелейте его, берегите, холите. Этот попугай — достояние всего нашего народа.

Пожалуй, за всю свою жизнь Борис Борисович не переживал подобного триумфа. Не в силах скрыть восторг, он то запрыгивал на жердочку, то снова оказывался полу. Шелуха от семечек веером разлеталась вокруг клетки, вода пролилась на газету, которая жадно ее впитала. «Боже мой, какой успех, какая слава, — билось в птичьей голове. — Мог ли я мечтать? Василь Васильич восторгался, а это чего-то да стоит. Наконец-то оценили! Нет, я всегда верил, что это будет. Талант пробуждался! Я знал. Знал! Какое счастье!»

Но тут восторг Сидора несильно поуменился. Как Надюшка, проводив последнего гостя, вернулась в комнату и, заливаясь слезами, метнула в клетку дареный Чебурашкой. Попугай испуганно заметался.

— С ума сошла! — кинулся на защиту Ростик. — Уникальный экземпляр!

— Плевать я хотела, — разрыдалась Надюшка. — Весь вечер вокруг него: тю-тю-тю да тю-тю-тю, а о деле — ни слова. Лабораторию-то закрыли, куда теперь? Что я умею?

— Да ну на фиг, — утешал Ростик, — у нас безработных нет. Устроишься куда-нибудь.

— А я не хочу куда-нибудь. Я, кроме ряски, ничего не умею. А ты... ты с попугаем этим дурацким. Был бы жив Борис Борисович...

Попугай приосанился.

— Борис Борисович твой, между прочим, во всем и виноват. Пустое место в науке. Только и было, что очки да пузо, да еще гробенка в башке.

— Да ладно тебе, — обиделась Надюшка. — Можно подумать, что ты не пустое место.

— Я?! — захлебнулся Ростик.

— Ты, ты. Вот разгонят вас, тебе тоже плохо придется. Пойдешь к станку учеником в тридцать лет. Хи-хи.

— Нет, ребята, — запрутил Ростик. — Баба она баба и есть. Ты ж постарайся понять: есть наука прикладная, а есть фундаментальная. Разницу усекаешь? Дилетанту какому-нибудь, может, и покажется, что вой шакала — это так, детские игрушки. А если вникнуть? Может быть, через сто, двести лет наши исследования лягут в основу великого открытия. Вот ты, например, знаешь, — воодушеваясь, продолжал Бебехов, — чем отличается вой самки шакала в брачный период от вой той же самки на ранних месяцах беременности? Не знаешь? И никто пока не знает. — Ростик оглянулся на клетку с попугаем, который подозрительно насторожился. — А я знаю. Дело в том, что в вой беременной самки появляется звук, отдаленно напоминающий «нг». На этом факте, — он еще раз оглянулся на попугая, — на этом факте я собираюсь...

— Паразитировать, — гаркнул не в меру расшалившийся попка.

— Словом, это, возможно, станет темой моей диссертации, — не обращая внимания на глупую птицу, почти шепотом закончил Ростик.

Потом он быстро встал на четвереньки, обратил лицо к люстре, напружинил задние конечности и огласил прокуренившийся воздух комнаты душераздирающим кошачьим воплем, в котором действительно можно было различить звуки, похожие на «нг».

В стенку застучали. Ростик скорбно улыбнулся и встал на ноги.

— Никаких условий для научной работы, — потом он внимательно посмотрел на Сидора и добавил: — Пока никому, как человека прошу.

С этого дня квартира Бебеховых превратилась в салон. Здесь собиралась избранная институтская публика и коротала вечера в беседах с попугаем. Любое высказывание ученой птицы вызывало восторг. Лекции о происхождении жизни на Земле пользовались особенной популярностью. Это удивляло Сидора, потому что в бытность его человеком на те же самые лекции собрать аудиторию было очень трудно. Иногда он, резвясь и наслаждаясь безнаказанностью, сдобривал свою академическую речь соленым словечком, и это тоже принималось на «ура». В салоне Бебеховых стали бывать известные люди: артисты, писатели, кое-кто из Академии наук на огонек заглядывал. Командированных из министерств и ведомств водили теперь не только в сауну, но и к молодой чете «на попугая». Холодильник Надюшки в связи с этим стал пополняться из фондового магазина, и дорогих гостей (не ударять же в грязь лицом!) потчевали отечественными деликатесами и бразильским растворимым.

Но однажды очередной высокий гость, прослушав цикл сидоровых лекций, аккуратно протер очки и произнес:

— На месте хозяев этого уникального живого организма я не устраивал бы балаган, а сделал все ради процветания науки.

Бебеховы переглянулись, среди гостей прошел ролот.

— Да, — продолжал ответственный товарищ. — Содержать экспериментальное животное в домашних условиях считаю преступлением. Мы должны изучить этот удивительный мозг. Ввести электроды, воздействовать пучком нейтронов... В конце концов, сделать срезы для микроскопического исследования. Да мало ли что! Использовать этот уникум лишь для собственного развлечения неэтично и, я бы сказал, преступно, особенно для такой уважаемой аудитории.

Гости молчали. Сидор понял, что переборщил и на всякий случай выдал примитивное:

— Попка дурак!

Никогда в своей прежней жизни не достигал он таких вершин, но и никогда не оказывался так близко к краху. Ночью супруги обсуждали ситуацию.

— Меня на работе, можно сказать, только из-за Сидора и держат, — вздыхала Надюшка. — Отдадим его — я при первом же сокращении полечу.

— Ни фиги себе, — отзывался Ростик. — Проблемочка.

«Не отдавайте меня!» — хотелось крикнуть Сидору, но теперь он предпочитал держать язык за зубами, вернее, за клювом. Электроды, облучение... бр-р, ужас какой! Вот они — превратности судьбы. Вот оно — горе от ума.

И главное, все зависело теперь только от этих двух людей, которые были многим ему обязаны раньше, когда Борис Борисович был еще заглабом, да и теперь, когда он стал попугаем. «Что вы были без меня? — телепатировал Сидор Ростiku. — Кому вы были нужны? А теперь?! Какие знакомства! Какое общество!» Но сеанс телепатии не увенчался успехом: во всяком случае, единственным ответом на разумные мысли попугая стал рвущий перепонки хрип Бебехова.

Потянулись тревожные дни. Бебеховы обсуждали, отдавать попугая или нет, а если отдавать, то за сколько. Может быть, выгодней отдать безвозмездно? Попугай же внезапно замолчал.

— Бойкот объявил, что ли? — удивлялся Ростик.

— А может, он чувствует, что решается его судьба, — рассуждала Надюшка, — может, он что-нибудь понимает?

— Ни фиги он не понимает, — злился Ростик. Но факт оставался фактом: попугай был нем как рыба. Он сидел, нахохлившись в углу клетки, и казалось, не имел сил взлететь на жердочку.

— Как бы он коньки не откинул, — беспокоился глава семьи.

Тем временем салон Бебеховых пришел в упадок. Гости, уставшие от созерцания безмолвствующего попугая, разбрелись кто куда. Командированные из министерств и ведомств ограничивались теперь сауной. Фондовые запасы в холодильнике иссякли.

Однажды днем Сидор задремал, а когда очнулся, обнаружил в своей клетке какое-то пестрое пугало. Пугало сидело на жердочке и, заметив взгляд хозяина жилища, кокетливо потупило черные глаза. «Что это они! — удивился Сидор. — Коммуналку мне устроить решили?»

Но тут к клетке подошла Надюшка и разрешила Сидоровы сомнения:

— Повеселей с подружкой-то?

«Этого не хватало!» — чуть не крикнул попугай, но тут же осекся. Заговоришь — они снова приведут ужасного фанатика в очечках. А попугайка, правильно понимая свою благотворительную миссию, спорхнула к Сидору и (о, ужас!) стала приглаживать его блеклые, местами испачканные перья своим мощным клювом. Сидор попытался отодвинуться, но клетка была невелика, и он тут же попал ногой в емкость с водой.

— Оставьте меня, что за наглость! — не в силах сдерживаться, заверещал попугай.

— Ага, что я говорил, — входя в комнату провозгласил Ростик. — Прекрасный пол — это сила, это даже попугай понимает!

Попугайка между тем продолжала усердно ласкать Сидора, который в конце концов покорился и даже начал находить удовольствие в невинном птичьем флирте. Иногда, размякнув от нежных прикосновений, он засыпал, и просыпаясь, радостно ощущал всей кожей, как Стелла (так называл незнакомку Ростик) осторожно почесывает его спинку, играя лохматит перышки, а потом аккуратно их причесывает.

Так продолжалось пять дней. Стелла старалась изо всех сил, Сидор был пассивен. На шестой день он неожиданно для себя ощутил сильнейший удар по затылку и с удивлением оглянулся. Разъяренная, вскочившая Стелла дико прокричала что-то на птичьем языке и снова долбанула сокамерника, теперь уже в лоб.

— Ты что, бесилась! — пролепетал Сидор, но попугайка не понимала человеческих слов, а Сидор не знал по-птичьи, поэтому найти общий язык не представлялось возможным. В последующие дни Стелла бросалась из крайности в крайность, переходя от неистовых ласк к побоям. Сидор уклонялся от любого контакта, насколько позволяла территория, но клетка была мала, и поэтому на затылке несчастного попугая вскоре образовалась значительная плешь, а хвост поредел и раздвоился. Сидор стал похож на ласточку. Это сходство отметил и Ростик. Но Надюшка заметила кое-что еще:

— Бедный попочка. Он с этой лысиной на Бориса Борисовича похож. Убери ты от него эту стерву.

Ростик как-то странно посмотрел на жену, но послушался, сунул руку в клетку, изловил заматавшуюся Стеллу... и дальнейшая судьба ее окуталась мраком неизвестности. Во всяком случае Сидор больше никогда ничего о ней не слышал. И снова потянулись безрадостные дни, наполненные страхом ожидания. Время шло, попугай безмолствовал.

— Надо устроить ему стресс, — решил Ростик и на следующий день принес гадкого котенка со слепыми еще глазами.

— Будешь теперь жить, как на вулкане, — объяснил он попугаю. — Так что давай, обретай дар речи. Тварь бессловесная. Свой хлеб отбавывать надо. Кто не работает — тот не ест, понял?

Начиналась зима. Снова задуло из окна, и на подоконнике появился снег. Снова шли по улицам нахохленные с поднятыми воротниками люди. Котенок хорошо кушал, толстел и рос. Он был резв и прыгуч и реагировал на любой шорох, доносящийся из клетки, поэтому Сидор предпочитал сидеть тихо. Впрочем, проблема, которую он пытался разрешить, и не стимулировала к подвижному образу жизни: попугаю надо было сосредоточиться. Он стоял перед выбором — попать в зубы подрастающей кошке или же стать жертвой науки. Ни то, ни другое бывшего ученого не устраивало. «Должен быть еще какой-то вариант. В конце концов, не хотят же они, чтобы эта тварь действительно меня сожрала? Ведь я денег стою, в конце концов. Даже если бы я не был говорящим, рублей сто пятьдесят за меня в случае чего дадут». Тут Сидор слегка взбодрился — ведь в бытность его человеком никто не дал бы за него таких денег, а теперь он представляет собой несомненную ценность. Хотя, с другой стороны, будучи человеком, он сам получал ежемесячно четыреста рублей ни за что, а теперь, обладая уникальными навыками, имел лишь горсть семечек, глоток воды и жизнь за решеткой. «А еще говорят, что у нас дискриминации нет. Ну хорошо, предположим, в клетку кошка не проникнет, но она запросто просовывает лапу между прутьями и, когда Бебеховых нет дома, гоняет меня по клетке. Совсем не приятно. Надо что-то делать».

Жизнь Сидора висела, как говорится, на волоске, и помощи ждать было неоткуда. Он был один, совсем один в своей тюрьме и в этой суровой действительности. Вечерами, когда Бебеховы возвращались домой, слегка продвинув науку вперед, и кошка демонстративно не смотрела в сторону клетки, Сидор, пользуясь затишьем в военных действиях, анализировал свою жизнь, но жизнь его распадалась на части, не складывалась воедино и, пытаясь вспомнить детство, он вместо скверика, где гуляла с ним нянька, видел душные гомонящие джунгли, кишасшие хищниками и гадами; концерты же симфонической музыки в филармонии, до которых он был большой охотник и которые теперь пытался прослушивать мысленно, звучали то воем шакала, то аденоидным криком слона. Мысли путались, наплывали какие-то почти забытые ароматы: запах эфира перемешивался с душным запахом испарений, поднимающихся от земли после тропического ливня, вот потянуло кофейным ароматом — раньше Борис Борисович, не смотря на склонность к гипертонии, позволял себе утром чашечку бодрящего напитка, а вот камфора — укол камфоры ему делали как-то во время сердечного приступа...

Lumbricus sapiens*

В разгар лета женщина решила, что пора подумать о зиме, вернее, об осени, потому что именно осенью случаются всяческие простудные заболевания, и тогда без малинового варенья не обойтись. Женщина не без юмора называла себя древней гречкой: ведь в Древней Греции хуже всего обстояло с тем, чтобы готовить телегу зимой. Такой уж народ были эти древние греки — жили одним днем, летом в зиму не верили.

«Пора братья за ум», — сказала женщина однажды утром и отправилась на рынок, чтобы купить малину и сварить из нее варенье. Женщина эта, как уже можно было догадаться, во всем, что касалось быта, разбиралась слабо и не знала, что для лечебного варенья нужна не садовая, а лесная малина. По дороге она подумала, что не станет мелочиться, а выберет самую крупную и спелую ягоду, как бы дорого она ни стоила. О рыночных ценах она понятия не имела и на всякий случай несла с собой двадцать рублей двумя бумажками, чтобы в случае жуткой дороговизны не оказаться в глупом положении.

«Главное, не купить с нитратами», — думала женщина, не подозревая, что кроме нитратов бывают еще и другие пакости.

* Червь разумный (латинск.)

Ночи проходили тревожно, каждый новый день мог стать последним днем бедного попугая.

«И почему это все мне?» — сокрушался Сидор. Виноват он разве, что так сложилась его судьба? Да, он дорвался до кормушки, а те, кто не дорвался, — завидовали, пытались изображать каких-то необыкновенных, не из костей и мяса живых людей. «Иисусики! Пустите их на мое место, и они точно так же стали бы». Но тут он вспомнил, что его место теперь — клетка, и погружался в безысходность.

Однажды Ростик, раздумчиво глядя на попугая, нетопливо произнес:

— Эксперимент в домашних условиях. Симбиоз! Содружество попугая и кошки. Надюшка, мы поселим их в одну клетку и снова пригласим Василь Васильича. Кошечка-то тихая, видишь, и не смотрит на Сидора. Вот завтра вечером и приступим.

Весь следующий день кошка сидела рядом с клеткой и с веселым цинизмом глядела на Сидора. Кажется, она вся пребывала в предчувствии эксперимента. Ближе к вечеру хищная тварь, утомившись от созерцания смертника, спрыгнула с подоконника и отправилась полкать воды, а, возможно, и нагадить под ванну (за последнее она подвергалась побоям, но сделать с собой ничего не могла), и в этот момент сумрачный взор Сидора наткнулся на два изогнутых прута. Видимо, кошка, просовывая лапу в клетку, постепенно раздвинула прутья. Сидор осторожно выставил голову — голова прошла без труда, тогда он прижал плотной крыльях, уперся в пол лапами, напрягся и, как намыленный, выскользнул на волю. Некоторое время он ошалело сидел на подоконнике. Форточка была открыта, но оттуда тянуло морозом, к тому же Сидору давно не приходилось летать, и теперь он не доверял собственным крыльям. Но тут кошка, видимо, закончив свои гнусные дела, завопилась под ванной, заскребла лапой, и Сидор, потеряв способность рассуждать, вылетел в форточку.

Было холодно и ясно. Воздух кишел голубями, иногда откуда-то из-за домов налетала разбойная группа воробьев, но Сидору ни до кого не было дела, он не собирался ни к кому примыкать.

Солнце светило в глаза, грудь со свистом рассекала упругий воздух, редкие снежинки проносились мимо с межпланетной скоростью. «Чому я не сокил, чому не летаю?!» — рвалось из торжествующих уст. Не было пропитания, не было уверенности в завтрашнем дне, но была свобода, было жутко и весело, и он был счастлив.

— Борис Борисович, — говорили где-то внизу, — Борис Борисович, что с вами? Вам плохо?

— Мне хорошо, — с трудом отвечал он. — Мне очень, очень хорошо.

И вот она ступила под гулкие своды рынка и вдохнула его лежалый воздух. Несмотря на разгар сезона, малину продавал только один молодой человек, весьма элегантный и предупредительный. Каждому, кто задерживался возле него больше чем на пять секунд, он говорил одну и ту же рубленную фразу: «Я вас внимательно...» Казалось, снимки с него передник — и можно отправлять посланником в какую-нибудь еще менее развитую страну.

Женщина подошла и стала подслеповато разглядывать его товар. Дело в том, что она плохо видела, но стеснялась носить очки. Именно по этой причине она и не заметила, что малина у молодого человека червивая. Его же «Я вас внимательно...» так поразило женщину, что она, даже не поинтересовавшись ценой, попросила взвесить ей два килограмма.

— Десять рублей, — сообщил молодой человек, осторожно ссылая ягоды в подставленный полиэтиленовый пакет с олимпийской символикой. Женщина по причине полной своей непрактичности обрадовалась, что денег ей хватило и еще даже остается. Она полезла в сумку и обнаружила, что кошелек там нет, а сама сумка расплосована в двух местах каким-то острым предметом, возможно, бритвой. Она уже хотела извиниться и высыпать ягоды обратно на лоток, но тут продавец смягчился (возможно, потому что малину у него никто не брал) и сказал, что будет стоять здесь еще некоторое время и за

это время женщина вполне успеет принести деньги из дома.

— Впрочем, оставьте что-нибудь в залог. Мне очень неловко, но люди всякие бывают, поймите и вы меня.

Женщина очень смутилась и со словами: «Да-да, конечно» сняла с левой руки обручальное кольцо и отдала продавцу.

За этой сценой неотрывно наблюдал (кто бы вы думали? Ни за что не догадаетесь!) — так вот, за этой сценой наблюдал притаившийся внутри одной из ягод очень толстый червяк, и сцена эта ему не нравилась. Трудно сказать, откуда он, взялся — такой большой и такой умный. Возможно, произошел от обыкновенного ягодного червячка, мирно пасущегося на малинных пупырышках, под действием невероятно ядовитой химии, которая часть червячка истребила, часть изувачила, а его, самого безвредного, сделала большим, полосатым и мыслящим. *Limbricus sariens* — так, возможно, определил бы этот червяк сам себя, если бы имел представление о латыни. Но он не имел такого представления (даже для самого умного червяка это было бы уж слишком!) и поэтому величал себя Гогушкой. Именно так называла продавца малины девушка с толстенькими ножками, время от времени возникающая среди малиновых кустов. Других имен червячок не знал, оставаться же безымянным считал для себя несолидным.

«Удивительный все-таки народ эти женщины, — размышлял он, расположившись на самой крупной яголке и почти засыпая от мерных, в такт шагам, раскатываний пакета. — Удивительный народ. Вот отдала кольцо. Ну, а если этот сейчас кольцо хватить и — домой, к малиновые кусты? Хотя, — червяк Гогушка сжал, а потом растянул всю длину свое полосатое тело, поросшее редкими волосиками, — хотя я стою и большего. Эти-то так, а нагрузку, — он презрительно оглядел кишачища неведомые собратьев, — а за меня можно было бы и два кольца дать. Две три».

Женщина принесла малину домой и высыпала на кухонный столик, разровняла ароматный розовый холмик ладонью. В результате червяк Гогушка оказался придавлен сверху слоем ягод, и ему пришлось поизваиваться, чтобы снова выползти наверх. «Что за обращение? — обиделся он.

Женщина вышла из кухни, и ее суетливые шажки слышны были теперь за стенкой.

«Да-а, слышимость здесь... Дом, видно, блочный. Кухня маловата: метров пять, не больше. И окна, кажется, на север, а я люблю солнышко... Ну, да ладно. Дело сделано. В конце концов, она за меня заплатила, и я, как честный червяк...»

Он подполз к краю столика и глянул вниз. Пол был совсем близко. Червяк Гогушка глянул вверх. «И потолки низкие. Настоящая хрущоба. Вот гадство! С моими данными можно было рассчитывать и на улучшенную планировку». И он с гордостью посмотрел на свое блестящее полосатое тело. Но в сущности Гогушка был добрым червяком, и поэтому мысли его вскоре обрели иную направленность. Он откусил кусочек прохладной малиновой мякоти и подумал о женщине с вожделением. Он вспомнил, как сквозь дырочку, образовавшуюся среди олимпийских колец пакета, были видны ее ноги, и хотя он считал ноги рудиментом и предпочитал ползание ходьбе, все-таки вынужден был отметить, что рудимент у нее — ничего. Еще он констатировал, что его женщина большая и сильная — вон сколько червячков принесла с рынка и ничего, даже не залыкалась. Кольцо на левой руке и легкость, с которой она с ним рассталась, тоже были приятны. Значит, сердце ее свободно, квартира тоже. Червячок улыбнулся и весело заскользил с ягоды на ягоду, растягивая своих меньших неразумных братьев. Места было много, и он мог бы не толкаться, но эти нахальные родственники должны были понимать (если они вообще были в состоянии хоть что-либо понимать), в чьем доме находятся. «Ишь, расплодился», — ворчал он.

Время шло, женщина не возвращалась, Гогушка слегка занервничал. «А может быть, она раскисается? Совершила необдуманный поступок, не проверила чувства, пригласила домой, а теперь — в кусты? А может, она не верит в серьезность моих намерений? Могла бы быть и поприветливей. А то сбросила одного и исчезла. С другой стороны, это говорит о том, что она мне доверяет, знает, что ничего не украду. И кроме того, зачем меня развлекать: не в гостях все-таки, а дома».

В этот момент в прихожей щелкнул замок и послышался мужской голос,

«С кем это она? Ухажера, что ли, притащила? Ну ладно, на первый раз прощается, а потом мы эти посещения прекратим. Мне друзья семьи ни к чему».

— Татуля, — позвал мужчина, — ты чего купила? Здесь же сплошные черви!

— А ты что думал, собаки? — уронически заметил Гогушка, но голосок его был тонок и остался неслышанным.

— Ну-ка, давай кастрюлю. Воду подсоли. Плохая ты у меня хозяйка.

Червячку сделалось тревожно. Но он еще надеялся, что согласно человеческим глупым обычаям они, например, будут пить эту соленую воду за встречу.

— Лей!

Через несколько секунд Гогушка вместе с собратьями закатился на соленых волнах и подумал о щцете всего земного.

— Смотри-ка удав какой, — удивился мужчина. — Как ты его не заметишь?

«Заметила, заметила, — усмехнулся его глупости червяк. Меня не заметишь сложно!»

Женщина наклонилась, и ее близорукие глаза остановились на барахтающемся червячке.

— Вадик, смотри, какой интересный. Полосатый. Я таких никогда не видела.

— Что? — Мужчина отлежась от созерцания потолка. — Все-таки тесно у тебя, Татуля. И потолки низкие. Надо думать насчет обмена.

— Смотри, головка кругленькая, а вокруг глаз как будто очки.

— А кухня у тебя метров пять?

— Кажется, пять. Может, чуть больше. А что?

— Ты воду-то сливай, — мужчина нынул на кастрюлю. «Что значит — сливай, а я? — возмутился червячок. — Пришел незванный, да еще и командует».

— Подожди, — отозвалась женщина, — я сейчас это чудо спасу.

— Слушай, а где твое кольцо? — Мужчина крепко схватил Татулю за руку. — Кольцо мое где, а?

— Ой, совсем забыла. Я же его в залог оставила. За малину. Сейчас схожу за ним.

Мужчина монументом застыл посреди кухни.

— То есть как оставила? На рынке? Спекулянту? Да ты рехнулась, наверное! — Мужчина попытался забежать по кухне, но кухня была маловата, и он ограничился тем, что с силой пихнул кастрюлю с малиной. Вода метнулась на столик, со столика закапала на пол.

Червяк свисел в колечко и прижался к ножке стола, опасаясь быть раздавленным слоновой ногой Вадика.

Хорошенько спрятавшись, червячок успокоился и посмотрел на Вадика с пренебрежением и легкой жалостью.

«Надо же, собственник выискался. Кольцо его пропало. Да не такое оно, раз подарил, а наше. И вообще, мотай отсюда».

— Я сейчас пойду, — слабо оправдывалась Татуля, — вот только червячка выволаю. Ой, а где он?

— Идиотка! — Мужчина оглушительно хлопнул себя по ляжкам. — Там десять граммов золота, а ей червяк поганый нужен!

«Сам поганый, — надменно подумал червяк Гогушка, понимая, что сила на его стороне, и слегка сочувствуя поверженному противнику. — Больно жадный. Потолки ему, видите ли, низкие. У самого, небось, и таких нет».

— Отправляйся на рынок, — лютовал Вадик, — я кому сказал!

Женщина, словно загипнотизированная доктором Кашпировским, близоруко асметричалась в водную поверхность.

— Что ты там потеряла?

«Меня она потеряла, меня!» — млея червячок Гогушка. Вадик грубо оттолкнул женщину, схватил кастрюлю, торжественно прошел в уборную и всю воду вместе с ягодами вылил в унитаз. Через секунду грохнула входная дверь.

Женщина, улыбаясь чему-то, собрала воду тряпкой.

Червяк Гогушка, то сжимая тело в сборочку, то растягивая его, неторопливо выполз на середину кухни и застыл в живописной позе. Видимо, он действительно был очень велик, потому что женщина заметила его и взяла двумя пальцами. Червячок застыл упругим колечком.

— Червь сомненья, — сказала женщина. — Заморить червячка. Что еще... Книжный червь. Черви козыри...

Это было похоже на объяснение в любви. Гогушка почувствовал истому и расслабил тело. Женщина вздрогнула и отбросила его от себя. Потом оторвала кусочек газе-

ты, осторожно подцепила червячка краешком и распахнула балкон.

— Нет! — хотел было крикнуть он, но не успел.

Словно на дельтаплане, летел над городом червяк Гогушка на куске газеты. Проплывающие вину красоты ласкали взор, успокаивали обиженное сердце. Будь он знаком с классикой, прокричал бы сейчас что-нибудь вроде: «О женщины! Вам имя вероломство!», но он не был знаком с классикой и поэтому просто оплакивал тихо свою несостоявшуюся любовь.

Сергей БУЛЫГА

ЖЕЛТАЯ ЖЕМЧУЖИНА

В Бескрайнем Океане, много южнее тех мест, где обитает Бородатый Змей, затерялся один маленький, всеми забытый остров. Точнее, даже не остров, а высокая, почти отвесная скала, своей вершиной уходившая едва ли не до самых облаков. На острове жили найраны. Их было очень много, тысячи и тысячи; жилища их, теснясь одно к другому, лепились меж камней и поднимались до самой вершины скалы. Однако только нижние жилища были обитаемы, а чем дальше от воды, тем чаще попадались брошенные гнезда. И, наконец, выше хижины старого Уллу уже не селился никто. Когда-то, говорил Уллу, найраны занимали всю скалу от подножия и до вершины. А в рунах было сказано, что прежде на острове жили враги; найраны пришли из-за моря и истребили их и заселили их жилища, но не все, а лишь те, что были близки от воды.

Вся жизнь найранов проходила у воды — охота, ловля рыбы, собирательство. Море их кормило и растило, и оно же убивало. Море было прекрасным в затишье и жестоким в шторм. А лунными осенними ночами, когда планктон идет из глубины и волны становятся огненно-красными, когда рассерженно шипит прибой и на берег зот-зот может выйти Многоногий Зверь... Тогда найраны, стоя на порогах своих хижин, пели тихую Песню Печали.

Высокая скала — это песчинка среди вод. Когда-нибудь придет Большой Прилив, скала не выдержит и рухнет, и волны сомкнутся над ней. Наступит следующая осень, вновь из глубины поднимется планктон, и кто-то, пока неизвестный, будет петь новую Песню Печали... У всякого народа есть своя весна и своя осень.

Осень — это не только осенние штормы, а прежде всего угасение. Народ, пришедший к своей осени, не любит перемен; обычно деревенские предками, становятся законом, о новшествах никто не смеет даже говорить, а о прошлом...

О прошлом помнят только старики, и те молчат, легенды и сказания отрывочны и непонятны, а истинная мудрость прежних поколений, начертанная в древних рунах, безгласна, ибо найраны утеряли тайну чтения. Неровные ряды значков, рисунков и узоров покрывали прибрежные камни. Можно было подолгу стоять, склонив голову набок, смотреть на полустершиеся руны и гадать, предполагать и сомневаться в верности догадок.

А можно было прыгнуть вниз, нырнуть как можно глубже, широко раскрыть глаза и любоваться. На дне было особенно красиво в солнечные дни. Там едва шевелилась морская трава, к камням лепились гроздьи мидий, сновали гребешки, а в зарослях кораллов плавали стайки креветок. И там же, на дне, утопая в песке, можно было пробраться в просторный и тенистый грот, позавтракать трепангами, а после, уже задышавшись, торопливо вынырнуть.

Ну а потом, на берегу, среди серых камней и полустертых тайных надписей, среди обломков серой скорлупы и серых разбросанных перьев, всегда хотелось тотчас посмотреть наверх, на синий небосвод, на ослепительное солнце. Гли-гро не знал, зачем он это делает, ему так хотелось, и все. Быть может, древние найраны поклонялись солнцу? Знак солнца часто попадался в рунах. А мо-

А ветер стихал, и клочок газеты, на котором сжался Гогушка, тихо спланировал на знакомые кусты малины, и червячок понял, что снова оказался дома. На одной из ягод он заметил большую полосатую даму — как раз ему под стать — и понял, что он аэзунчик и судьба уберегли его от ошибки.

— Все-таки потолки были низковаты, — решил он и пошел знакомиться.

жет быть, тому была еще какая-то причина.

А по ночам, засыпая, Гли-гро мечтал о счастье. Счастливым можно стать тогда, когда добудешь желтую жемчужину — большую, яркую до ослепления. Но вот о том, какое оно, это счастье, легенды молчали. Равно как и о том, где можно отыскать заветную жемчужину. Однако же Гли-гро был как никто настойчив и с утра до вечера без устали нырял, бродил по дну, вскрывал ракушки, задышался, всплывал, вновь нырял. Порой в ракушках он отыскивал жемчужины — белые, красные, синие. А в небре раз за разом поднималось и садилось солнце — ярко-желтое.

Легенды рисовали прошлое по-разному. В одних оно было великим и славным, в других беспокойным, воинственным, а в некоторых попросту тяжелым и голодным. Вот эти-то последние легенды найраны вспоминали чаще прочих. Сказитель тихо пел о давних временах, прошедших в изнурительных походах, эпидемиях, в деяниях жестоких королей, которые творили баззакония, казнили, изгоняли, помыкали — и слушатели, замерев от ужаса, смотрели друг на друга и подавленно молчали. Какое великое счастье, что все это в прошлом! Нет больше королей, нет гвардии, нет палачей, чиновников, доносчиков. Найраны — свободное племя, и каждый занят тем, что ему больше по душе. Каждый селится там, где захочет, никто не делится добычей с королем, не служит в гвардии и не боится палача, чиновники не отмечают в рунах исполнение повинностей, доносчики не прячутся среди камней. Давно уже всякий найран предоставлен только самому себе и, значит, каждый может отыскать заветную жемчужину и стать бесконечно счастливым.

Однако далеко не все стремились к тому счастью. Жизнь, как известно, преисполнена забот. Необходимо содержать в порядке дом, кормить семью, петь заклинания, которые отводят беды и болезни, и, наконец, просто отдыхать. Вот почему в погожий летний день великое число найранов обычно возлежало на камнях. Старики вспоминали былые, старики дремали, хозяйки же, как правило, о чем-то спорили и разнимали передразнивших детей, ну а мужчины — те время от времени прыгали в воду и поднимали со дна гроздьи устриц, чья прохладная сладкая мякоть считается очень полезной в жару.

Но разве можно долго лежать на раскаленных серых скалах, когда внизу, в приятной голубой прохладе, цветут затейливые заросли кораллов, ползают усатые лангусты, а осторожный гребешок при первой же опасности поспешно прикрывает створки, и за тобой через узкую щель наблюдает десяток его настороженных глаз! Ноги вязнут в мельчайшем песке, вокруг, сверкая чешуей, плывут дикие рыбы, а сверху, через толщу воды, светит бледно-желтое солнце. А если у поверхности воды покажутся медузы, то это значит — скоро шторм.

Шторм бывает по несколько дней. Найраны забиваются в жилища, и те, кто оказались без запасов, голодают. Но это не самое страшное. Надрывно завывает ветер, огромные волны взлетают все выше и выше, весь остров сотрясается, и неустойчивые камни с грохотом падают вниз, порою увлекая за собой жилища тех, кто имел неосторожность поселиться у самой воды.

А после шторма наступала тишина. Найраны, выйдя из своих домов, смотрели вниз, на оголившиеся камни, и вверх, туда, где до самой вершины скалы виднелись брошенные гнезда. Конечно же, селиться там намного безопаснее, но как преодолеть отвесные уступы? Это невозможно. И снова у кромки воды возводились жилища.

Шторм — это смерть. Однако он приносит к берегу великое множество ракушек. Гли-гро нырял до изнеможения, поспешно заламывает створки, ищет... и находил алые, зеленые, оранжевые, голубые, черные жемчужины.

Он с каждым днем заплывает все дальше, ныряет, задыхается, торопится, боится. Он знает — где-то в глубине живет ужасный Многоногий Зверь. Зверь прячется среди камней и появляется всегда внезапно. Сверкая белыми холодными глазами, Зверь тянет к жертве восемь извивающихся ног, усеянных ужасными присосками, и щелкает огромным клювом. И у Гли-гро есть клюв, которым он легко вскрывает панцири моллюсков, но... только бегство спасает найрана. Беглец, задыхаясь, плывет, вытягивая шею над водой, без усталости гребет широкими размашистыми крыльями, а сзади, наступая, мчитса Многоног, глухо, надрывно кричит и тянет к жертве устрашающие щупальца.

Ну а потом, уже на берегу, Гли-гро подолгу смотрит на вершину острова, на древние заброшенные гнезда, до которых ему никогда не добраться, и, разбросавши крылья, ложится отдохнуть на раскаленный камень. Рядом с ним плещется море, на дне которого скрыто счастье, а в небе светит солнце, похотевшее на желтую жемчужину.

И вот как-то однажды, лежа на камнях, Гли-гро подумал: а ведь так оно и есть! Поскольку мир несправедлив, то и жемчужина должна быть недоступна, а посему она живет, конечно же, не в море, не на острове, а в небе. Жемчужина счастья всплывает над миром и светит, греет и дарует жизнь, а после, уставшая, тонет в волнах, вновь всплывает, вновь светит... О чем же тогда сказано в легендах? Кому дано подняться в небо? Никому, ведь это невозможно. И, значит, счастье недоступно. И больше незачем нырять, вскрывать ракушки, задыхаться от удушья и спасаться бегством от врага. Можно целыми днями лежать на камнях и, вытянув длинную шею, хватать прибитых к берегу креветок.

В тот день Гли-гро до поздних сумерек лежал не шевелясь, смотрел на следы тела медуз, мелькавшие в волнах, и шуршал ст яркими желтых бликов — отражений вознесенного на небо счастья. И ночью он почти не спал, а, стоя на пороге своей хижины, пел тихую Песню Печали.

Наутро разразился шторм. Сверкали молнии, огромные, невиданные волны с ужасным ревом бросались на скалы и разбивали хижины, смывали камни, содрогали весь остров. Казалось, наступил Большой Прилив, который поглотит и остров и найранов...

Однако шторм внезапно стих, и небо просветлело, и остров озарился солнцем. А действительно, какое счастье видеть в небе желтую жемчужину! Да, она недоступна, и никто не в силах ею завладеть, но зато она радует всех. Быть может, в этом и скрыт смысл древней легенды?

Вот только многим из найранов больше никогда не видеть солнца. Ужасный шторм смыл сотни гнезд и, залитые солнцем, у воды сверкали, высыхая, серые безжизненные камни. А на одном из них лежал...

Нет, Гли-гро не ошибся: он видел его высеченным в рунах, он слышал о нем страшные легенды...

На одном из прибрежных камней неподвижно лежал человек. Человек — это зло; он рожден убивать, а сам же неподвластен смерти. И то, что он лежит не шевелясь, — обман. Человек затаился и ждет.

Так оно и случилось. Человек медленно встал, осмотрелся. Прошел по берегу, наткнулся на гнездо.

Гли-гро поспешно отвернулся... и вздрогнул от раздавшегося крика, от второго... Тишина. Еще немного подождет, Гли-гро с опаской глянул вниз.

Человек сидел, привалившись спиной к скале, разбивал и жадно пил найраньи яйца, бросая скорлупу в плескавшиеся рядом волны. Насытившись, он встал, еще раз осмотрелся... и полез наверх.

Человек поднимался с трудом, оступался. Порою камень не выдерживал под ним, а порою ломалось гнездо, и тогда он хватался рукой за второе, за третье. Найраны, завидев его, разбегались. Крик ужаса, бессильной злобы и отчаяния стоял над островом. Злой рок, пришедший из легенды, губил насиженные гнезда. Злой рок бессмертен и неуловим. Уж лучше бы пришел Большой Прилив и погубил найранов вместе с островом; такая гибель много легче, нежели бессильно наблюдать за тем, как рушится твой дом.

А человек поднимался все выше и выше. Добравшись до заброшенных жилищ, он не остановился. Гли-гро смотрел на человека и — о, ужас! — чувствовал, что ненависть к нему проходит, а на смену является зависть. Нет, даже не зависть, а нечто другое. Когда человек оступался, Гли-гро замирал. Он боялся — а вдруг упадет?

Человек, подтянувшись на крепких руках, упирался но-

гой, поднимался, опять упирался. Крошились гнезда, оторвавшиеся камни летели вниз и, ударяясь о скалы, тонули в прибрежной воде.

Никто и никогда так высоко не поднимался. Чем выше, тем ближе к жемчужине, к счастью. И если ты не можешь стать счастливым, так хочется хотя бы посмотреть на то, какое же оно — счастье для других. И, глядя вверх, на человека, Гли-гро шептал полузабытые молитвы, надеясь, что они хоть как-нибудь помогут, не дадут сорваться вниз.

А человек становился все меньше и меньше. Он то исчезал за уступами скал, то вновь появлялся, то вновь исчезал. Солнце било в глаза, ослепляло до слез, но Гли-гро неотрывно смотрел на вершину скалы и гадал — что же дальше?

Поднявшись на вершину, человек исчез.

Шло время. Человек не появлялся. Гли-гро, обеспокоившись, взмошел на самый край гнезда и посмотрел наверх — не видно. Тогда он осторожно выгнул шею, и, уцепившись лапами, навис над пропастью, и снова глянул вверх.

Человек беспокойно ходил по вершине и пристально смотрел по сторонам. Ветер трепал ему волосы, солнце слепило глаза, а он все всматривался в даль — и ничего не видел.

Зато внизу лежало множество камней. И стоит лишь ослабить лапы и расправить крылья... Нет! Гли-гро поспешно отшатнулся и, весь дрожа, прижался к шершавой, надежной скале.

Под вечер человек спустился вниз, лег меж камней и заснул. А утром снова разорил гнездо, насытился, поднялся на вершину и целый день смотрел по сторонам. Море было пустынно.

На третью ночь Гли-гро спустился к человеку. Тот спокойно спал, ворочался, вскрикивал. Он был не страшен, а скорей беспомощен. Зато...

У него на груди сверкала ослепительно-желтый кружок, привязанный на тонкой желтой паутинке. Кружок был маленький, он был похож на солнце, на жемчужину. Так вот что придавало человеку силы и делало его бессмертным! Он каждый день, лишь восходило солнце, взбирался на вершину... Но зачем? Ведь он вполне мог жить внизу. Он разорил бы гнезда, насыщался, лежал на горячих камнях, отдыхал... Непонятно! И еще более того нежно, отчего Гли-гро так пристально следит за ним и словно бы чего-то ждет. Чего? И от кого? От злейшего врага!

И тем не менее...

С утра до вечера...

Не отлекаясь ни на миг...

Гли-гро следил за человеком. Он чувствовал, он был уверен — это очень важно, важнее всех таинственных легенд, важнее полустертых рун и, может быть, даже важнее жемчужины счастья.

И он не ошибся. Однажды человек, забравшись на вершину, посмотрел на горизонт... и закричал! и замахал руками! снова закричал! Гли-гро увидел черный силуэт на фоне голубого неба, растрепанную голову и машущие руки — и радостно вскрикнул. Его озарило, он вспомнил! Он этого, конечно, никогда не видел, но ясно представил себе древнюю волшебную картину — множество найранов, парящих в небесах. Они не падают, они летят как легкие пушинки, их крылья мерно поднимаются и опускаются; найраны подлетают к острову, садятся на вершину, вновь взлетают — высоко, туда, где солнце, желтая желанная жемчужина. Так вот какое оно, счастье! Оно и действительно в небе.

А человек уже молчал, смотрел на опустевший горизонт, и руки безвольно висели вдоль тела.

И что из того? Зато Гли-гро увидел счастье. Теперь он может сам азахнуть... Но не решился. Прижавшись к скале, он глянул вниз, на замшелые скользкие камни, на белую пену прибоя, — и вздрогнул от страха. Должно быть, древние найраны не боялись высоты. Они строили гнезда у самой вершины, летали в небе, сочиняли гимны и спрашивались. А потомки...

Гли-гро посмотрел на вершину. Там человек сидел на камне и, обхвативши голову руками, что-то тихо и невнятно говорил. Потом, не дожидаясь вечера, стал спускаться вниз.

До самых поздних сумерек человек бродил вдоль берега и собирал какие-то обломки — те, что обычно выбрасывал шторм. Он собирал обломки и назавтра. Потом он сплел их длинными и крепкими корнями орхидей, стащил

к воде, сам сел на них и попытался отгрести — не получилось. Найраны понимали — человек собирался уплыть, — и с нетерпением ждали, когда же злой рок из ужасной легенды покинет их остров. Шум, радостные крики, возгласы, проклятия стояли над селением.

Один Гли-гро смотрел на человека и молчал. Он понимал — уходит тот, кому доступно счастье, кто носит на груди ослепительно-желтый кружок и не боится высоты. И будь у человека крылья, он бы полетел. И все равно он не останется здесь, уплывет. А у Гли-гро есть крылья, он мог бы летать, но он трус и поэтому будет сидеть на камнях и смотреть на вершину, на древние заброшенные гнезда, до которых ему никогда не добраться.

А человек тем временем стоял на берегу. Должно быть, он переживал волнение, желая отплыть по спокойной воде. Нескладный плот и самодельное весло, конечно же, не лучшие помощники в далеком и опасном плаванье, однако нужно попытаться. Ведь оставаться здесь, на диком острове среди камней, испещренных какими-то дивными знаками, — это безумие. Вот только уляжется ветер, и прочь. Да, и еще не забыть про припасы. Человек взял весло, посмотрел...

И увидел Гли-гро. Найран стоял в каких-то десяти шагах и, кажется, не собирался убегать. Взъерошенный, нескладный как и все найраны, Гли-гро нерешительно вытянул шею вперед и раскрыл было клюв... но смолчал.

Человек замахнулся веслом... и застыл — ибо взгляд его встретился с взглядом найрана. Невозможно: кто бы мог подумать, что у этих тварей встречаются такие умные глаза! Смешавшись, человек что-то сказал. Гли-гро не понял слов, но он услышал мысль:

— Ты кто?

Найран едва заметно улыбнулся и подумал в ответ:

— Я Гли-гро. Мне шесть лет.

— Схожу с ума, — подумал человек, затем отбросил в сторону весло и с надеждой спросил:

— Ты ведь птица?

Гли-гро подумал:

— Я найран. А что такое птица, я не знаю.

Человек отступил от него, осмотрелся.

— Это древние руны, — подумал Гли-гро. — Их оста-

вили предки. Но мы, увы, не умеем читать. И мы скоро умрем. Придет Большой Прилив, и острова не станет. Но перед тем, как мы разстанемся, прошу тебя...

Гли-гро молчал. А человек смотрел на него, хмурился и ждал.

— Просту тебя, — еще раз повторил Гли-гро. — Мне стыдно признаваться. Ты, бескрылый, можешь мне помочь.

Человек, наклонившись к Гли-гро, взял его на руки, прижал к груди, поднес к скале и, не отпуская от себя найрана, стал взбираться наверх.

Он поднимался осторожно, по несколько раз проверяя надежность опоры. Весь остров молчал; найраны удивленно наблюдали за своим собратом, который, преисполненный безумия, доверил свою жизнь коварному врагу. Ну а Гли-гро — тот видел лишь вершину, желтую жемчужину на небе и маленький желтый кружок на груди человека. Ему было страшно — так страшно, что казалось, будто он уже внизу, разбившись на камнях, а человек прижимает к груди лишь только одну его глупую, доверчивую душу.

Добравшись до вершины, человек осторожно поставил найрана на камень и, отвернувшись, чтобы не смотреть ему в глаза, стал поспешно опускаться к воде.

Волнение на море улеглось, плот беспрепятственно отчалил от берега и начал быстро удаляться. Человек, не давая себе передышки, усердно работал веслом. Ему очень хотелось бы мельком оглянуться, но он не решался. Еще раз заглянуть в глаза найрана было выше его сил.

А Гли-гро, распластавшись на самой вершине, смотрел ему вслед и с болью чувствовал, как что-то липкое и гладкое сжимает грудь, теснит дыхание и заставляет чаще биться сердце. Ведь он никак не мог предположить, что высота способна так страшить и в то же время так неудержимо звать, переворачивая душу, призывая:

— Прыгни! Прыгни! Да, ты не умеешь летать, ну и что? Падение — это прекрасно!

Гли-гро неподвижно лежал на скале и, презирая себя, вдруг подумал, что счастье — недоступное ему — это преодоление страха.

ХОККА

Ночь, как всегда, была душная. Имширцао, поднявшись на крышу, сидел на циночке и думал, глядя в сторону Реки. Над Рекой поднимался туман. Ее западный берег скалистый и дикий, и днем-то был виден только иногда, перед песчаной бурей. Тогда туман срывало ветром, Река начинала бурлить, а с горизонта наползали тучи. Люди, бросая работу, бежали с полей, поселок замирал, и даже Имширцао, и тот призывал закрыть все двери. Видеть западный берег Реки — не к добру; не зря там каждый вечер умирает солнце.

А здесь, на этом, на восточном берегу — поля. Два раза в год, после разлива, на них выходят люди и взрыхляют землю, сеют, а потом каждый день от зари до зари они таскают воду, поливают, вырывают сорняки и вновь взрыхляют. Порою им случается собрать богатый урожай. Они, конечно, трудятся не покладая рук, но главное — это Река. Чем сильнее бывает разлива, тем больше ила остается на полях, тем жирнее земля и тем больше повозок с зерном будет отправлено в столицу. Вот почему перед каждым разливом Имширцао замеряет уровень Реки, следит за звездами, за направлением и силой ветра. Он должен точно предсказать, когда наступит наводнение, как долго оно будет длиться, когда пахать, что сеять, сколько будет собрано — и в срок оповестить Верховного, а после сбора урожая направить ему ровно столько, сколько сам же предсказал. Но если вдруг останутся излишки, то Имширцао — укрыватель, а если его людям после уплаты подати не станет хватать на прокорм, то он подстрекатель к бунту. Конечно, ни за то, ни за другое его не умертвят — да это просто невозможно, — но отправят на каменоломни или на строительство дорог, где люди, подчиненные тебе, строптивы и коварны.

А здесь он служит с незапамятных времен. Ему здесь все знакомо и привычно. И люди чтут его. И поклоняются как богу. Имширцао улыбнулся, поднял стоявшую перед ним чашу и медленно выпил — до дна. Вино было черным как ночь и сладким как жизнь. Одним оно давало силу и бессмертие, а для других было страшнее яда. Другие — это те, кто рождены лишь для того, чтобы работать в поле. Они низкорослы и бритоголовые, а кожа у них цвета красной глины. Они покорны и трусливы, им не дано пить хокку — изысканный напиток избранных. Чудесное вино прекрасно утоляет жажду и делает голову чистой и ясной. Тому, кто пьет хокку, не хочется есть и, главное, он не стареет — он вечен, бессмертен.

А тот, кто бессмертен, тот бог.

Имширцао встал, посмотрел на уснувший поселок, на темное ночное небо — значит, рассвет еще не скоро, — спустился в дом, неслышно вошел в кабинет и залер за собою дверь.

В кабинете было пусто, темно и прохладно. Стены от пола и до потолка обшиты черным деревом, на маленьком окне тяжелый плотный занавес, и лишь в углу, возле массивного обитого железом ларя, едва горел светильник. Мягко ступая по шкурам, устилавшим пол, Имширцао подошел к ларю, встал перед ним на колени и, склонившись к самой крышке, что-то невнятно прошептал. Ларь тут же открылся. Имширцао наощупь достал из него свиток тонко выделанной кожи, развернул — записки было немного, от силы на треть. Прищурившись и поднеся пергамент ближе к свету, Имширцао стал читать, едва слышно шевеля губами:

— Второй день месяца лозы года сонной змеи. Вода растет. Четыре му. Ветер северный. Звезды молчат. Люди работают хорошо. Приказов из столицы нет. Маленькая девочка... — и, насупившись, запнулся, не понимая, что же мог обозначать последний иероглиф, а после все же вспомнил: «слезы». Значит, маленькая девочка плакала. Так...

Он взял баночку с тушью, обмакнул в нее кисточку и начал записывать дальше, диктуя самому себе:

— Третий день месяца лозы года сонной эмен. Вода растет. Пять с четвертью му. Ветер северный слабый. Звезды молчат. Приказов из столицы нет. Луна красивая. Туман...

А как изобразить туман? Оставить белое пятно. Итак:

— Туман над Рекой несет смерть. Меня переполняет страх.

Зачем он это написал? Бессмертный не боится смерти, это глупо. Зато как красиво у него сегодня получилось — знак к знаку, ровная строка, рисунок четкий, ясный. Поблужавшись на удаляющуюся запись, Имширцао не спешил сворачивать пергамент; он ждал, когда подсохнет тушь.

Уже прошло шестнадцать дней, как из столицы нет ни одного приказа. Странно! Прежде скороходы приносили вести едва ли не каждый день. Он принимал их, стоя на верхней ступени крыльца. Скороход падал ниц и подавал бессмертному дощечку с бахромой из разноцветных нитей, бессмертный читал...

В дощечке было девять дырочек. Нить в первой означала: «Верховный повелел...», нить во второй: «из города...», нить в третьей: «из поселка ниже по реке...», ну и так далее. Нить красного цвета гласила: «немедленно исполнить...», нить желтого: «предупреждаем...». И, главное, узлы. Так, узел «спелый колос», завязанный из черной и зеленой нити, говорил...

Смешно! И неудобно в обращении, ведь нити часто обрывались или же переплетались в непредвиденных местах. Но даже и такие примитивные послания бессмертный был обязан немедля, на глазах у скорохода, развешивать в ключах и в дальнейшем исполнять приказы единственно по памяти.

Память — это туман над Рекой, где каждый день как взмах весла, когда лодка все дальше уходит от берега. Месяц, два, три — и события в дымке; полгода, год — в густом тумане. Ну а то, что случилось три года назад, не сможет вспомнить ни один бессмертный. Узлы развязаны, все ниточки оборваны, поблекли, ну а дощечки одинаковы — на всех по девять дырочек, и только. А вместо памяти — привычка. Привычка каждый день пить хонку, выходить к Реке и наблюдать, поднялась ли вода, привычка получать приказы из столицы и неукоснительно их исполнять, привычка надзирать за работами в поле, карать нерадивых и быть уверенным в собственном счастье. А кто он такой и откуда, давно ли правит здешними людьми и даже где находится столица, Имширцао не знал.

А у трусливых и бритоголовых есть сказания, в них говорится и о прошлом поколении и о событиях глубокой древности. Людям вместо вечной жизни дарована память. Однако эту память они тщательно скрывают; их не пугают пытки, не соблазняют щедрые посулы. Они боготворят бессмертных — но молчат.

Когда-то это приводило его в бешенство, но теперь Имширцао спокоен; теперь и у него есть память — ведь он научился оставлять следы всего увиденного за день. Он отмечает вещные приметы, предсказания, знамения, он может сравнивать и делать выводы, не ошибаться в вычислениях различий, помнить всех должников, упреждать мятежи...

Но о своем открытии он никому не скажет, так спокойнее. Ведь его хитроумные знаки опасны уже тем, что они много лучше ненадежных разноцветных узелков, которые гонцы приносят из столицы. А посему он и впредь будет терпеливо ждать, пока заснет прислуга, и лишь потом брать кисточку... и чашу хонки. Чудесное вино дарует стройность мыслям. Имширцао пристал, потянулся к кувшину...

И увидел в проеме раскрытой двери незнакомого. Тот был в двурогом шлеме, весь закован в панцирь, а в правой руке держал короткий меч.

— Имширцао, — негромко сказал незнакомец. — Верховный прислал за тобой.

Имширцао вскочил, уронил на пол свиток, воскликнул:

— За что?!

— А это, — незнакомец брезгливо поморщился и укачал мечом на свиток, — ты возьмешь с собой.

— Нет!

Но незнакомец, обернувшись, властно выкрикнул:

— Взял!

И тотчас в кабинет вбежали двое воинов и заломили Имширцао руки за спину. Тот попытался вырваться, но тщетно. Незнакомец с улыбкой сказал:

— Имширцао, опомнись, нас могут увидеть.

Бессмертный сразу сник. Еще одна привычка: люди да-

же не должны себе представить, что боги могут враждовать между собой. Все боги — единоутробные дружные братья. Перечить и сопротивляться им бессмысленно, ибо воля их всеильна и непоколебима. Их старший брат, Верховный, властвует в столице, а младшие рассеяны по всей стране. Одни из них указывают людям, что сеять, когда убирать урожай, вторые надзирают за порядком на дорогах, азымают подати, охотятся за беглыми, вершат суды, карают непокорных, а третьи стерегут границы, четвертые наводят страх на соседние народы, пятые, шестые... Все они — боги, лишённые людских пороков, как то: страх, голод, нищета, болезни, зависть, смерть. И если это так...

Имширцао, неспешно шагая впереди сопровождавших его воинов, спустился во внутренний двор, сел в поджидавший его паланкин и приказал открыть ворота. Перепуганный сонный привратник, косясь на обнаженные мечи, не сразу совладал с засовом, а потом еще долго смотрел вслед удалявшейся процессии.

Задержав полог паланкина, Имширцао откинулся на мягкие подушки и закрыл глаза. Куда они его несут? Караваны с зерном поднимались на холм и скрывались в пустыне. Там, за пустыней, столица, Верховный. Верховный приказал Имширцао... А паланкин почему-то несут от поселка к Реке. Быть может, боги отправляются в столицу по воде? Вода поднялась на пять с четвертью му. Люди работают хорошо. Все подати уплачены, никто не голодает. Быть может...

Нет. Воины свернули и пошли вдоль берега вверх по течению. И это хорошо, что над Рекой висит туман, — видеть западный берег опасно. Можно, слегка отдернув полог, посмотреть на прибрежные заросли тростника и послушать, как плещется рыба. Рыбу ловят сетями и вялят на солнце. Бунтовщиков бросают в воду. А что они сделают с ним?

Воины остановились. Имширцао вышел из паланкина и осмотрелся. Вдоль берега, сколько хватало глаз, растянулась пустыня. Как далеко они ушли...

— Имширцао, — окликнул незнакомец, — я жду.

Он стоял на прибрежном камне и веслом придерживал легкую тростниковую лодку, которая слегка покачивалась на волнах. Имширцао спустился к воде, взмошел и залез на волнах. Имширцао спустился к воде, взмошел на лодку и сел на корме. Незнакомец прыгнул за ним следом, оттолкнулся от берега и стал размеренно грести.

Туман над Рекой становился все гуще и гуще, и вскоре Имширцао уже не различал ни паланкина, ни воинов, ни берега, ни даже неба. У самого борта журчала вода, с негромким, потаенным всплеском окуналось в Реку легкое весло и снова поднималось, окуналось, поднималось. Казалось, это будет длиться бесконечно.

И вдруг незнакомец запел — однообразно, глухо, с хриплым придыханием растягивая странные, лишённые всякого смысла слова. Он перестал грести, прижал весло к груди и то шептал, то вскрикивал, а то и вовсе замолкал — и снова пел. И эхо разносилось над Рекой. И туман застилал все вокруг. Было душно и страшно. А когда незнакомец, отбросив весло, обернулся к нему, Имширцао с трудом облизал пересохшие губы и тихо, с гадкой дрожью в голосе, спросил:

— О чем ты пел? О смерти?

— Нет, — улыбнулся незнакомец и сел на дно лодки.

У него, как и у всех бессмертных, были длинные белые волосы цвета тумана и серая кожа, подобная водам Реки. Не потому ли, обращаясь к подданным, Имширцао всякий раз возгласил:

— Мы, дети Реки, говорим...

И бронзоволикие люди покорно становились на колени. Река несла им жизнь и пропитание, она спасала их от жажды и два раза в год дарила полям жирный ил, в Реке водилось много рыбы и, наконец, Река в своем чреве взрастала богов. Боги вышли на берег и милостиво согласились повелевать людьми. Власть сыновей Реки будет длиться ровно столько, сколько будет жить сама Река, а это значит — бесконечно. Богов необходимо улаживать, ибо Река может разгневаться, покинуть берега и затопить поля, селения, пустыню, горы — всю страну, — и погубить людей. И люди, памятуя это, не противились бессмертным. Богам возводились дворцы и роскошные виллы, вокруг которых разбивались тенистые сады, в коих пели чудесные птицы, журчали ручьи, а в прохладных купальнях дно усыпано отборным, просеянным через густое

сито золотым песком. Диколойные фрукты, жареная дичь, вино, наложницы, неограниченная власть...

Вся это там, на берегу. А здесь весло отброшено, и лодка медленно плывет вниз по Реке. Незнакомец молчит. Где-то плещется рыба. Вокруг непроглядный туман и, кажется, остановилось время.

— Скажи, — прошептал Имширцао, — куда мы плывем?

Но незнакомец и не думал отвечать. Он по-прежнему сидел не шевелясь и пристально смотрел на Имширцао. За его спиной...

Туман стал медленно редеть. И показались камни. Скалы. Берег. Высокий и отвесный западный берег, темневший в предрассветных сумерках. Так вот где умирает солнце! И, может быть, даже бессмертные на этом берегу уже не боги, а становятся обычными людьми. Ну что ж, пусть будет так. Имширцао вцепился руками в борта и стал ждать. Течение неумолимо влекло лодку на острые камни. Еще немного, и она...

Закружилась, вошла под скалу и замерла в просторном гроте.

— Вставай! — приказал незнакомец и первым выпрыгнул из лодки.

Имширцао не посмел ослушаться.

Вытащив лодку на камни, они по колено в воде прошли к дальней стене, поднялись по высоким, грубо выбитым в скале ступеням, потом, согнувшись в три погибели, пробрались по тесному лазу и наконец остановились возле старой истлевшей циновки, висевшей прямо на скале. Вокруг было темно, а через прорехи циновки пробивался слабый свет. Она, должно быть, прикрывала вход в пещеру.

— Что там? — с опаской спросил Имширцао.

Вместо ответа незнакомец подтолкнул его вперед. Имширцао, откинув циновку, вошел.

В небольшой полутемной пещере, прямо на каменном полу сидел бессмертный, все серое тело которого было расписано желтым узором. Узор гласил о том, что власть Верховного мудра и беспощадна, а исполнитель его воли властен над всеми людьми и богами. Имширцао в дни великих праздников покрывал свое тело иными, менее могущественными знаками... Но главное не это — на коленях у бессмертного лежал тот самый свиток, который, как мечталось Имширцао, поможет в предсказании разливов, взятии податей, розыске мятежников.

При виде Имширцао бессмертный приветливо кивнул ему и знаком предложил садиться.

Имширцао сел и осмотрелся — пустая, низкая пещера; светильник на стене да циновка, скрывающая вход, составляли все ее убранство.

Бессмертный, сидевший напротив, спросил:

— Ты и есть Имширцао, правитель поселка Арну?

— Да, старший брат.

— Хорошо ли работают люди?

— Хорошо, старший брат.

Бессмертный улыбнулся и сказал:

— Зови меня просто Меджа.

И, словно забыв об Имширцао, Меджа стал внимательно рассматривать свиток. Конечно же, весьма неосторожно было держать свиток в лапе, у всех на виду. Ведь сколько раз он говорил себе...

— Скажи мне, Имширцао, — снова заговорил Меджа, — кто научил тебя... — и вдруг запнулся, посмотрел на свиток и сказал: — А этот знак, я думаю, обозначает цифру «три».

Имширцао молчал. Ведь неизвестно, как поступят с ним, когда поймут, что он возжелал иметь память.

— Ну конечно! — воскликнул Меджа и, указывая пальцем на рисунки, продолжал: — Вот цифра три, вот ветка, вот змея. А вместе это означает: «Сегодня, в третий день месяца лозы года сонной змеи, я, Имширцао, повелитель поселка Арну...» — и замолчал, с улыбкой посмотрел на Имширцао.

Тот опустил глаза. Скрывать, похоже, бесполезно, но и признаваться... лучше погодить.

А Меджа продолжал:

— Насколько я понял, ты отмечаешь прошедшие события. Боялся их забыть. Желал неукоснительно исполнять все приказы. Так?

Голос у него был мягкий и доброжелательный. Но Имширцао молчал. Тогда Меджа сказал:

— Два месяца назад я проверял один поселок. Выше по Реке. Поля были запущены, люди жили впроголодь, а правитель целыми днями пил хокку. Его наказали. А у тебя, мне донесли, порядок. Похвально. Теперь я держу этот свиток. Он, несомненно, помогал тебе повелевать

людьми, предсказывать разливы, собирать урожай. И если бессмертные вот так же, как и ты, начнут записывать прошедшие события, страна сразу станет богаче. По возвращении в столицу я непременно скажу о тебе. Я покажу свиток Верховному и, если ты меня научишь, то и прочту твою память. Верховный щедро наградит тебя, он ценит рьяностную службу, он заботится о младших братьях...

Меджа продолжал говорить, но Имширцао не слушал его. Он понял: от него хотят, чтоб он раскрыл секрет. Так вот зачем они его пугали! Чтоб Имширцао стал сговорчивым. Но как только он научит Меджу читать и записывать память, то сразу станет ненужным. Меджа возвратится в столицу, падет перед Верховным и скажет:

— Смотри, что я придумал!

Да только зря они надеются. Имширцао не так прост. Если хотят, чтоб он прочел свой свиток, то пусть возьмут его в столицу. А посему он тихо, но решительно сказал:

— Я ничего не знаю. Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я хочу отдохнуть.

— О! — воскликнул Меджа. — Несомненно! — и хлопнул в ладоши.

В пещеру вошел незнакомец — тот самый, который переправлял Имширцао через Реку.

— Возьми его, — сказал Меджа, — он хочет отдохнуть. Имширцао встал и покорно пошел за незнакомцем.

Тот долго вел его по узким темным переходам, а после, пропустив вперед, вдруг сильно толкнул в спину...

Имширцао, оступившись, полетел куда-то вниз, ударился о камни раз, второй — и потерял сознание.

Очнувшись в полной темноте, он встал, шагнул вперед — и наткнулся на стену. Тогда он повернулся влево, вправо, отступил назад — везде была стена. Он вытянул вверх руки — бесполезно; нащупал под ногами камень, бросил — тот, где-то высоко ударившись о стену, свалился вниз. Так значит, он в колодезь. Имширцао сел на пол и замер; прислушался — тихо. Ну что ж, он терпелив.

Ночь, проведенная без сна, дала о себе знать, и он скоро уснул. Проснувшись, Имширцао вновь прислушался — ни звука. Они надеются, что он не выдержит, начнет кричать. Зачем? Он не спешит. Впереди у него бесконечная жизнь. Имширцао лег на камни и закрыл глаза.

А у себя на вилле в полуденный зной он возлежал в тени возле купальни, пил хокку и в полудреме наблюдал, как перед ним танцуют юные наложницы. Юность — это прекрасно, но старость... И он всегда жалел наложниц, понимая, сколь недолговечна их красота. Год, два, от силы три — и все они уйдут в поселок, у каждой будет муж и дети, работа до изнеможения, ячменные лепешки, вяленая рыба. Одна из наложниц однажды сказала:

— Если бы ты не был богом, я родила б тебе сына.

Он засмеялся тогда. Да, у богов не бывает детей. Дети — это бессмертие смертных.

А она, еще крепче прижавшись к нему, прошептала:

— Через год ты умрешь для меня. А так бы у меня был сын, похожий на тебя.

Он не засмеялся. Он смотрел на нее и молчал. Он пытался понять — и не мог.

— Спи, — сказала она.

Он уснул.

На рассвете, с первыми лучами, он проснулся, а она еще спала. Желая разбудить наложницу, он осторожно тронул ее за плечо и тут же в ужасе отдернул руку — горящая на солнце бронзовая кожа было прохладна, как фаянс. Имширцао вскочил...

И увидел возле изголовья пустую чашу из-под хокки. Значит, пока он спал... Но ведь она прекрасно знала: хокка — только для богов, а для людей это ужасный яд. Зачем она хотела умереть? И разве ей было не страшно? Такая юная, она могла бы еще долго жить. И он, возможно... Что!

Шло время. Имширцао наблюдал за уровнем Реки, получал из столицы приказы, понуждал людей работать на полях... И непрестанно думал о наложнице. У нее была нежная кожа и подведенные сурьмой большие и красивые глаза, ногти крашены хной, а на запястьях — это он ей подарил — браслеты из белого золота. А когда она пела печальные песни, он, привалившись к стене, наливал себе хокки...

Имширцао вскочил, закричал — надрывно и протяжно, словно он заблудился в пустыне. Закашлявшись, он замолчал и прислушался — тихо. Тогда он уткнулся в стену и стоял так до тех пор, пока не успокоился. Тогда он снова лег и почти сразу уснул.

Он еще много раз пробирался, вспоминал свою былую жизнь, кричал и бился головой о камни, а после снова

засыпал. Должно быть, прошло много дней, прежде чем где-то далеко сверху мелькнул неверный свет, а потом на дно колодца шлепнулся конец веревки. Имширцао поспешно вскочил, рванул веревку, проверяя ее на прочность и, задыхаясь от нахлынувшей надежды, полез по ней вверх...

Меджа при виде Имширцао улыбнулся и, как ни в чем не бывало, сказал:

— Садись, я ждал тебя.

Пустая пещера, святилищник... и чаша хокки на полу, возле Меджи. Чудесное вино дарует ясность мыслей и легкость телу, оно снимает усталость и помогает быть уверенным в себе даже тогда, когда, казалось бы, нет никакой надежды на спасение. Глоток чудесного вина вернул бы Имширцао силы, и тогда он мог бы без страха...

Меджа взял чашу, пригубил вино, поморщился... и выплеснул его на камни. Имширцао, не сдержавшись, закричал:

— Ты думал, что я испугаюсь? Надеялся, что я раскрою свой секрет и научу вас читать и писать? Никогда! Ты бросил меня в подземелье, и я рассчитываю с тобой! Имширцао рванул вперед, но его тут же схватили, сбили с ног и прижали к камням. Имширцао затих. Смотрел на лужу хокки на полу и тяжело дышал.

Меджа покачал головой и сказал:

— Глупец. У нас давно есть письменность; огромная страна немислима без запечатленных на века законов, без посвященных братьев, которые ведут учет заласов, войнов, врагов, людей. Но я был удивлен, узнав, что ты, непосвященный брат, сам по себе научился записывать память. Твоя сообразительность похвальна, но... Не понимая твоих знаний, я встревожился: а вдруг в них скрыты опасные мысли? И посему, ради спокойствия страны, ты должен прочесть свою память. Я жду.

Имширцао молчал. Меджа подумал и спросил:

— Может быть, ты хочешь хокки?

— Да!

Они сидели рядом. Имширцао, выпив черного чудесного вина, вновь чувствовал себя легко; кровь разносила по жилам тепло, душа переполнялась некогда привычной для нее беспечностью. Вот также он сидел под опалалами и слушал игру на тамбурине... А сейчас он держал в руках свиток и медленно, от знака к знаку, вспоминал:

— Шестой день месяца песка года сонной змеи. Река опустилась на два му. Ветра нет. Люди работают хорошо. Приказов из столицы нет. Седьмой день месяца песка года сонной змеи. Река опустилась на два с третью му. Ветер южный, слабый. Люди работают хорошо. Приказ из столицы. Отправил на каменоломни сорок пять людей. Восьмой день месяца песка...

Меджа внимательно слушал его и согласно кивал, лишь иногда просил объяснить какой-нибудь замысловатый знак и снова слушал. Наконец он сказал:

— Хорошо. Я вижу, в твоей памяти нет ничего, что бы могло принести вред стране. — Немного помолчав, он спросил: — А кто еще кроме тебя умеет вот так же записывать память?

— Никто.

— Подумай, не спешу.

Имширцао лишь пожал плечами.

— Тогда... — Меджа прищурился, — тогда тебе придется прочитать и это, — и он достал из-за спины еще один свиток.

Этот свиток был испещрен знаками с обеих сторон. Законченный еще в прошлом году, он был надежно упрятан в саду, и все равно его нашли. Имширцао опустил глаза.

— Чей это свиток?

— Мой.

— Читай.

Имширцао молчал. Увидеть этот свиток он никак не ожидал. А уж читать его... Нет, ни за что! Пусть лучше они снова бросят его в каменный мешок, пусть дни слагаются в месяцы, месяцы в годы, и память как и прежде покинет его, он позабудет то, что здесь записано, и станет, как и все бессмертные, лишенный прошлого. Да, это очень страшно, но лучше молчать.

Меджа раздраженно напомнил:

— Я жду.

Имширцао отрицательно покачал головой.

— Ну что ж, — сказал Меджа, — я вижу, ты снова устал, — и, призывая воинов, хлопнул в ладоши.

Имширцао увели.

Вновь оказавшись в темноте, на дне колодца, он лег,

закрыв глаза и стал думать о той, которая была, как множество других, красивой, ласковой, послушной. Другим уходили от него и быстро забывались, старели, терялись в покорной толпе. А эта, выпив хокку, навсегда осталась юной. Другим в день расставания Имширцао дарил богатые подарки, и они плакали, просили сжаться над ними и обещали снова стать желанными. А эта... Он не мог ее понять. Ему казалось — вместе с ее смертью от него ушло нечто такое, что могло бы объяснить всю его бесконечную жизнь, все заботы и страхи, надежды, сомнения. Он вспоминал ее слова и повторял их, тщетно пытаясь уяснить их тайный смысл. И, что ужаснее всего, он стал забывать их. Шло время, и память тускнела, терялась в тумане. Как удержаться ей? Еще полгода, год — он окончательно забудет. И...

Он до сих пор не мог понять, что надоумило его, но однажды он нарисовал — как мог — ее лицо, а рядом чашу, полную луны, закрытый глаз. Потом он научился рисовать другие знаки: страх, радость, столица, Верховный, Река, урожай. Хотел, чтоб знаки отражали все события, всю жизнь. Ведь только так он мог бы уяснить ее слова.

Имширцао записывал и перечитывал, думал. Жизнь текла как Река — бесконечно — и была такой же непонятной и таинственной, как и слова наложницы. Он был бессмертен и богат, повелевал людьми, пил хокку. Чудесное вино дарило ясность мыслям и радость душе, оно спасало от тоски, от чувства собственной ничтожности, от страха. Для людей оно яд, а для богов — бессмертие. И его нужно пить каждый день, иначе кожа станет дряблой, а глаза будут слезиться, голова — гореть, безумные мысли заполнят рассудок, и будет казаться, что люди счастливей богов, люди смертны и им не понять, насколько это невыносимо — бесконечные мучения. Да, он понимает, что это кошунство, но так оно и есть: люди выше богов. Простой наложнице понятно то, что ни один бессмертный никогда не сможет уяснить. Он больше не желает быть бессмертным. Жизнь все равно покинула его, он ничего не хочет — только хокки. Он будет биться головой о стену и кричать, молить, грызть камни, лезть, ломая ногти, вверх. Он не может без хокки. Он молчал и терпел, а теперь расскажет о наложнице и о своих мечтах, надеждах — обо всем...

— Ну хорошо, — сказал Меджа. — Я верю. Успокойся. Выпей.

Снова стало тепло. Разжались скрюченные пальцы, голова перестала болеть. Воины подняли Имширцао за плечи и усадили напротив Меджи. Тот строго посмотрел на Имширцао и заговорил:

— Мысль твоя совершила великое зло. Ты посмел усомниться в собственном величии и, более того, уверовал, что люди... — Меджа поморщился, сказал: — Нет, я не могу повторить.

Он долго молчал и рассматривал свиток, а после отложил его, подумал и спросил:

— А где еще один?

— Еще? — не понял Имширцао.

— Да, еще, — Меджа повысил голос. — Где третий свиток?

— Какой?

— Это тебе лучше знать.

Имширцао растерялся. Он понял — что бы он ни говорил, как бы ни клялся, ему не поверят. Что делать?

А Меджа спросил:

— Где третий свиток? Что в нем? Для кого написан?

— Его нет!

— Молчи! И отвечай. Кому ты отправлял послания?

Кто еще из бессмертных согласен с тобой? Сколько вас? Есть ли заговорщики в столице? И кто из них намерен стать Верховным? Отвечай!

— Я ничего не знаю!

— В жму!

И вновь стало темно и тихо. Меджа его не понял. Меджа боится мятежа, а он о нем-то и не думал. Он думал о наложнице, о людях. Они живут, пока у них есть сила и надежда, потом умирают. Они свободны в выборе. А он, вечно живущий Имширцао, — раб хокки. Да, хокка сделала его бессмертным, зато лишила памяти, и из всей бесконечности прожитых лет ему даровано всего лишь два-три года, а остальные поды умирают, их словно и не было. Так что же это, если не обман? И мало этого; ему внушили, будто он правитель, бог, но он даже не знает, сколь далеко раскинулась его страна и где находится столица, кто такой Верховный. От него скрывают письменность, а если захотят, то могут бросить его в камен-

ный колодец и держать там без хокки. И кожа станет дряблой, а глаза начнут слезиться; он лишается ума и бьется головой о камни, кричит — и никто не придет, не поможет. Так разве он бог? Он такой же, как и люди, раб Верховного, нет, даже больший раб, ибо рабство его бесконечно. Ну так дайте хотя бы глоток! Ну хоть каплю! Он больше не может. О, будьте вы все прокляты, бессмертные рабы! Имширцао дико закричал и потерял сознание.

Очнулся он в пещере, на полу. Его, лежащего навзничь, поили хоккой. Он жадно пил, давился, кашлял. Черное вино плескалось на лицо, на горло, на пол.

— Хватит, — наконец сказал Меджа. — Дайте ему отдышаться.

Имширцао посмотрел по сторонам — Меджа, четыре воина, светильник, циновка у входа. Ему отсюда не уйти. Они будут пытаться его год, десять, сорок, двести — бесконечно долго. А он... Он отомстит им, он немедленно расправится со всеми разом — здесь, за Рекой, в столице и,

если повезет, то и с самим Верховным. Вы никому не верите? Ну что ж! Так пусть змея пожрет саму себя! И, обливавши губы, Имширцао начал говорить:

— Третий свиток я отправил ниже по Реке в поселок Ирбес, а тамошний правитель передал его в каменоломни. Четвертый свиток скороход доставил на рудник, что в двух днях пути от меня...

— О чем там говорится? — перебил Меджа. Он весь дрожал как гонимая, напавшая на след.

Имширцао молчал. Закрыв глаза, он видел, как десятки, сотни воинов врываются в дома бессмертных, как...

— Ну, отвечай! — аскаричал Меджа. — Не вздумай отпираться!

— Мы призываем к мятежу, — продолжил Имширцао. — Пятый свиток доставлен в столицу, в казармы, шестой...

Жизнь бесконечна; можно не спешить и называть не торопясь, обдумав. Имширцао так и поступил. Он говорил — Меджа, кивая, запоминал. Запоминал, запоминал, запоминал...

Владимир КЛИМЕНКО

ИСТОРИИ ФЕНОМЕНА И ЭКСТРАСЕНСА КИМА ИВАНОВИЧА ИВАНОВА, РАССКАЗАННЫЕ ИМ САМИМ

Сразу должен оговориться, что истории Кима Ивановича Иванова, о которых сказано в заголовке, еще впереди. Мои же имя и фамилия для дальнейшего повествования никакого значения не имеют, поэтому, думаю, не стоит их и называть. Признаюсь лишь, что я не писатель, не журналист, а бухгалтер и кроме специальных отчетов да докладных никогда ничего не писал. Взяться же за эти заметки вынудила меня одна странная встреча. Почти год прошел с той поры, а я все не могу забыть о ней, все пишу в газетах какого-нибудь сообщения, позволяющего разъяснить мне то, что услышал я прошлой осенью в Новосибирске от интересного человека — Кима Ивановича Иванова.

Но чувствую, что сбиваюсь с верной мысли, и потому считаю необходимым рассказать подробнее о некоторых обстоятельствах, предшествовавших этой встрече.

Итак, приехал я в Новосибирск в командировку. Дело привычное, работа у меня большей частью разъездная, так что ничего особенного для себя от той командировки я не ждал.

Приехал и поселился в гостинице «Обь», что на самой набережной. Тут же, у гостиницы, причал, к нему большие теплоходы подходят. Номер у меня оказался отдельный, что тоже случается не каждый раз. Живи, работай, ничего не отвлекает. А тут еще и теплая, сухая осень — повезло с погодой. Так что все складывалось пока удачно.

Человек я спокойных привычек. Работы было много, только чем же еще в командировке заниматься как не работой. А вечера оставались свободными.

Вечерами в чужом городе, даже если быт налажен, скучновато. Одна радость — в кино сходить. И то за последнюю неделю приелось. Все фильмы, что шли в кинотеатрах, я уже пересмотрел, и занять себя было абсолютно нечем. Может быть, поэтому решил я в тот вечер прогуляться.

По набережной в сторону центра я уже ходил и на этот раз выбрал другое направление. Там и набережной никакой не было. Вернее, она быстро кончилась, и потя-

нулись неказистые кварталы, застроенные деревянными домиками.

Шаг за шагом я углубился в хитросплетение улочек и переулков, где и местный запутаться может, и через час понял, что без провожатого мне обратно не выйти. Как назло, улица была пустынная в обе стороны. Лишь у одного из домиков мелькнула одинокая фигура и вошла в калитку. Делать было нечего, и я поспешил туда же.

Каково было мое удивление, когда подошла ближе к воротам, я увидел на них вывеску: «Видеосалон». А ниже было приписано пляшущими печатными буквами: «Сегодня демонстрируется фильм «Свадьба с приданым».

«Надо же, — подумал я. — Видеосалон и сюда добрались. Да ни куда-нибудь, а на самую окраину. Наверное, хозяин купил видеоманитофон, вот и решил подзаработать. И фильм-то столетней давности. Это когда же его показывали, даже припомнить не могу. Разве на такой фильм кто пойдет?»

Но, подумав так, я решил заодно и развлечься. Ничего, что фильм старый. Я его давно не видел, можно еще раз посмотреть. Кстати, и вечер пройдет незаметнее.

С этими мыслями я толкнул калитку.

В небольшом дворике с тропинкой, выложенной деревянными плашками от калитки к крыльцу, никого не было, если не считать мужичины лет пятидесяти, небрежно опиравшегося на перила. Вида он был самого простецкого, в кургузой кепчонке и мятом сером костюме. Но, как оказалось, это и был хозяин видеосалона.

На вопрос, могу ли я посмотреть фильм, мужчина кивнул и коротко сказал:

— Рубль.

— Рубля не жалко, — попытался получить я более подробную информацию. — Давно ли у вас видеосалон и какой, простите, магнитофон, если не секрет?

— Почему секрет, — искоса взглянул на меня мужчина. — «Панасоник» у меня. Не сомневайтесь, показывает как надо.

Отдав рубль хозяину, я вошел за ним в дом и оказался в тесной комнате, «добавок ко всему перегородженной простынями. Около простыни на стульях сидели еще три человека, ожидавших сеанса. Все они были с хозяином знакомы, так как называли его запросто — Иваныч.

Больше никого Иваныч ждать не стал, а ушел за простыню, и скоро по экрану ползли титры.

С самого начала мне показалось, что титры промелькнули уж очень быстро. Фамилий режиссера и оператора я так и не увидел, а исполнители ролей были представлены лишь Васильевой и Дорониным. Но еще больше поразили сам фильм.

Нет, вроде, все в нем было нормально. Я и сам твердо не помнил перепетий сюжета, но когда под одобрительное кряхтение соседа по зрительному залу Курочкин, как будто на «бис», исполнил второй раз куплеты «Отчего, моя черешня, ссорюсь я с приятелем...», сомнения одолели меня всюю.

Да и весь фильм был почти таким, каким я его видел когда-то в юности. Вот это «почти» и не давало мне покоя.

Сеанс окончился, мелькнула надпись — «Конец», и зрители, коротко поблагодарив Иваныча, потянулись к выходу.

ду. Вышел с ними и я, но к калитке не пошел, а остановился на крыльце, раскуривая сигарету. Следом вышел хозяин. Он тоже достал из пачки «беломорину» и, зажав ее в зубах, чиркнул спичкой. Я воспользовался этим, чтобы внимательнее посмотреть на владельца видеоманитфона, так как некоторые странности фильма не давали позабыть о себе.

Открытое деревенское лицо мужчины было бы симпатичным и даже привлекательным, если бы не глубоко посаженные глаза под ершистыми бровями. От этого и взгляд его казался колючим и насмешливым. Угадав мой интерес, он спросил:

— Ну как, понравилась?

— Да, — замаялся я. — Но как-то... неожиданно, что ли. Вот у вас Курочкин два раза подряд одни и те же куплеты поет. Это что, специально потом снято для видеоманитфона?

— Заметили, значит, — помолчал, сказал хозяин. — А другим нравится. Публика у меня, сами видели, не пацаны, народ серьезный, им ковбойские страсти ни к чему. А на этот фильм идут, хорошая, говорят, лента, жизненная.

Мы помолчали. Я затаился еще несколько раз, а потом решился.

— Вы не могли бы еще раз показать мне ваш видеоманитфон?

— Зачем вам это? — глухо поинтересовался хозяин. Он поглядел на меня оценивающе, словно хотел добавить что-то, и вдруг сказал: — Нет у меня никакого видеоманитфона.

— Как же так?... От этих слов я даже растерялся. — А как же вы показывали?

— Так и показывал, — грубовато ответил Иваныч. — Впрочем, если вам интересно, я могу кое-что рассказать. Вы временем располагаете?

— Располагаю, — заторопился ответить я, но в голове мелькнула мысль — не псих ли? — Я, видите ли, приезжий. В командировке здесь. Остановился в гостинице «Обь», — и совершенно не к месту добавил, — в номере 442.

— Вот и отлично, — вдруг повеселел хозяин. — Сейчас я вам все расскажу. Давно уж собираюсь, всю, считай, жизнь. — С этими словами он как-то безвольно махнул рукой. — Только рассказ будет долгий.

Услышав это, я нервно заерзал на крыльце, отчего лицо Иваныча осветилось понимающей улыбкой.

— Вы не беспокойтесь, — просто сказал он. — Не псих я. Просто, видно, пришло время поделиться с кем-нибудь. А то, что вы приезжий, — хорошо. Уедете и забудете про Кима Ивановича Иванова. Считайте, все это я вам по нетрезвому делу рассказал.

Но, глядя на Кима Ивановича, трудно было поверить, что он нетрезв. Спокойный взгляд, обдуманная, правильная, только несколько замедленная, речь не давали повода усомниться в его здравом уме.

Неожиданно дверь за ним скрипнула, и на пороге показался высокий седой старик с тимиразевской бородой и в круглых очках с металлической оправой.

— Ким, — строго сказал старик. — Долго ты еще тут?

— Ты отдыхай, Федор Пантелеймонович, — отозвался хозяин. — Я немного с человеком поговорю по делу, и все. Кино сегодня больше не будет.

Старик сурово оглядел меня и вернулся в дом.

— Дед мой, — кивнул ему вслед Ким Иванович. — В этой истории и про него слово будет. — А потом, словно собираясь с духом, добавил: — Вот вы интересовались, как я кино без видеоманитфона показывал, так это же простое дело. А начать придется с самого начала, чтобы понятнее было. Что хотите можете обо мне думать, только сразу должен предупредить, что я феномен и экстрасенс.

Увидев, как я при этих словах переменялся в лице, Ким Иванович попробовал меня успокоить:

— Если бы мне такие слова раньше сказали, то и я, возможно, испугался. Но это ничего, привыкнете. Итак, начну по порядку...

История первая

ГРОЗА В ПЕТУШКАХ

Это сейчас слово «экстрасенс» у всех на слуху. Его и в газетах можно встретить, и по радио, а чаще всего в обычных разговорах. Даже анекдоты появились. А раньше без этого мудреного словца обходились. Проще народ был. Скажут «чудотворец», и дело с концом.

С другой стороны, от этого «чудотворца» церковью попахивает, несмотря на то, что чудеса ведь тоже разные

бывают. Иные ни один святой сотворить не может, а нечистая сила — пожалуйста.

Но, чтобы сразу отделиться от всякого мистицизма, прямо скажу, мы — Ивановы — ни к какой религии отношения не имеем. Мы сами по себе, потому что — Ивановы.

Случилось это в самом начале пятидесятых. Я тогда совсем мальчишкой был, только семилетку закончил. И жили мы, Ивановы, всей семьей в селе Петушки. Не называю точного адреса, так как есть на то причины, да это теперь и не важно.

Отец мой тогда уже год как помер. А мать еще раньше умерла, сразу после войны. Так что воспитывала нас с младшей сестрой Аленой тетка Наташа. Кроме нас она и своих близнецов поднимала, моих двоюродных братьев Сергея и Андрея. Да еще жили с нами дед Федор Пантелеймонович да баба Нюра. Все как есть Ивановы.

О том, как жили, рассказывать не стану. Сейчас почти в любой статье про колхозное бытие в те годы подробно описано. Бедствовали, конечно, но без этого, но веру в светлое будущее имели твердую.

Тетка Наташа в колхозе трудодни зарабатывала, дед и баба Нюра кое-как доглядывали за домашним хозяйством, а мы, мелкота, им помогали. Я-то, к слову, уже в то время свою будущую профессию осваивал — бегал по воскресеньям в клуб помогать киномеханику. Так и обучился, а позже сам киномехаником стал.

Помню, лето выдалось сухое и знойное. Все шло к неурожаю, и мы из-за этого сильно переживали. Так что, когда гроза загрохотала, обрадовались. Не знали еще, что резко изменится с той грозы вся наша жизнь. А к лучшему ли, сказать и сейчас трудно.

Трахнуло, значит, над деревней, будто небо лопнуло. Мы с теткой Наташей кинулись на огород: там у нас кроме разной зелени две яблоньки стояло. Ветки надо было подпереть, чтобы не поломало ветром, так как на яблочки осенью мы очень рассчитывали. И тут как ахнет молнией по бурьяну! Я первый раз видел, чтобы молния так близко била. Огонь покатила по траве красной лентой, но не опалил ее, зато волосы у меня на голове сами дыбом поднялись и затрещали, как аппарат у учителя физики, когда он нам в школе электрические опыты показывал. Мы сразу обратно, в дом, а сзади еще как ахнет! Потом град полетел, да такой, что у половины домов в селе стекла повыбивало. Но я не об этом.

Много гроза нанесла урона, но и дождичек был, да что там — ливень. А на другой день все и началось.

Назавтра, кстати, выдалось воскресенье. Вечером побегал я в кинобудку. Должны были показывать «Подвиг разведчика». Стоит ли говорить, что это за фильм! Нам его третий раз уже привозили, и все равно все село, кроме самых уж немощных, дружно в клуб шло. Мы же, пацаны, этот «Подвиг» наизусть знали.

В кинобудке меня ждал дядя Кеша. К нему как раз друг фронтовой из города приехал в гости, на один только вечер. Встречу свою они начали праздновать еще днем, а сейчас самое время было и продолжить, а тут кино. Так что я для дяди Кеши был сущей находкой. Он мне и доверил кино крутить, а сам потихонечку с другом новую четвертинку распечатал.

Гордый от того, что доверяют, я ленту и запустил через старенький наш аппарат. Главное было — пленку угольными свечами не сжечь да части менять скорее.

Вот из-за смены этих самых частей я в тот вечер и пострадал.

Сначала все хорошо шло. За тем, как аппарат работает, я следил исправно. А потом увлекся фильмом. Что тогда с меня было взять — совсем мальчишка, и про пленку забыл. Дядя Кеша какой уж был нетрезвый, а и тот заметил, что дело неладно. Схватил меня за ухо и оттащил от смотрового окошечка. Только тогда в зале закричали и ногами затопали, а до этого ничего подобного, несмотря на то, что уже минут десять как очередная часть кончилась и аппарат вхолостую бобину мотал. Значит, я им это время безо всякой помощи техники кино показывал, по памяти, и все сходило. А когда дядя Кеша меня за ухо оттащил, тут, вроде, и пленка порвалась.

Киномеханик меня, конечно, из будки выпер и докрутил фильм сам. Зрители даже довольные остались, что им серединку показали дважды, так что о случившемся знали только я да дядя Кеша. Но тот на следующий день уже во всем и засомневался, страдая от похмелья, а значит, никому и не рассказал.

Для меня же в тот вечер чудеса еще не кончились. Это тогда, правда, они казались чудесами. Сейчас для нас,

Ивановых, все это совсем обычные вещи.

Побрел я потихонечку домой, по пути переживая неудачный сеанс, и вдруг замечаю, что псы за заборами замолкают, лишь я с очередным двором порываюсь. До того погаскаивают, а как подбреду ближе, так будто кто им пасть зажимает, только позизгивают жалобно.

А надо сказать, что таких злощих псов, как у нас в Петушках, больше во всей округе не было, и лаяли они обычно на прохожих так (свои шли, деревенские, или чужие), что Баскериальская собака сама бы от ужаса сдохла, их услышав. А тут молчок. И вот, цепеная, вижу, что у меня из глаз два луча так по дороге и шарят, словно автомобильные фары. Я даже сам от страха заверещал, проморгался и кое-как выключил иллюминацию, а потом уже до дома бегом бежал, боялся, как бы фары опять не включились. Хорошо еще, на улице ни души.

Прогрохотал я сенями, дверь рванул нараспашку и вижу такую картину. Стоит наше семейство вокруг стола, а на нем, не поверите, лежит картошка. Одна. Но с футбольный мяч. И все ее разглядывают и молчат.

На что уж я стремительно с улицы ворвался, а и то враз угомонился и тоже уставился на ту картошку. Кто в деревне рос до картошки копать, тот меня поймет. Это сугубо городскому жителю, что ни скажи, всему поверит: и тому, что горох бывает с апельсин, и тому, что у лошади печенки нет. Да и не время было еще молодой картошке. А вот этому громадному клубню с нежной розовой кожей, только что из земли выкопанному, и по-давно.

Тетка Наташа свою историю для меня отдельно повторила.

Окучивала она по случаю воскресного дня нашу только что опущенную картошку, тискала потихонечку мотыгой и мечтала. Хорошо бы, уродилась в этом году картошка большая-пребольшая, как в той сказке про репку. Тем более было отчего мечтать — сушь все лето стояла, не считая вчерашней грозы. И вдруг видит: под одним кустом земля как бы взбухла, словно лезет что-то наверх и шевелит ботву. Тяпнула тетка по кучке и отковырнула от картофелины кусок величиной с ладонь. Глазам не поверила. Но только потом успокоилась и аккуратно невиданный оош на свет вытянула. Принесла в дом, и вот уже с час все на ту картошку пялятся, а понять толком ничего не могут.

И тут дед мой, Федор Пантелеймонович, год рождения 1880-й, который из-за слабого зрения газет давно не читал, а только радио слушал, вдруг изрек:

— Если следовать чисто научной версии, такой уникальный овощ мог появиться только в результате строгого генетического отбора в процессе гибридизации, что, несомненно, доказывает правильность метода Грегора Иоганна Менделя. Вот какое учение необходимо взять за основу нашему сельскому хозяйству, а не придерживаться слепо так называемой теории шарлатана Лысенко, будь он неладен с его кустистой пшеницей.

И еще несколько слов добавил, совсем ненаучных, что нас как раз не удивило, потому что и до сих пор дед на язык невоцерковлен — это, очевидно, в нем сказывается тяжелое наследие царизма, при котором формировался его характер.

Малышня, конечно, из той речи ничего не поняла, а баба Нюра замахала на старика руками и закричала, что тот совсем стыд потерял. Лишь мы с теткой Наташей переглянулись тогда, начало до нас доходить кое-что, но признаться в этом мы даже самим себе боялись. Это уж потом стало ясно, что все та самая проклятая молния не делала. Шарахнула по нашему огороду да, видно, еще и дом зацепила. Иначе с чего мы, Ивановы, так переменялись.

Сварила в тот вечер тетка Наташа необыкновенную картофелину — на всех хватило, — а потом я ей рассказывал потихонечку, что со мной случилось в клубе. И призадумались мы с теткой, и решили быть поосторожнее. Ну да разве в деревне от людей скроешься?

С братьями и сестрой Аленой ничего пока сверхъестественного не происходило. Это уж потом, в школе, они начали чудить, когда мы из Петушков уехали. Тетка Наташа своим даром пользовалась редко — сбегает быстро на огород, вырастит там минут за десять помидорину или огурец и под фартуком тащит в избу, чтобы соседи не увидели. Но вот деда с бабой мы никак образумить не могли.

Перво-наперво надо сказать, что они разом помолодели. Может, и не совсем молодыми стали, однако о бабьих своих мигмах забыли. Баба Нюра скорая на ноги

стала, как девчонка. Дома мы ее удержать не сумели, и она в колхоз пошла работать, на ферму. Дед за ней рвался, но уж того, чтобы и Федор Пантелеймонович на люди вышел, мы допустить не имели права.

То, что он про свой радикулит забыл, — одно дело; дед с того вечера заговариваться стал. Такие слова начал употреблять по каждому поводу, что и нашему агроному не понятны были. Да я так думаю, что не только агроном, но и не всякий академик бы его понял. И все старался свою неожиданно приобретенную ученость на людях прояснить. Потому мы ему крепко-накрепко заказали с другими стариками даже о погоде разговаривать. Ведь нет, чтобы как нормальные люди сказать: «Ветрено нынче вечером, завтра жди дождя», — так он обязательно примерно так выразиться норовил: «Ввиду перемещения мощных арктических масс с севера Финляндии завтра можно ожидать понижения температуры. Нижняя изотерма циклона пройдет, очевидно, через центр нашей области, что вызовет осадки над Петушками». Ну кто же так разговаривает? Его бы уже на второй день в психушку определили.

К тому же дед о своем слабом зрении сразу забыл и начал читать все подряд. Поскольку в библиотеку мы его не пускали, пришлось мне записаться туда самому и носить для него книги. А требовал он в основном энциклопедию, справочники для инженеров, философскую литературу — в общем, все то, что наша ошкетная библиотека давала мне с трудом. Мол, еще мал умные книжки трепать. Сам я действительно не понимал в тех справочниках ни строчки, а Федор Пантелеймонович потом по-научному объяснил, что с нами, Ивановыми, произошло.

Случилось, по его словам, следующее. В результате воздействия на наши организмы мощного электрического заряда отдельные участки мозга у нас перестроились, и мы стали способны творить такое, что для других пока просто не в человеческих силах. Это, опять же по его словам, науки не опровергает, а наоборот доказывает, что наши организмы способны на то, о чем разные физики-химики даже не догадываются.

Но воздействовал этот электрический заряд на каждого по-разному. Мне, например, он ученицы и на грамм не прибавил, зато дал возможность посредством зрения воздействовать на окружающий мир. И не только кино показывать, это как раз пустяки, а еще испускать электромагнитные волны, что позволяло посылать радиосигналы, видеть, как рентген, или действовать, как оптический генератор, то есть лазер.

Я когда это от деда услышал, сразу нашему председателю темные очки заказал. Он мне их из города привез, а тогда меня местная ребятня сразу начала шпионом дразнить, что тоже сыграло потом свою роль.

О тетке Наташе дед тоже много чего непонятного наговорил. Но ясно стало одно — дело плохо. О себе, правда, Федор Пантелеймонович сказал, что у него никаких паранормальных способностей не вышло, но зато прорезался острый теоретический ум, который, очевидно, всегда дремал в нем, не разбуженный скудным образованием церковно-приходской школы.

Баба Нюра, кстати, тоже в стороне не осталась. Она всех лечить начала. Она и раньше баловалась разными травками, но это оказалось мелочи. Теперь ей было достаточно поглядеть на человека и сразу определить, где, что у него не в порядке. А потом, когда рукой, а когда и так, на расстоянии, раз — и здоров человек.

Поскольку мои способности самыми заметными оказались, с меня неприятности и начались. Но это я не про случай в кино рассказываю. О нем дядя Кеша не вспоминал ни разу, а вот мне эти чудеса покою не давали, точно.

Сначала я своих ребятшек развлекал. Телевизоров-то тогда не было. Вот я им и показывал разные сказки прямо на белевой пачке. Вместо мультфильмов. Но потом бросил, и не потому что надоело, а просто невозможно было их удержать, особенно Алену, чтобы они об этом соседям не рассказали.

Дальше больше. Повадился я к нашей старой разрушенной церкви бегать. Туда больше почти никто не ходил, а стена, большая белая стена, была лучше любого экрана. И вот как-то вечером я там сам себе сеанс устроил, решил «профутить» фильм — «Праздник святого Йоргена». Да как на грех недалеко от церкви очутилась одна божья старушка — тетка Марья. Угладела она моих святых, что по стенке маршировали, и что потом было, даже рассказывать не могу. Чуть до общего крестного хода не дошло. Я-то, конечно, ни гу-гу, но дед сразу обо всем до-

гадался. Ох и было мне от него дома, страшно вспомнить. После этого о подобных проказах я даже думать не мог, на всю жизнь зарекся.

В общем, крепнулись мы все, как могли. И, может, до плохого так бы и не докатилось, но тут тетка Наташа решила свои способности применить для пользы общего дела. И вот что из этого получилось.

Работала в тот год тетка Наташа в звено по выращиванию сахарной свеклы. А год выдался неурожайный. По года стояла сухая, а тут еще на свеклу хворь какая-то навалилась. Короче, решила помочь тетка колхозу. И потихоньку от подруг, когда вечерами, а когда и рано утречком, на то поле ходила и что-то там со свеклой делала. Не так, конечно, как на собственном огороде. Только свекла все-таки выросла огромная, такой у нас и не видели никогда. Каждая почти с ту картошку. Перестаралась, значит, тетенька.

Когда агроном первый раз увидел, что на поле делается, его чуть удар не хватил. Но быстро опомнился и побегал в центр телеграфировать о невиданном достижении.

Тетку сначала никто ни в чем не заподозрил, но когда речь зашла, что звено не худо бы и награждать за выдающиеся результаты, дрогнуло тщеславное теткин сердце и сообразилась она в том, что знает способ, как такие овощи выращивать.

И доказала. Выделили ей опытный участок, и она на нем за неделю чудо-свеклу вырастила, и агронома второй раз чуть удар не хватил. Не мог он понять подобного феномена, и никто не мог.

Дед Наташу ругает, я, как младший, молчу, но тоже нехорошее предчувствую. А главное, ведь эти чудеса ни с какой научной точки зрения объяснить невозможно. Ну, что свекла уродилась необыкновенная — это еще туда-сюда. Но чтобы такую же вырастить за неделю — это уже ни в какие ворота не лезет.

Тут наезжает из города комиссия, тетка в героях ходит. Собирают наш стопудовый урожай и часть на выставку достижений народного хозяйства, а часть (ведь на выставку все не утащишь) — на перерабатывающий завод, сахар делать.

Приехали. К машинам все рабочие сбегались небывалые клубни щупать. А потом запустили нашу партию вне очереди. Уж больно всем хотелось поглядеть, какой сахар получится.

Но только тут — крак! — ломается перерабатывающая машина. Она на такие размеры была не рассчитана. Агрегат быстро чинят и опять запускают свеклу. И тут машина — крак-крак! — ломается уже основательно. Завод, конечно, стоит, остальная свекла, которую раньше привезли, гниет, и попола через какое-то время такой неприятный шепоток — ардительство. Вот с этим словечком агроном, который сначала от теткиной славы хотел и себе кусочек урвать, и вернулся. И сразу в район телеграфировать — ардительство, мол, это, а не достижение никакое. А Иванова, тетка Наташа, значит, тайный враг империализма, глубоко пустивший корни в нашу черноземную почву.

Дальше больше. Приезжает из района уполномоченный, но к нам не идет, а сначала соседей обходит и все о нас досконально спрашивает.

Ну ему и наговорили. За нами кое-что подозрительное и раньше замечали, а сейчас прозрели окончательно. И Ким, то есть я, племянник Наташин, несмотря на свое правильное имя, почему-то в черных очках, как иностранный шпион, ходит, и дед всякие заумные книжки читает (дознались все-таки), и сама тетка Наташа что-то мудрит со своим огородом — странно все это.

Подробно ценные сведения записал уполномоченный в свою черную книжечку и уехал, а дед нас в тот же вечер собрал на совет. И решили мы скорее уехать из Петушков, пока не прибыли другие уполномоченные. Таких-то мы уже два раза видели. Один раз, когда старого председателя увозили, а другой раз — учительницу. Так что знали, как бывает.

Дед, правда, требовал не только бежать, но и фамилию менять. Но баба Нюра, хотя и не обладала острым теоретическим умом, правильно тогда сказала, что мы — Ивановы, а кого же еще в России больше, чем Ивановых? Самая незаметная у нас фамилия. Так что фамилию мы менять не стали, а в ту же ночь повязали кое-какие узелки с бельшком да по темному полю и подались до железной дороги.

Я шел впереди, глазами светил, чтобы младшенькие не спотыкались, а взрослым веселее было. Дед рассуждал

о той ступени развития общества, на которой невиданно разовьются производительные силы и будет достигнут самый высокий уровень развития людей и полностью исчезнут классовые различия. Баба Нюра с нас усталость снимала. Так и дошли мы до ближайшей станции, сели на поезд и сменили место жительства.

Необходимое отступление

На этом месте я вынужден прервать рассказ Кима Ивановича Иванова. Здесь он остановился и сам, в первая история, которую он мне поведал и которую, по возможности точно, постарался я изложить, заканчивалась именно так. Но чтобы не прерываться в дальнейшем, я буду просто нумеровать его истории, давая им небольшие подзаголовки.

А пока... Пока я незаметно для себя выкурил, пожалуй, сигарет пять и не заметил этого. На улице стемнело окончательно, и теперь я не видел не только лица собеседника, но и вся его фигура казалась лишь смутным пятном на фоне чуть более светлой стены.

Признаться, не сразу я смог поверить всему, что он мне наговорил. Да и как поверить? Поставить себя на мое место, и вы убедитесь, что сделать это весьма не просто. Хотя я и был свидетелем, вернее, зрителем, видеофильма, который таковым отнюдь не был, показанный на «видеомаге», которого тоже не было, но, как человек здравомыслящий, я все же был склонен приписать это, скажем, давно известному и неплохо изученному массовому гипнозу. Не верить же сразу в выдающиеся способности Кима Ивановича излучать электромагнитные волны! К тому же, кино, как известно, — это совсем другое, проецирование на экран движущихся объектов, а значит, к электромагнитным излучениям не имеет никакого отношения.

Словно уловив мои сомнения, Ким Иванович грузно шагнул к дверям и включил над крыльцом лампочку. Вспыхнул резкий электрический свет, и это застало меня врасплох.

Ким Иванович посмотрел на меня с крыльца сверху вниз и неожиданно грустно спросил:

— Ну что бы я мог сделать, чтобы вы мне поверили? Я чувствовал, что для него почему-то очень важно, чтобы я поверил ему.

Не сразу я нашелся, что ответить, но, поглядев вокруг, увидел во дворе большую железную бочку, наполненную водой на случай пожара.

— А вы бы не могли, — нерешительно спросил я, — проделать в той бочке дыру, не сходя с места?

Ким Иванович несмешливо поднял бровь, потом внимательно огляделся, не наблюдает ли за нами кто, и тут вдруг из его глаз вырвались два тонких синеватых луча и пронзили сумрак двора, как спицы. И тотчас я услышал тихий плеск льющейся воды. Подойдя к бочке, я увидел две крохотные дырочки, из которых упругими струйками била вода и падала на землю, взрывая и скатывая шариками пыль.

Я потрогал дырочки, отчего вода залилась в мой рукав, и невольно отдернул пальцы. За спиной я услышал громкий довольный смех Кима Ивановича.

— Что, и это галлюцинация? — спросил он.

Подождав немного и не услышав от меня ответа (я все еще не мог поверить до конца в случившееся), Ким Иванович подошел ко мне сам.

— Вы идите сейчас в гостиницу, — сказал он, — а завтра вечером я вас сам найду и расскажу, как мы, Ивановы, жили дальше, как наша судьба сложилась. Вы ведь хотите услышать, что было дальше?

...Всю ночь я плохо спал, мне снились говорящие овощи, гиперболические лучи, сжигающие корабли в бушующем океане. На другой вечер я едва дождался прихода Кима Ивановича. И вот что он мне тогда рассказал.

История вторая

КУДА ДЕВАТЬСЯ ОТ ТАЛАНТА

В ту ночь уехали со станции мы удачно. Немного поспорили перед тем, до какого места брать билеты. Урезуемели твердо — никуда, где родня там или знакомые, переселиться нельзя. И тут дед вспомнил, что есть такой городок — Ракиток. Он там лет тридцать назад бывал по каким-то надобностям, и остался у него от того посещения неплохие воспоминания. Тут бабка и возманилась. Не хотелось ей почему-то в Ракиток ехать: то ли дедовские вос-

поминания не нравились, то ли капризничала просто. Но мы ее все же переубедили.

Так вот и оказались за тысячу верст от родимых мест. Ракитск, даром что город, чуть больше оказался наших Петушков. Как раз то, что надо. Купили мы развалюху на окраине — за красивым забором уже совхозные поля начинались — и потихоньку стали обустраиваться.

Сначала пришлось, конечно, трудно.

Тетка в местный кинотеатр пошла мыть полы, потому что к работе на поле образовалась у нее вполне понятная боязнь, вдруг опять что-нибудь не то вырастит. Я в тот же кинотеатр киномехаником устроился, два месяца перед тем еще ушло на краткосрочные курсы. Нужда прижимала. Дед с бабушкой пенсию не получали из-за отсутствия нужных документов. А было нас вместе с малышкой, как никак, семь душ.

Мне, кроме работы в кинотеатре, пришлось еще и ремонтом нашего домишки заниматься, потому что без ремонта крыша могла рухнуть в ближайшие же дни.

Мало нам этих сложностей, а тут еще способности наши, с которыми мы в ту пору еще не очень-то научились управлять, покою не давали.

Сначала огорожок, что при доме был, мы даже не вскапывали. Боялись теткинх фокусов. Вернее, она сама всего боялась после слишком удачных опытов со свеклой. Но это ведь просто сказать: не следует делать того-то и того-то. А если само выйдет?

Так и с теткой Наташей получилось.

У нас соседи были, Коровкины. Ничего себе, дружная семья, работающая. В первое время они к нам большое сочувствие проявляли. Все спрашивали, откуда мы, да с чего в Ракитск переезжать надумали. Их огород с нашим соседствовал, и им очень удобно было общаться с нами через изгородь.

На том огороде царил у них полный порядок. Все как полагается: лук, помидоры, огурчики и, само собой, малина да смородина. Тетка как-то возьми да позавидуй, какая, мол, у нас малина хорошая, урожайная. А они и вправду с тех кустов круглые ягоды в то лето собирали. И вдруг как-то прибегают и показывают решето, а в нем каждая малинка величиной с куриное яйцо. Тут и до нас дошло. Ох, не просто тетка не те кусты смотрела, что-то она еще и воображала при этом, что-то думала.

Коровкины кричат: «Сейчас мы эту малину на ВДНХ отправим!» Мы в один голос кричим: «Не надо на выставку, не надо!» А почему «не надо», придумать не можем.

Старший Коровкин, любитель домашнего вина, разошелся не на шутку. «Это как же, — говорит, — не надо! Такую ягоду я даже на наливку не пущу, несмотря на то, что исключительно для того и выращивал. Пусть все знают, какой сорт у Коровкиных получился. А по-соседски, так и быть, вам тоже дам отстенок той малины, пусть и вы хоть немного прославитесь».

Дед в тот вечер тетку Наташу предупредил:

— Что хочешь делай, а чтобы твоей гибридной популяции больше не было. Изничтожь, как вырастила.

Тетка с испуга сей же час пошла на огород, с Коровкиными побеседовала через изгородь и на те кусты посмотрела. А ну что нет ни кустов, ни малины. То есть кусты-то остались — стоят жалкие прутики, листья свернулись, стебли поникли. А от самой ягоды прах один. Коровкины погоревали, но не том дело и кончилось.

Но хуже всего среди нас, Ивановых, наверное, тогда все же мне пришлось. Я со своими глазами не знал, что и делать. Хоть черную повязку надевай и с палочкой ходи, как слепой. Очки не помогали.

Картинки разные, которые я мог по желанию показывать, не так были страшны. С этим я кое-как управляться научился. И если чего воображал, то старался делать это в одиночестве, не на людях. С рентгеновским зрением тоже было ничего, если оно и включалось, то этого никто не замечал. Увеличением предметов (микробов) запросто в воде различал, стоило только настроиться) я лишь на досуге от нечего делать баловался. А вот этот самый проклятый лазер просто житья не давал. И хотя я уже знал за собой этот грех, но стоило мне разозлиться по-настоящему, как мой оптический генератор и включался.

Сначала обходилось пустяками. Дырку на директорском пиджаке прожег, когда тот распекает меня начал за часто раущуюся плешь, — виноват я, что ли, если ее такую привозят? Тетрадка сестры Алёны у меня загорелась — это когда я ей, непонятливой, правила арифметики толковывал. Но хуже всего получилось с соседскими курами.

Изгородь между нами и Коровкиными была так себе,

гуляя в любую сторону. Мы в первые годы никакой живности не держали, а у Коровкиных, наоборот, птицы был полон двор. И позадились их куры ходить на наш огород. Не столько склюют, сколько разроют да разбросают. Баба Нюра каждый день за ними с хворостинной гонялась, а толку никакого. Здесь надо сказать, что на второй год мы свой огород все же засеяли, нужна же хоть зелень к столу. Но при этом с теткой Наташей провели серьезную беседу — огурчики пусть растит, но чтобы все было, как у людей.

В то утро я как раз от работы свободен был. Вышел на-огород лук к завтраку сорвать, а там соседские куры. Петух, помню, особенно наглый у них был. Здоровый, как индюк, совершенно черный, а хвост желтый.

Заметил меня, но вместо того, чтобы деру на свою половину дать, лениво посмотрел в мою сторону и начал рыть землю, только комки полетели во все стороны.

Изю всей силы швырнул я палку в петуха, да промахнулся. Тут он, правда, побежал к изгороди, а я, волея от ярости, бросился за ним. Куры переполох подняли, следом за петухом побежали, и вижу — опять уйдут проклятые. От злости, очевидно, в этот момент мой лазер и сработал.

Вспыхнуло вдруг пламя, раздался истошный петушиный вопль, и загорелось сразу во многих местах, словно маленькие костерки покатались по земле.

Опомнился я, когда куры сквозь изгородь к Коровкиным проскочили. Внимательно поглядев я на них, и разобрав меня смех. У всех пеструшек вместо хвостов — обгорелые метелки. А больше всего, естественно, досталось петуху. На нем ни одного пера не уцелело. Совершенно голый паленый петух, хотя живой.

Только я в дом вернулся, с соседского двора раздался такой крик, словно хозяйку опалило, а не кур. Через две минуты и сама Коровкина пожаловала. К груди она прижимала голого, как младенца, петуха.

— И чего же вы делаете! — запринтила она с порога. — Чего над животинкой издеваетесь! Ой, беда...

Кое-как уговорил я соседку, что не мог же я прыткого петуха в пять минут опалить, как мертвого. А вот он, сидит у хозяйки на руках да еще косится на меня злобным взглядом.

— Наверное, — предположил я, — куры у нас на огороде электрический провод разрыли да расклевали, вот их и пожгло.

Коровкина недоверчиво выслушала мои нелепые объяснения и ушла, не поверив. Кур, правда, пускать на наш огород перестала, но с того времени ко мне начала относиться с величайшей подозрительностью.

И это был не единственный раз, когда я хоть чем-то вывел себя.

Неладно получилось и с ремонтом дома. Немного обжившись, я начал все перестраивать по-своему. Росли братья и сестра, нам становилось тесно в одной комнате, и я задумал сделать второй этаж и расширить сени. Купил бревен, а распиливать их решил сам. Как это сделать, придумал давно, еще когда учился управляться с лазером. Стоило мне соответственно настроиться и повести взглядом вдоль деревяшки, как получался тонкий растил, и никаких стружек.

Таким образом настрогал я досок, и тут опять принесло соседа Коровкина. Был он под хмельком да приволок еще бутылку с собой, чтобы пообщаться по-мужски. Пить я категорически отказался, чем вызвал его искреннее недоумение.

Позатавшившись по двору, Коровкин пристроился на штабеле напиленных досок. Стоял на ногах он не твердо, так что не сел, а тяжело шлепнулся задом на гладкую поверхность и при этом проехался по ней, как по льду.

— Однако, — заметил он, погладив спил. — Это откуда же ты такие доски берешь? Лаком их сразу покрываешь, что ли? Я таких не видел никогда.

Пришлось опять оправдываться и бормотать что-то невразумительное. Коровкин хотя и был под хмельком, но вмиг почему-то посуровел и ушел, забыв прихватить с собой бутылку.

После этого случая кстати и некстати он туманно намекнул про заграничные лесоматериалы и через слово повторил:

— Есть еще среди нас чуждые элементы. А мы их не чистую воду...

И хотя наступили иные времена, становилось мне от этих слов неуютно и холодно в груди.

Ясно было одно: долго нам, Ивановым, и на этом месте не удержаться.

А тут еще началась кукурузная кампания. Пришла и в наши края царица полей.

Тетка Наташа к тому времени перебралась в совхоз. Тосковала по жилой работе. Ей, потомственной крестьянке, на земле работать хотелось, а не мокрой тряпкой в клубе махать. К тому же, на огороде своем она уже не чуждилась, все там росло как у всех, ну, может, чуть получше. Так это от ухода — тетка сил на огород не жалела. А деду оно слово дала, что на совхозном поле — ни-ни, никакой самостоятельности. Только не учла она текущего момента.

Кукурузу тогда сеять начали от крайнего юга до крайнего севера. А Ракитск был, прямо скажем, хоть и не у полярного круга, но и не на Кубанщине. Короче говоря, кукуруза здесь приживалась плохо.

У председателя совхоза за то лето от огорчения почти все остатки шевелюры вылезли. Из района гремели: «Давай!». А как «давай» — не говорят, сами, мол, выкручивайтесь. Вот и выкручивались, и все равно кукуруза выросла чуть выше колена, зато на теткинском участке в два человеческих роста.

О вредительстве тогда уже не упоминали, забытое, можно сказать, стало слово, зато в районе ахнули. Вот она, местная рекордсменка и чемпионка. Ведь теткин опыт доказывал правильность курса, избранного партией в стратегическом ударе по сельскому хозяйству. Теперь, указывая на ее пример, смело можно было сеять южную культуру хоть в Антарктиде. И не успел дед как следует пропесочить тетку Наташу за самоуправство, как ей и премию выдали, и на Доску почета определили, и к ордену представили.

Ух, как загрела наша фамилия по всей округе. Да что округе! В «Огоньке» про нее писали, а до этого в «Сельской жизни», не говоря о нашей районной газете. И повалили к нам корреспонденты со всего света. И все бы ничего, но мешался один такой памятный корреспондентик, который вспомнил и тетку, и фамилию нашу, и не в связи с чем-нибудь другим, а именно с рекордной свеклой, из-за которой когда-то все беды и начались. Правда, он не точно вспомнил, а как бы предположительно. Он даже свой материал назвал «Талантливые Ивановы». В том смысле, что на этой фамилии вся русская земля держится и в каждый период времени находятся новые Ивановы, готовые этот период прославить. Когда-то свеклой прославляли, теперь кукурузой. Придет новая эпоха, и новые Ивановы найдутся, чтобы и этой эпохе воздать по достоинству. Что хочешь вырастят, какие угодно рекорды установят.

Вот эта статейка была уже ни к чему. Дед, Федор Пантелеймонович, опять срочно на совет нас собрал. Пообсудили мы эту проблему и пришли к одному: если начнут до теткинских корней докапываться, то, как пить дать, всплывет на свет божий наш побег из Петушьева и причина этого побега, а чем это для нас обернется, кто же знает. Время, конечно, сейчас другое, ну а как сменится генеральная линия? Не станет ли тогда и урожайная кукуруза вредительством?

Дед все тогда себя в пример приводил. Ведь зреют же у него острые философские мысли, но он их обнаруживать не торопится, хотя при его-то уме место ему не иначе как в Академии наук.

Мне самому, надо признаться, эти разговоры уже стали поднадоедать. В самом деле, куда нам, Ивановым, от своего таланта деваться? Что мне стоило, например, обратить свои способности на нужды народного хозяйства? Я уже и тогда мог любой импортный станок, купленный на самую твердую валюту, заменить, не говоря о дякующихся картинах, с которых хоть фильм снимай. А баба Юра давно местную больницу за квартал обходила, потому что стоило ей рядом оказаться, как больные целыми палатами выпсыивались и по домам разбегались. А тут еще и младшенькие подрастать стали и такое началось... Но об этом в другой раз.

Из Ракитска мы все же уехали. И ордена теткинское не дождалось. Такая, видно, судьба у нас определялась.

История третья

В СИБИРЬ, КУДА ЕЩЕ

На этот раз мы даже особенно не спорили, куда нам ехать. В Сибирь, куда еще. Одно условие при этом дед, однако, поставил решительное. Больше никаких совхозов. Только город, чтобы подальше тетку от стопудовых урожаев держать. Так и вышло, что очутились мы в одном

перспективном районе для добычи нефти и газа. Знали бы, что нас там ждет, ни за что бы не поехали. Но, при всех наших талантах, не оказалось среди нас футурологов, но, наверно, нам всегда и мешало. Но я отступил от темы.

Город Нюкнедудинск во многом походил на Ракитск, но с одним отличием — ни в нем, ни рядом с ним ничего не росло. Картошку и ту привозили чуть не на вертолетах, но это, как помните, по известным причинам, нас сначала только радовало.

Я опять определился киномехаником. Незаменимая оказалась профессия, с ней нигде не пропадешь, так как тяга к прекрасному у нас в стране неистребима.

Тут и дети подрастать стали. Наши близняшки — Сергей и Андрей — уже в школу восьму ходили. На первый взгляд постороннему человеку различить их было трудно: оба черноволосые, кареглазые, оба с младших классов в кружок легкой атлетики записались. Короче, на свою мать — тетку Наташу — были совершенно не похожи. Та-то была женщина степенная, мягкая, а эти как ртуть, лишь успевай доглядывать. Но вот характеры у них вышли абсолютно разные.

У Сергея неожиданно обнаружились математические способности. Сначала мы этому радовались. Что им день, у него по математике пятерка, что ни классное собрание, опять Сережку хвалят. В четвертом классе он уже решал задачки за восьмой, а в шестом к нам даже профессор приехал из Новосибирского академгородка, чтобы увести с собой в специальной школе учиться. Но мы не отпустили. Дед тогда так и сказал: «Если вам что решить надо, что сами не сможете, вы задачку сюда пришлите, а уж вам Сережа все сделает в лучшем виде. Но чтобы из дома пацана отпускать, нет такого закона». С тем и уехал профессор, но долго еще из своего академгородка письма писал, просил передумать. Но мы, Ивановы, в своем слове тверды, как скала, так и сделали. К тому же, а с Сергеем большой разговор имел и рассказал, отчего мы такие способные и к чему наши способности могут привести, если сильно высовываться. Он меня быстро понял, мальчик смывленный, да и теткин Настимин пример был всегда перед глазами. Они уж, маленькие, понимали, почему мы по всему Союзу колесим и чего бояться следует, так что и сами могли профессору правильно ответить. Однажды только с Сергеем неприятность случилась, это когда он уже постарше стал, но и тут все обошлось.

Приходит он как-то раз ко мне на работу, в кинобудку, и держит в руках листочек. Клетчатый такой листок из школьной тетради, а на нем цифры. Я в этих цифрах, признаюсь, и сейчас понимаю мало. Но вижу, доволен парень, аж светится весь. «Бот, — говорит, — ким, посмотри как я теорему Ферма решил». — «Ну вот еще, — отвечаю, — буду я твоё домашнее задание проверять. Пусть это учительница делает». — «Да нет, — морщится Сергей, — нам это не задавали, это я из интереса сделал. Понимашь, теорема теории чисел Ферма не имеет целых положительных решений. Справедливость теоремы доказана лишь для ряда показателей, но в общем виде не доказана никем. А я доказал. Что если я это решение в академгородок пошлю?»

Здесь я прямо взвился. Ведь весь в мать уродился, и этому слава нужна, а того не думает, что за нас тогда весь научный мир встать может. Мало нам теткинских опытов.

Я кино крутить бросил, Серегу за ухо и к деду. Так, мол, и так, Федор Пантелеймонович, мальчик-то совсем спятил, а ученые метят. Тут и дед за него аяслся. «Ты что себе воображаешь!» — закричал он сначала, но потом поух и объяснил все уже спокойнее.

— Вот, — сказал он, — возьмем к примеру, чтобы тебе понятнее было, такую вещь. Как ты считаешь, кибернетика — наука или нет?

— Науке, конечно, — мрачно засопел внук и посмотрел на деду снисходительно.

— Так, — довольно пробормотал Федор Пантелеймонович. — А генетика?

— Да ты что, дед! — рассмеялся Сергей. — Ты же сам лучше меня знаешь.

— Вот-вот, именно лучше. И твердо помню, что еще совсем недавно генетика была продажной девкой империализма. А кибернетики вообще не было. То есть, в общем-то, она существовала, но место ей определялось рядом с алхимией. Не помнишь? А с все-о помню. А теперь возьмем твоего Ферма. Ну, решил ты эту задачу и что за нее ожидаешь? Когда тебе доктора наук дадут да Нобе-

левскую премию оформят? Вот здесь и есть твоя главная ошибка. Потому что завтра может выясниться, что твой Ферма — тайный капиталистический враг, специально подкинувший эту теорему для отвлечения сил пролетариата от интернациональной борьбы. Что тогда будет с тобой да и со всеми нами, ты подумал?

Дед утомленно вздохнул и погладил свой шипитый лоб, а когда Сергей, удрученно мотая головой, порвал листок в клеточку на мелкие клочки, добавил:

— За талант надо страдать, Сережа. Запомни это. Это теперь наш крест, всех Ивановых, страдать за талант.

И, надо думать, не только мне, но и Сергею крепко запомнились эти слова, потому что больше с подобными глупостями он не приставал ни к кому. А новосибирский профессор со временем сам отяжелел, ну, пописал еще пару лет и замолк, как его и не было.

Но больше всех напугал в то лето нас Андрей. У него в отличие от родного брата никаких способностей не замечалось долго. И это усыпило нашу бдительность.

Беда в том, что Андрей и сам не мог понять, к чему он способен. Учился плохо. Да еще хулиганистый оказался малый: то к воздушному змею кошку привяжет, то с соседом подерется. А однажды мне и говорит:

— Слушай, Ким, тебе ночью спать ничего не мешает?

— Ничего, — отвечаю. — Как лег, так и готов. Даже снов не вижу. — А я действительно так за день накручусь да фильмов насмотрюсь разных, что мне бы только до подушки добраться.

— А мне, — жалуется Андрей, — ужас как летучие мыши мешают. Так и крутятся вокруг дома, так и выются.

— Ты что! — испугался я. — Не заболел ли?

— Да ну тебя, — отмахнулся Андрей. — Чуть стемнеет, они так и начинают вокруг дома шмыгать. А уж ночью такие кренделя выделывают над крышей, что в глазах сплошное мельтешение. Я и зажмуриваюсь как следует, да ничего не помогает.

Помчался я тогда к тетке Наташе, так, мол, и так — свихнулся Андрюшка-то. Вот что гроза проклятая наделала. Мышей летучих всю ночь видит.

Но дед наш и тут нашел правильное объяснение. Послушал он внука и говорит:

— Все, еще один готов. У тебя, Ким, зрение нездоровое стало, так сказать, в видимом диапазоне, а у Андрея наоборот. Он теперь человек-радар. Его можно на любой аэродром поместить вместо локатора.

И тут же провел с Андреем обстоятельную беседу на предмет того, как бы этот его недостаток от окружающих скрыть. А то неровен час...

Потом настал черед Алены. Но об этом чуть позже, а сначала расскажу, какой со мной казус вышел.

Я уже упоминал, что городок наш, Нижнедудинск, оказался в сильно перспективном нефтяном районе. Это, когда мы приехали, о нефти еще никто не знал, а позже-то и началось. Сначала выяснилось, что мы находимся прямо на необъятном подземном нефтяном море, и, чтобы скорее сказку сделать былью, надо немедленно это море из-под земли излечь. Народу поневахало — ступить некуда.

Сначала все рванулись в Нижнедудинск, а немного погодя стали разъезжаться по окрестностям. Что ни день, то новость. Скажем, передают утром по радио: «Вновь наши славные труженики, добытчики черного золота, пробурили сверхскважину, из которой хлынуло нефтяное богатство, способное затопить Бельгию, Францию и Голландию вместе взятые». А на другое утро свежее известие: «Теперь мы добытой нефтью можем затопить не только вчера перечисленные страны, но еще и Люксембург». Хотя, если хорошо подумать, зачем нам эти страны затапливать, когда и свои дома отапливать нечем. Но это уже другой вопрос.

Получилось так, что пришлось мне с передвижной киноустановкой ездить по буровым. Выдают какой-нибудь фильм, машину — и действуй, Ким, колеси по буровым бригадам, не давай людям отрываться от культурной жизни. Когда мне эту передвижную киноустановку всучили, я даже не очень и сопротивлялся, потому что понимал — дело нужное.

Дома и без меня справлялись, братья подросли, а Алена так совсем большой стала. Они уже и хозяйство вели самостоятельно, высвобождая деду время для философских размышлений.

На какую буровую ни приеду — там праздник. И очень мне это нравилось, так как хотелось приобщиться к великим делам.

Сначала я не очень вникал в то, чем занимаются нефтяники. Читал, если бурят, то знают, где, хотя, как выяснилось позже, на этот счет я заблуждался.

Приехал я как-то раз на очередную буровую. Кругом болото, мошка, рабочие живут в палатках, сплошная романтика, одним словом. Но при этой романтике, заметьте, план выполняют на 120 процентов и дырявят болото весьма успешно. Как сейчас помню, привез я им фильм «В джунглях только девушки». Ребята страшно довольными остались, а бригадир, здоровый такой кудрявый перень, мне даже лично благодарность выразил, выделил две банки сгущенки и сказал при этом:

— Приезжай, механик, к нам через пару недель. Как раз до нефти дойдем. Праздник будет.

— А, может, раньше, — спрашиваю, — или позже. Откуда такая уверенность?

— Через две недели точно, — смеется бригадир. — Сам главный инженер приезжал, сказал — через две недели. Он у нас никогда не ошибается.

«Вот, — думаю про себя, — до чего наука дошла. Наперед все знает. И таланта никакого особенного, например, как у меня, нет, а все может».

Но это я про себя подумал, а вслух ничего не сказал, потому что захотелось мне бригадирские слова проверить.

Отшел я потихоньку к своему грузовичку и давай рентген на весь максимум настраивать, не знал ведь, на какую глубину проникать придется, опасался, что не достигну. Но удалось. Вонзил я свой взгляд в самые земные недра, гляжу — и не вижу никакой нефти, зато воды хоть отчерпывай. Я и так и сяк — нет нефти.

В тот же вечер выложил я свои опасения бригадиру.

— А ты с чего взял? — заинтересовался бригадир. — Из местных что ли?

— Да не из местных, — отвечаю, — но, кажется, напрасно вы здесь, ребята, горбатитесь. Премию, конечно, за ударную проходку получите, а вот за результат — нет. Так что советую бросить здесь это занятие и откочевать в другую сторону, а куда, я вам покажу.

И что вы думаете? Обсмеял меня бригадир.

— Слушай, — говорит, — мужик. Ты кино крутишь, вот и крути, а с нефтью мы сами как-нибудь разберемся.

И до того мне обидно стало. Ведь что получается, первый раз в жизни настоящее добро хотел людям сделать, а выходит, не нужен никому. Но, с другой стороны, сомнение закралось, а вдруг прав бригадир, ошибся я. Так что через две недели специально подгадал так, чтобы опять заглянуть на эту буровую.

Мастер встретил злой, как черт.

— Ну что, — спрашиваю, — праздновать будем? Есть нефть?

— Какая нефть! — в сердцах бросил бригадир. — Считай месяц зря потеряли. Это ты все накаркал!

— Да нет, — начал опять я свое. — Нефть здесь есть. Но чуть в стороне. Вон за тем болотом. Там точно нефтяная линза. Ты у своего инженера спроси, интересно, что он скажет.

Ну и что вы думаете? Не разрешил инженер там бурить, куда я показывал. Сняли буровую и за двести километров утащили новую дырку делать. Так что мои прогнозы оказались без надобности.

Долго я еще потом размышлял, почему к моим словам не прислушиваются. Чуть сам в академию не поехал сдаваться, мол, так вот и так, хочу, чтобы мой феномен служил людям. Но потом вспомнил, что с теткой Наташей было, и рукой махнул. Ну ее, эту науку. Ведь не проверяет как следует, а возьмут да объявят необъяснимым явлением, не приносящим никакой пользы для жизни. Или еще хуже, шарлатаном назовут, ославят на всю страну так, что потом и не спрячешься.

А тут еще с Аленой накладка вышла, да такая, что опять нам срочно вещишки пришлось собирать.

Началось все с того, что Андрей, освоившись со своим радаром, начал находить удольствие во всяком подслушивании да подглядывании. То самолет секретный обнаружит (оказывается, они постоянно над нами летают), то ракету испытательную. И непременно при этом еще о своем наблюдении доложить не забудет.

Сидим мы, к примеру, ужинаем, и вдруг Андрей застывает и начинает прислушиваться да башкой вертеть. И вдруг объявит:

— Вон, опять спутник-шпион за нами счет. Вон он, вон, прямо над нами.

— Тьфу! — кричал на первых порах дед и в сердцах

бросал ложку на стол. — Отяжись, окаянный. И так тошно! И точно, тошно становилось. Одно дело знать, что над тобой какая-то п. с. летает, но не видеть, другое — когда тебе об этом постоянно напоминают.

Мы уже Андрея и предупреждали серьезно, и просили. Без толку. Как чего углядит, так тут же с докладом. Один раз воздушный шар с подглядывающей аппаратурой на высоте тридцать километров засек. И как сказал, что он отсюда наш огород снимает, тут и тетка Наташа не выдержала, схватила за хворостину, только Андрей от нее убежал.

А с летучими мышами он такое развлечение придумал. Сделал рогатку и начал по ним палить. Иной раз всю ночь занимается охотой, а наутро весь двор в летучих мышах. До того исхитрился метко стрелять, что скоро всех мышей в округе извел и навалились на нас тогда комары.

Стали мы уже всем семейством подумывать, что с пернем делать. В школе он учился по-прежнему плохо, работать не хотел, а терпеть дальше его хулиганские выходки просто сил не было.

Но вот как-то сидим мы поздно вечером на крылечке, Алёну с танцев дожидаемся. Она последнее время зачастила на городскую танцплощадку. Красивая девушка стала, статная, коса — рукой не обхватишь. Понятно — молодость веселья требует, но дед и тетка да и я как старший брат строго-настроено запрещали ей всю ночь хороводиться. Чтобы в половине двенадцатого дома была. А путь от Дома культуры до нашей окраины не близкий. Чуть запоздаешь, доехать не на чем. И Алёна частенько жаловалась, что с танцев ей приходится возвращаться раньше подружек. Гулянье в самом разгаре, а уж ей домой пора. Но мы ей воли не давали — полдвенадцатого и точка, а то недолго и от рук отбиться.

И вот сидим мы, значит, на крылечке — ждем. Всем семейством сидим. Дед, как всегда, размышляет, весь углубился в себя, томик Канта лежит на коленях. Нет-нет, да и пробормочет что-то вроде: «Соприкосновение есть взаимное приложение сил непроницаемости многих элементов». Бабка согласно его словам кивает, привыкла старушка за последние годы не перечить мужу. Дед-то, чуть что не по его, сразу начинает вести разговор про нравственные принципы, его тогда вовсе не остановишь. Сергей таблицу логарифмов как стихи читает, с выражением. Я от нечего делать сухие листья поджигаю, что по двору валяются. Найду такой лист, прищурюсь и — пых! — загорелся маленький быстрый костерочек. А Андрей, тот с рогаткой сидит, прислушивается. И попробуй теперь эту рогатку отнимать, не сладись ведь. Обычная, одним словом, картина для тихого семейного вечера.

И вдруг Андрей заерзал как-то странно, сначала из рогатки прицелился, потом раздумал стрелять и тихо говорит:

— Вот, на огороде приземлилась.

— Кто приземлился? — спрашиваю, а сам уже предчувствую неладное.

— Кто, кто... — передразнил меня Андрей. — Сестрица твоя, Алёнушка, с танцев вернулась.

Ничего мы не поняли сначала, а тут и Алёна точно со стороны огорода появляется и приветливо нам ручкой машет.

— Ну, как добралась? — поинтересовался я.

— Да как обычно, — отвечает Алёна. — Еле на последний автобус успела.

— Что врать-то? — буркнул грубый Андрей. — Сам же только что видел, как на огороде села. Вот и нечего про автобус. Прилетела, так прилетела.

Тут даже при свете лампочки над крыльцом стало заметно, как побледнела Алёна, а между нами начался страшный переполох.

— Что такое! — кричит тетка Наташа. — Надо же, срам какой, по воздуху летать. И это моя племянница!

Бабка Алёну по головке гладит, обещает, что все само пройдет, а нет, так она вылетит. Я от волнения дар речи потерял, а Андрей ржет бесстыдно.

Дед же лишь на минуту от своих размышлений отвлекся и сказал одно слово:

— Левитация.

И все сразу примолкли. Вот как он нас одним словом прихлопнул. Что теперь поделаешь, если левитация. Ничего не поделаешь.

Это уже потом мы Алёну подробно расспрашивать начали, дажно ли да часто ли, а сначала растерялись все. Одно стало ясно: и Алёна от той грозы не убереглась.

Алёна же вот что нам рассказала.

Торопилась она с неделю назад домой с танцев. Но, как ни спешила, автобус из-под самого носа ушел, только помигал красными огнями. И поняла тогда Алёна, что надо ей через весь город пешком топать. Мало, что боязно (от прожогатых она отказывалась, боялась, как бы мы ее не застали с кавалером), а ведь и далеко еще. А время на исходе. Больше всего она, конечно, опасалась дедовских нотаций, считай на месяц воспитания хватит. Но делать нечего, побежала она вдоль дороги, да возьми и споткнись о камень. Падать начала, да подумала: «Ух, сейчас и полечу!» И даже глаза зажмурила. Но чувствует — не падает, а вроде действительно летит. Открыла глаза — точно, летит! И так ходко летит, что видит — догоняет автобус. Сначала она никак не могла с этой своей новой способностью освоиться, но через минуту уже и привыкла, как будто всю жизнь летала. Взяла повыше, благо темно было, никто не видел, и автобус обогнала. Так и долетела до самого дома.

На первых порах, говорила Алёна, она никак не могла поверить, что научилась летать, даже пробовать боялась, но на другой же день и решилась, уж очень ей летать понравилось. Попробовала — получилось. Вот с тех пор и летает.

— Боже мой! — сказала, выслушав все это, тетка Наташа. — Спаси и сохрани! А вдруг тебя видел кто? Ты не гляди, что атомный век, живо ведьмой объявят.

И ведь как в воду смотрела тетка.

Летать мы Алёне, естественно, запретили. Всего боялись. Если ненормальные способности Сергея и Андрея не очень в глаза соседям бросались, я со своим зрением вполне освоился и тоже не высовывался, а дед с бабкой постоянно дома сидели, то Алёна ведь все время на виду. Она в тот год школу закончила, в торговый техникум собиралась поступать. Вдруг кто узнает, что она летать может. Не жить нам тогда в Нижнеудинске. А мы уже привыкли к сибирскому краю, не хотелось нам снова срываться с обжитого места.

Но с Алёной получилось точь-в-точь как со мной. Я-то ведь тоже на первых порах, когда из любопытства, когда ради озорства «кино» крутил. Вот и сестрица не убереглась.

Первые дни я ее на танцы сопровождал. Не запирайте же родную сестру в чулан только за то, что летать научилась. Но потом понял — не дело это. Надо ей свободу дать, всю жизнь ведь за ней следить не будешь.

Характер у Алёны оказался своенравный, да и взрослой себя почувствовала. А тут еще появился у нее ухажор из местных, Васей звали. Не знаю, чего она нашла в этом Васе, парнишка-то с виду совсем неказистый: нос картошкой, уши как пропеллеры, — но задружила она с ним по-серьезному. Что ни вечер, не можем дожидаться девушку с гулянья. А потом — раз — и уже идет к крыльцу с огорода. Снова прилетела, значит.

И пошла у нас не жизнь, а сплошная нервотрепка. Каждый день ждали, что — жбуди придет и о ночных полетах доложит. И дождалась.

Сидим мы опять же на своем крылечке, а поздно уже, вновь (Алёна, дожидаемся. И тут не со стороны огорода, а от калитки — шаги. Пригляделись — батюшки светит да это наш участковый, лейтенант Трушкин. Так-то мы с ним не очень знакомы были, лишь раскланивались при встрече, уже крайне суров был лейтенант: звезды блестя, португеза скрипит, а из-под фуражки еще на целый козырек вперед нос торчит.

Дошел Трушкин до крыльца, повел своим носом и без «здразни» сразу заявляет: где мы, мол, причем вражеских парашютистов, еженощно на наш огород падающих.

Чувствуем, дело опять не колдовством, а политикой запахло. А это значит — дрянное дело.

— Какие парашютисты? — зачастила было бабка. — Что ты, милоч!

Но «милоч» долго с нами разговаривать не стал, а достал из сумки приличную пачку бумажек, где корявым, но понятным почерком подробно описывалось, как к нам постоянно на огород забрасывают вражеских агентов. Подписи он, правда, оглашать не стал, но и без подписей стало вполне понятно, что тянет наше семейство на групповой шпионаж в особо крупных размерах.

Только Трушкин все это нам выложил, как топ-топ, идет сестра Алёна.

— А-а! — закричал лейтенант, увидев сестру. — Тут и про тебя написано, гражданка Алёна Иванова, что ты постоянно парашютистов на огороде встречаешь.

Фактов у участкового, конечно, никаких не было, это нас тогда и спасло. Пострадал да и ушел ни с чем. Но оставил нас в страшном беспокойстве.

Дед этой же ночью перед Аленой ультиматум поставил. Про левитацию велел забыть раз и навсегда. Да поздно было, привыкла Алена летать. Ее ведь теперь принудить ходить, что коня после овса заставить сено есть, ни за что не привыкнет.

Хитрющая Алена слово-то нам дала, что будет вести себя как следует, да теперь уж не вечерами, а ночами из дома стала пропадать. Под утро лишь и прилетала. А еще моду взяла: я ругаться да за ремень (хотя поздно уже с ремнем-то, раньше надо было!), а она под потолок — фьють! И сидит себе, бестыкая, под потолком с голыми коленками, смотрит, как я с ремнем внизу прыгаю.

И пришел нашему терпению конец. Само-собой, Алена из Нижнедудинска уезжать наотрез отказывалась. Говорила, что без Васи ей жизни не будет и никакой Трушкин ей не помеха. Но мы ее не сильно слушали. Где угорами, а где и пригрозить пришлось, но добились своего — увезли из нефтяного города, но про это уже другой рассказ.

История четвертая, и ПОСЛЕДНЯЯ

На тайном от Алены семейном сходе решили мы ехать в какой-нибудь большой город. Там и затеряться легче, не так у людей на виду. Да и пора о ребятах подумать — им ведь учиться и работать. А еще мы надеялись, что в большом городе, среди больших талантов наши собственные станут совсем незаметными.

Так мы очутились в Новосибирске. Здесь мне и раньше бывать приходилось, правда, проездом, и даже дальняя родня у нас тут проживала. Словом, единогласно решили обосноваться в этом городе.

Долгая история была у нас с обустройством, но об этом отдельный разговор. Как бы то ни было — обжились, и завертелось все по-старому.

Я — в кинотеатр, тетка — в заводское подсобное хозяйство, Сергей и Андрей — школу заканчивать, а сестра Алена, как и предполагалось, — в техникум.

Опять затаились пуще прежнего. Тем больше, что годы застоя, как их теперь называют, были в самом разгаре.

Но что-то неладное стало твориться среди нас, Ивановых. С виду-то, вроде, все как прежде, а на самом деле — разброд и шатание.

Первым заскучал Сергей. Учителя ему в школе в один голос — математические способности исключительные. И дорога перед ним открывалась заманчивая: институт, аспирантура, научная работа. Может быть, так и стоило Сергею поступить, тем более, что и тетка Наташа, и я, и даже дед отступились от прежних наставлений. Ведь из всех нас у Сергея самый понятливый для людей талант был. Но Сергей, рассмотревшись на наши мытарства, уже не тот стал. Перво-наперво, поутихла его страсть к математике, и хотя ему ничего не стоило, как и прежде, любую теорему доказать на пользу советской науке, подался он после школы совсем в другую сторону.

Вы про человека-счетную машину слыхали? Ну как же? Серж Эверстов. Так вот, это Сережка Иванов и есть, двоюродный мой братец.

Сам ли он решил податься в цирк или надоумил кто, сейчас трудно сказать. Но весь его талант на одно ушел — публику забавлять.

Выйдет он на манеж в черном смокинге и давай четырехзначные цифры умножать да делить быстрее счетной машины. А чтобы дело без обмана — зрители ему сами задачки придумывают. Но это для Сергея раз плюнуть, он еще и не такое может, я-то знаю. Только вот про теорему Ферма больше не упоминает. Может, забыл совсем про великого итальянца, а может, разучился.

В прошлом году даже в Индию на гастроли ездил. Все у него в порядке, и уже звание заслуженного артиста получил, лишь когда домой в отпуск приезжает, говорит совсем мало, все в своих старых тетрадах роется. Что он там ищет, кто его знает. Но мне так кажется, — загубил Сергей свой дар окончательно. Если бы по-другому судьба с нами, Ивановыми, распорядилась, мог бы Сергей не под фамилией Эверстов в черном смокинге выступать, а совсем в другом качестве. Вон сколько у нас физиков да математиков закодированных ходит.

Но хуже всего с Андреем вышло. Затюкали мы парня совсем с его радаром. Сначала он и сам ото всех тайлся, школу закончил кое-как, на завод пошел, да так и не оа-

ладел никакой специальностью, до сих пор на подхвате. А еще пристрастился к бутылке. У нас в семье никто водкой не баловался, ну а с Андреем вышло все наоборот. Сначала, с друзьями, с получки, а потом уж и один начал пьянствовать. Сколько слез теткинных пролито было — все напрасно. До и помощи в семье от Андрея никакой — все деньги пропивал. Дальше больше. Научился он без вина обходиться. Что уж там у него в организме еще перестроилось, не знаю, но научился он от электричества хмелеть. Сунет палец в розетку, так что счетчик начинает крутиться как бешеный, и пожалуиста — наклюкался. К нам уж и из электроэнергетики приходили. Что вы, говорят, электричества-то столько потребляете, завод у вас на дому работает, что ли? Смех и грех, не расскажешь ведь, что братец этим электричеством без закуски заправляется.

Дед посарепреставал вначале, прозился все провода перерезать, но не при лунине ведь нам жить, опять же город, плита электрическая...

Не знаю, что на Алену повлияло, левитация ли ее проклятая, или то, что мы из Нижнедудинска ее силком увезли, но выросла девка сущей ведьмой. Замуж так и не вышла. Попрекает нас до сих пор своим Васей ненаглядным. Ездил она спустя пару лет в Нижнедудинск, только Вася в армию уходил, а как вернулся — женился. Алена от этого совсем извелась. Опять по ночам из дома пропадать стала. И ведь точно как ведьма, не через дверь, а через окно норовит. Чуть ночь, шаст с подоконника, только ее и зидели до утра.

Не сложилась у нее личная жизнь, да и ни у кого из нас в этом плане ничего не вышло. Привыкли к недоверию да к утайке, прятаться привыкли, от чужого глаза свои способности охранять. Все боялись, как бы чего не вышло, воли себе не давали. Вот и результат.

Дед свой главный философский труд не записывал, все держал в голове, а в последнее время решил — настала пора, настало время дать людям светлое философское учение на века. Только не помнит уже ничего. Диктофон я ему купил, пишущую машинку. Вот он с этим диктофоном целыми днями и забавляется, а толку никакого.

— Совсем я, Ким, беспамятным стал, — жалуется дед. — Сколько ценных мыслей зря передумал, сколько надеждой себя тешил, что вот настанет день. День-то настал, да что-то с моей головой случилось.

И трет себя по шишковатому лбу, как будто от того трения новые ценные мысли появляются.

Баба Нюра от этих переживаний не то что других лечить, сама заболела. Лежит хворая, кряхтит:

— Ох, пришла пора.

И боюсь, действительно пришла, уж больно старушка слаба стала.

Тетка Наташа свои способности растеряла раньше других. Это, скорее всего, от того, что ей больше других через ее талант доставалось. Цветы у нее на окне даже засыхать стали, а ведь раньше в тех же горшках она могла джунгли вырастить.

А со мной ничего, вроде, особенного не произошло. Все еще крепко помаленку. Вот в кооперативщики подался, патент взял. Кино могу еще показывать, хотя с каждым днем чувствую — труднее и труднее становится. Лазер тоже послабел. Раньше мог за километр дерево спилить, а сейчас только и осталось — дырки в бочках делать.

Сегодня во всех газетах пишут, по радио говорят — перестройка на дворе. Оно, конечно, так. Пора бы и нам, Ивановым, показать, на что мы способны, настало наше времечко. Только что показывать, если ушли таланты, как вода в песок. Совсем мы, Ивановы, не те стали. Раньше бы хоть на десяток лет перестройке быть — мы бы тогда весь мир удивили. Одна мысль греет, может, еще раз гроза случится. А пока грустная история получается.

Необходимое послесловие

Со странным чувством уезжал я из Новосибирска. Уже сидя в купе фирменного поезда «Сибиряк», откровенно увозящего меня из города, я вспомнил внимательные глаза Кима Ивановича, его неторопливый разговор. С одной стороны, сомневаться в том, что он рассказал мне, не приходилось. Своими глазами я убедился, что Ким Иванович не обманщик, но начали в мою душу закрадываться и некоторые сомнения.

Возможно, феномен семьи Ивановых существует на самом деле. Мало ли сегодня мы слышим о разных экстрасенсах и их неизученных способностях! Но, с другой

стороны, уж очень неправдоподобны таланты этой семьи, уж очень они сверхъестественны, что ли. Это до чего же может быть могуч человек, проявись в каждом та чудодейственная сила, которую обнаружили члены этой семьи? Эдак ведь стремительно можно и сельское хозяйство поднять и науку вперед двинуть, да мало ли что еще можно сделать, обладая каждый таким даром!

За этими размышлениями я не заметил, как за окном стемнело. Мои попутчики, молодая симпатичная пара и старичок, который ехал в Свердловск к сыну, приготовились ужинать. Пригласили и меня. Вытащил я свой немудреный командировочный набор, состоящий из пары крутых яиц, купленных в вокзальном буфете, да бутербродов с сыром, и присел к столу.

— Чайку бы еще, — помечтал вслух старичок. — Только с чаем в поездках нынче плохо. В прошлый раз так всю дорогу всухомятку и провел.

И тут неожиданно раздался стук в дверь и в купе возник наш проводник, крепкий мужчина с пышными усами.

— Чай будете пить? — поинтересовался он.

— Да, да, конечно, — обрадовались мои попутчики. А я насторожился. Вот ведь, только сказали вслух про чай, как проводник и появился. Не телепатия ли это?

И надо сказать, всю дорогу, стоило нам захотеть чаю, как тут же, словно читая наши мысли, появлялся проводник с усами и приносил чай.

Возле Свердловска старичок не выдержал.

— Вы скажите нам свою фамилию, — попросил он проводника. — Мы вам благодарность напишем за чуткое обслуживание.

— Моя фамилия Иванов, — смущенно сказал провод-

ник. — Только благодарность писать не надо. Ничего я такого не сделал, за что благодарности пишут. Это просто моя работа.

«Вот так-так, — подумал я про себя. — И этот Иванов. Интересно, не родственник ли? И ведь явная способность к телепатии».

Когда уже старичок покинул наше купе, решил я все же наведаваться к проводнику, прояснить для себя некоторые моменты.

Повел я разговор издали, сначала все больше об экстрасенсных возможностях, потом к личности проводника перебрался. Но все оказалось напрасно.

— Не было у нас в роду ничего такого, — поделился со мной проводник. — Вот, правда, дед мой здорово с пчелами умел обращаться. Они у него были как дрессированные. И меда было столько, что бочками на базар возили. Но дед в тридцать первом раскулачили, а из лагеря он не вернулся. Да еще мать моя, а раньше — бабка заговорами лечить умели. Бабка-то померла, а мать лет пятнадцать назад врачи чуть под суд не отдали за энехарство. Теперь она никого не лечит, говорит, разучилась. Вот и все. А у меня самого никаких особенных способностей нет, просто привык работать так, чтобы людям хорошо было. Но работать так с каждым годом все трудней. Сейчас чаем пассажиров напоить — и то проблема!

Вернулся я в купе. Залез к себе тихонечко на вторую полку, глаза закрыл. Колеса постукивают, по России поезд бежит мимо городов и деревень, где спят сейчас Ивановы, и снятся им сны о том, что когда-то они умели, а сегодня разучились. Одна надежда, что не все.

Павел КЛИМЕШОВ

ЛЕСОША

Они пришли по мою душу. Три верзилы грозно топтались у входа, с деланной небрежностью поглядывая по сторонам, а когда я появился, насупленно двинулись следом. Один показался знакомым, но не сразу я вспомнил, где видел эту рожу. Да вчера, в автобусе! В том самом автобусе, где я — храбрец! — оттолкнул плечом его, зажавшего в углу девочку в школьном синем костюмчике, старшеклассницу по виду. Когда девочка убежала, я, выйдя на своей остановке, думал, что «рожа» дахнет за мною. Нет, не осмелился он: прилип к стеклу, с угрозой наблюдая. А здание-то нашего РСУ в двух шагах от остановки — вот и выследил! Однако трус — он трус и есть, с подкреплением явился...

Теперь нужно было спастись мне. Почти бегом я устремился по улице. Автобусы были утрамбованы часом пик, «маршрутки» безостановочно мчались, ни единого такси... А троица не отставала.

Обернуться? Принять бой? Нет. Слишком неравны силы. Замедлю шаг — отстанут и преследователи. Я было успокоился, а они по-прежнему «висели на хвосте». Троица вела меня неотрывно, умело и хладнокровно.

Наконец я выбежал к полузатоптанному леску, что подступал к моему микрорайону. Сзади затрещало, ускоряясь, тройной топот.

В хорошенькое местечко они меня загладили! Чего я думал раньше? Почему не заскочил в магазин, в кафе?.. Почему не переждал? А теперь куда веду их? Домой? Чай пить?

Я нырнул в полузасохшие кусты и слепо помчался, не замечая рвущих лицо и одежду веток. Следом, как под трактором, трещал валежник. «Ко-нец...» — на бегу вспыхнуло в сознании. Я резко метнулся влево, сиганул в овражек, пробежал по нему и, обессилев, рухнул в заросли папоротника. В предательской тишине, казалось, на весь лес грохотало мое загнанное сердце.

Но где же они!

Словно в обмороке, затаялся я в предвечерних травах, не осознавая времени; по мне деловито засновали

муравьи. Оправясь от волнения, я приподнялся, потом осторожно оглянулся и сел.

Ни единой души, ни ветерка, ни дуновения, только истомное солнце августа медово сочилось под желто-зеленый полог, и в его дымных стволах толкалась выжолоченная мошкара. Я озирался поверх разлапистого папоротника, силясь сообразить, в какой стороне мой дом. Наверное, от пережитого испуга я не мог сориентироваться, разом позабыв о сторонах света и почти не узнавал тысячу раз искоженного леса.

Дотемна блуждал я в пригородных зарослях, уже и забыв о погоне и ругая себя распоследним идиотом, — но выбраться не мог. И вот, на грани помешательства, в шестой раз выйдя к спасительному оврагу, я увидел там сутулого старичка, одетого в непотребное рванье. Обрадовавшись живой душе, сентиментально выкрикнул:

— Бог в помощь, папаша!

Старичок сделал странный, какой-то отстраняюще-оберегающий жест, медленно повернул иззелена-седую косматую голову и, сверкнув по-кошачьи глазами, кивнул.

— Ради бога, извините, вы не знаете, в какой стороне новый микрорайон?

Старик молча указал налево.

— Спаси... — только начал я благодарить, как вдруг мой незнакомец растаял в воздухе. Что за черт!.. Уж не привиделось ли мне с перепугу? Да нет — вон вершинка болголовы, которую любовно ощупывал таинственный старичок, еще покачивается...

Лес молчал. Только на сумеречном дубе вдруг зашевелилось, змеино зашелестела листва. Странно... не было ни ветерка, а дуб угрожающе зашипел...

Я затравленно метался по квартире. Были бы жена с дочкой, уж перед ними-то я вывернул бы наизнанку свою болезненную душу; но они — у моря, друзья мои — на другом конце города, телефона нет — так что майся в двухкомнатной клетке, бейся головой о стену в одиночестве...

Спал я в ту ночь плохо. Точнее, не спал, а метался в полузабытых то ли в диковинном овраге, то ли на собственной тахте. Вскочил ни свет ни заря и как сомнамбула побрел в лес.

Утро выдалось серым, и предосенняя листва тускло серебрилась на ветвях. Волокна ночного тумана вяло оседали в мутной глубине леса, где-то истошно скрежетала сорока.

Я без труда нашел тот овраг и, поеживаясь от сырости, спрятался за осину.

Прошло двадцать минут — никого, сорок — тоже...

«Значит, показалось, — горько подумал я. — Пора идти в психушку!» И тут будто прострельнуло: стой, взгляни повыше!..

Поднял голову. Чур меня! Два пронзительных ока обожгли — и погасли. Тотчас тугая ветвь на ближнем дубе тяжело качнулась, кто-то лохматый споркнул с нее во мрак овражный — и все стихло.

Теперь было о чем думать! И чем дальше, тем больше размышления о лесных чудесах вытесняли из моей головы воспоминания о мстительной троице. Попросту сказать, забыл я об автобусном инциденте и последовавшей за ним погоне. Да зря, как выяснилось! А впрочем, неделя прошла спокойно. И только в пятницу, когда я, как нарочно, задержался для оформления документации, у двери толпились... уже пятеро! Я вышел через черный ход. Покружив дворами, очутился метрах в двадцати от здания РСУ и кинулся что есть духу почему-то в сторону леса. Оглянувшись, увидел: меня опять заметили! Эх, давай бог ноги!..

Мы бежали, почти сохраняя дистанцию. Прохожие равнодушно сторонились. Может, и впрямь не понимали, в чем дело. Может, плавать им было. А я выбыл из сил! А расстояние меж нами сокращалось... Но успел-таки я ухнуть в лиственный плеск и, как кабан, понесся сквозь орешник, потом круто взяв влево, сиганул в овраг, пролетел по нему и нырнул в укромный болотолоз.

Где-то совсем рядом тяжело трещал валежник, я различал срывающиеся голоса: «Где он!.. Как сквозь землю...» — и слышалась похобная брань. Но голоса помалу слабели, треск и шаги удалялись и совсем стихли.

Снова спасен! И опять — в сыром овраге, под сенью ржавеющего папоротника! Нет, это не случайность, разрази меня гром! Слабо колышавшееся узорочье листвы, чудилось, плавилось в заревой желтизне, зато с противоположной стороны лес заливал синий сумрак. У овражной кромки, за призрачно голубеющей березкой, кто-то стоял.

Я поднялся и шагнул навстречу. Это был уже знакомый мне старичок. Укрывшись за столом, он высунул серое волосатое личико и с интересом наблюдал за мной. Когда я двинулся к нему, незнакомец озорно сверкнул глазами, усмехнулся и, как мне показалось, поманил взглядом. Облегченно вздохнув, я протянул ему руку, но старичок, хохотнув, растворился в сумерках.

И опять я возвращался домой потрясенный. Не скрою, мысли мои толпились вокруг маховой чертовщины. На пятю десятке лет впервые думал я всерьез о лесной нечисти...

Но ведь с нею давно покончено! Наш воинствующий материализм эффективно расчехостил дремучие суеверия и, как просеку в замшелом лесу, выставил путь к свету. Так стоит ли петлять, блудливо заглядывая в дремные тысячелетия заросли?

Дома я обложился книгами по фольклору, решительно учинил славянофильский ликбез. Ох как трудно в век глобального мышления докопаться до своего, исконного! С азартом углубясь в старые, дореволюционные еще издания Максимова и Афанасьева, я пошел «на ты» с нечистой силой.

Итак, лесной дух, Лесовун, он же — Лесовик, Леший, Лешак. Информация к размышлению:

1. Среда обитания. Живет в лесных трупцобах и на пустырях, но с первыми заморозками проваливается сквозь землю. Весной вновь появляется как ни в чем не бывало. Осенью, расставаясь с лесом, бесится, ломая деревья и разнося живность по домам-норам: душевно тоскует по умирающей природе.

2. Внешние данные. Неказист, небрит, нечесан. Способен мгновенно изменять свои размеры — то вырастать, то уменьшаться. Передвигается наособицу: спереди и сзади у него сильный ветер, отчего Лешак никогда не оставляет следов.

3. Семейное положение. По преимуществу женат. Лешачиха — дамский вариант Лешего. Однако весьма дикого нрава и обличья — сплошь волосатая, косматая и когтистая. Счадьбы Леших шумны и разгульны; как правило, сопровождаются ураганами и крайним опустошением.

4. Нрав. Любит блуждать по лесу и расканиваться на ветках. Внезапно появляется то здесь, то там, свищет, хохочет и кричит на разные голоса: ржет лошадей, мычит коровой, лает и мяукает. Крайне коварен: кружит пут-

ника по лесу, превращаясь в ложные приметы — дерево, сук или кол; измотав до полусмерти, дико хохочет. Иногда является в облики старца в лохмотьях и с длинной клюшкой, либо радится в кого-нибудь из знакомых и, заговаривая зубы, уводит в сторону. К сему Леший весьма алстолюбив: всякое из лесных дел (охота, сбор грибов и проч.) безуспешны без его протекции. Очень падох на приношения (соль-хлеб, кураво и т. д.). Большой охотник до вина, очень любит употреблять ведрами, но никогда — в одиночку.

Странно — научное описание один к одному совпало с приметам... лесного старичка. Чего стоит хотя бы одна внешность! А дикий хохот? Ила манера внезапно исчезать? И потом эта замкнутость, почти неадаптивность...

Так значит, Леший?.. Да не может быть! Это на исходе двадцатого столетия, на окраине трехмиллионного промышленного города? Нет, не может быть. А если... Ну а если!

Пожалуй, долг вежливости сбязывает меня хотя бы отблагодарить таинственного спасителя. И как можно скорее.

Но каким образом я смогу это сделать? Конечно, путь один. — через приношения.

С хлебом-солью все ясно. А как насчет колбасно-мясного лакомства — гибки ли пристрастия Лесовика? А вдруг он закоренелый вегетарианец? Или вот еще — каким куревом его подчевать? Интересно, чем тешится Леший в полевых условиях? Но колебался я недолго и остановил выбор на махорке — что может быть надежнее этого прачурева!

Главные трудности оказались с напитками, но и это я преодолел и погожим вечером, молодечески подддерживая рюкзаком с тонкашками бутылками, вошел в лес. Ничуть не плутая, отыскал заветный овражек, спустился в него и, расстелив под березой чистую тряпицу, купчески-щедро разложил дары.

Со времен первого поцелуя и самой первой зарплаты не было в моей судьбе мига более волнующего: шутка ли — контакт с нечистой силой! А адрут Лешак снизойдет до меня — как с ним общаться? Мужик он исконно русский, от матушки-земли, так что стертими городскими речениями его не очаруешь.

Так никого и не дождавшись, вернулся я домой и на скорый глаз пробежал «Слово о полку Игореве» и трехтомник народной поэзии. Выписал для зубрежки десятка четыре старинных словечка — чем черт не шутит, а вдруг сгодятся? Встану я пред очи Лешего, сотворю земной поклон, приосанюсь — и почну сыпать всякие там «воляшки» и «загозыньки», «кобры» да «подъельши» похлеще натурального кержека; уж так зальюсь, так баско заплету слова, что Лешуга аж растает от благолепия...

Наивный, как недооценивал я нечистую силу!

А было так. Назавтра, нарочно не побриавшись, чтобы опроститься, я решительно двинулся знакомой дорогой. Как назло, студено задувал сиверко и колюче моросило. Вьедливый сизый сумрак затопил лес, неприветливо-траурно чернели столбы, бесформенно висла листва, заплетал ноги подлесок. Однако впереди, в направлении оврага, брезжило странное зеленоватое сияние. Зачарованный им, шел я не разбирая дороги, но ни разу не споткнулся, не оцарался.

На склоне оврага сидел Леший и похихивал козьею ножкой. У ног фосфорически поблескивала пустая моя стеклопосуда, там же валялась распечатанная пачка махорки. Увидев меня, дед простецки поманил пальцем — и я нерешительно подошел.

— Доброго здравия, детиш! — глуховато вымолвил старец и протянул волосатую ладонь.

Я машинально пожал ее, неотрывно глядя в Лешачьи глаза. Как гипнотически они сияли! Даже кожей я ощущал их пронзительно-зеленый свет. Забавляюще-звериный, он то усиливался, то ослабевал, нездешне озаряя лик Лешего.

Воистину, это был лик! С виду махонький и чрезмерно морщинистый, но буйная травяная бородаща и огневые глаза под дремучими бровями придавали ему диковатое величавое выражение.

— Доброго здравия, детиш! — хриловато повторил старик, мягко тряхнув мою ладонь. — Благодарствуй: брашно доброе! А я, мшара драхлый, зажалковал было: нету ты и нет; акно искорился: дескать, испужал, отертил горемычного.

— Что вы, что вы! — залепетал я, пораженный его эпол-

не литературным произношением.

— И гожел! — хохотнул Леший. — Гостьба так гостьба!

Он вахнул десницей — и смиг из-под земли вырос замшелый пен в форме ведренной чаши. Выем его был заполнен какой-то изумрудной жидкостью, которая тяжело заковылялась в плотоядном сполухе Лешачьих глаз.

— Зелье загозье, — заговорщически подмигнул Леший, нагибаясь над пенем и зачерпывая из него пригоршнями. Выпив, он смачно крикнул (как мой покойный дед!) и озорно ошпарил меня взглядом:

— Ответай, детиш!

И я отведал — исключительно из уважения к представителю иной цивилизации. По очереди мы прикладывались к бездонному сосуду — жутковато-восторженным был этот ритуал! Под колдовское присловье Лешака, осенявшее дремучим смыслом, в зябком свечении среди лесной тьмы, задыхаясь, пил я огнистое зелье: оно пронизывало до костей, словно кипячая вода, и дурманило, аж как дурманило!..

А Лесовун распался. Башенные глаза его сияли, словно сполухи, дремучая волосья задыбились; размахивая руками и притопывая, он кричал:

— Гей, леса-древеса, пеня-коренья, муравчаты сущая, грибные укромя, подземные удомья!..

Разбойно свистнув, Лешак цапнул меня за руку — и мы взвились. В уши бил ветер. Дико неслись мы во тьме, навзлет прошивая кроны, кружась, подныривая, замыная. Шабаш это был, леший меня дернул! В пульсирующем свете глаз моего спутника, вернее — со-летника, я то слеп, то прозревал, уварываясь от хлесткой лисаи, зацепившей ветки, убойного ствола. А дед скорил да скорил гонку! Нехотя полеще лисаистами, он со свистом пронзал всадух и адски хохотал в испуганную тьму. Ребристой громадой летела невед зелье, рушились за спиной стволы, шарахались вступившие птицы — а мы летели, мчали... Не сонмеря прыг, иногда вылетали из леса и проваливались то в аляющую пустоту поля, то в костистую опору высоковольтки, то в созвездия огня. Тогда Лешак жутко бранился и, больно дергая меня за руку, сворачивал в рощу.

Сколько это длилось, не знаю, только внезапно все кончилось: замедляясь, мы спланировали в овраг.

— Гже ли, детиш! — услышал я почти то-светное.

— Это невероятн! — задыхаясь вытятил я. — Чертовщина... то есть, простите...

— Отудобляй-отудобляй! — усмехнулся дед, сосредоточенно раскурил козью ножку, добавил: — А ты лētu справен. Кого роду будешь?

— Иван Шибеев я.

Дед одобрительно кивнул и, протягивая руку, представился:

— Лесоша...

Вкусно похихивая махоркой, он притулился на травяной кочке. И, понимая, такую немощь, даже беззащитность жалая асколоченная и сутулая фигурка его, что у меня затершило в горле...

— Вы, наверное, устали, — посочувствовал я.

— Изустал? — удивился Лесоша. — На усладу лёт деден, услада и пресытит — николи не утомит. Заруби сие... Ты молвил, Шибеевых рода будешь? — вдруг переспросил он.

— Да.

— А ведь знал я Захария-то Шибеева из села Грабилова.

— Из Грабиловки? — уточнил я.

— Воистину из Грабиловки, детиш. Он, я чай, пращур твой?

— Дед Захарычем был. Так неужели... Нет, это невозможно... — От волнения я вспотел.

— И-эх, детиш! Дальнее — оно ближнее есть. Захарыч ты, размуравил ты: вельми схожи и ликом и статью.

Я не верил своим ушам. Тут тебе не шуточки шутят, а запросто, чуть ли не за руку знакомят с предком!

Начал Лесоша степенно:

— В летошний век, паче по-за тот было сие...

Надо ли приводить полностью рассказ Лесоши, дремучий от архаизмов! Конечно, можно было б, обратиться к незабвенному Далю. Только не стоит учинять филологического пижонства, потому я и продолжу, так сказать, по лексиконам сего времени.

Итак, мой прадед Захар, он же Захарий, как-то ночью аозражался с обозом в Грабиловку, что в пяти верстах от Нижнего. Будучи потомственным ломовым извозчиком,

он ездил в Макарьев монастырь на ярмарку, удачно отторговался к, с деньгами да покулками, чинно отправился восвояси. Переправавшись через Волгу, где-то по дороге, как на грех, замешкался (подозреваю, в трактор заезнул), но к вечеру миновал разбойничью нижегородскую Ошару, а в лес въехал к ночи. Именно в сей час, облетая свои владения, не в пример нынешним — неогладные, Лесоша приметил: обочь лесной дорожки прадеда моего поджидала шатрага с чеканами да шалыгами, а по-нашему — с топорами да кнутами с привеском. «Вельми жалкую безвинного», Лесоша завел его в чащобу, закружил, замаял до слез, а поутру, когда засаду сняли, вновь вывел на дорогу. Вот и ася недолга.

Рассказ меня сразил.. Нагаденно я хватанул горячего воздуха родной Истории, и этот непомерный глоток глубоко прожег меня, окатил полубезродную душу. Шевельнулись в ней вековые корни, и вострепенулась она навстречу минувшему, жадно принимая нынешними веточками к живительным подробностям.

— Захарий-от! — с удовольствием отвечал на мои расспросы Лесоша. — Вельми статен был, ликом — чист, очам — преголуб. Но ярыжка пропащий — справный мужик.

Значит, покровительство Лесоши не случайно! Ведь начисто отстали и от меня мои преследователи, словно дорогу забыли. Дух заходит, как представишь себе струйку немислимой приязни, текущей аж из сумрака веков. Но чем вызвана эта Лесошина избирательность? Почему именно мои предки?.. И что унаследовал от них я, битый социумом полумителлигент-полупролетарий, странным образом осененный Лесошиной добротой?

Может, разгадка в несокрушимой старомодности моих вкусов? Ведь я всегда инстинктивно шарахался от новомодных закордонных причестей; властно влекли к себе поруганные, но неумирающие национальные основы, будь то неторопкое деревенское бытие с вековыми работами, народные песни и присловья, старинные книги. И как награда мне — Лесоша.

Лю-со-ша. Каков милое имя! Сколько в нем сокровенно-древнего, щемяще русского. Да что имя — какой дневной старик оказался! Ни калли высокомерия, ни дешевой чертовщины. Если б не он, то, как знать, прадеда моего, а значит, и меня, грешного, не было б на свете!

Вконец расчувствовавшись после наших разговоров, я отбил восторженную телеграмму жене, полагая, что она разделит мою вспыхнувшую любовь. Наавтра мне сухо телеграфировали: «Счень беспокоюсь твоим здоровьем не переутомляйся скоро приеду».

Ох уж этот прагматизм! Эти кровотокающие изломы эмансипации!.. Но тут я окоротил себя: а сам-то каков был еще недеден? Топа ли заслуге в собственном возрождении? Воробей сакакую свою причастность к тысячелетиям, такому впитываю житворные национальные флюиды — и никому ни слова, ни полумискала!..

Ну хорошо, задумался я, общеродную свое открытие, что тогда? Тотчас захлестнут газетчики, сперва одиночки, потом полчища; само собой, теле- и кинохроника; а там — легком праздных зевак и туристов; на их волне накатит скептический шквал историков и геронтологов, лингвистов и психологов, фольклористов... и прочая, и прочая. Затеребят, зещупают, задергают, заисследуют в доску простого советского лешего, походка вытоптав куцыа лески, где он застенчиво ютится.

И без того нависла над ним адская опасность! Городские власти решили протянуть через лес новую тепло-центрель, но самое страшное — там будет возведена гигантская транспортная развязка, которая якобы разгрузит перенасыщенные автотрассы. И хотя общественность слабо заропала — нам ли не знать казенного самоупраствя: под покровом ночи бросят на объект технику, армию штрейкбрехеров в спецваках — и пойдет дым коромыслом!..

Уязвленный темными предчувствиями, я спешил к Лесоше.

Опаленные заходящим солнцем, деревья, оловно тлали в тихом оранжевом пламени, смиренно роняя искры. Лесные закрайки корежила промасленные бульдозеры. Их хищный рык, извергаемый с низкими выхлопами, грубо подминал под себя жалкий древесный треск...

Я кинулся в лесные укромя. «Все конечно! Вот и добрались!» Лес сиротливо сквозил зияющими глубинами. По дороге часто попадались грибки. Напропалую треща валенником, они плотоядно потрошили почву, часто пере-кликаясь. Ох уж мне эта тихая охота!

Лесошу я отыскал в овражном закутке. Сгорбась сидел он за чахой порослью болголовы, и был не один: на плече его громоздилась матерая сорока, на коленях копошился еж, а чуть поодаль, в ворохе шумной листвы, кормилась белка. Увидав меня, сорока исположенно затрепала было, но Лесовик шепнул ей что-то — и та успокоилась. Зато белка стремительно взвилась на ближайшую сосну и угрожающе зацокала.

— И-эх, всеерича! Легка, неже неразумна еси, — беззлобно выговаривал ей Лесоша, когда я, оглядываясь по сторонам, приближался к нему.

— В добром ли здравии, детиш? — с грустной улыбкой повернулся он ко мне, отчего сорока на его плече качнулась, хвост ее изумрудно вспыхнул...

— Вот, жалую: запропал мклостник-от, разнадужился, паче осерчал! — засветил глазами Лесоша, бережно опуская ежа. Тот на миг свернулся, да спохватился и, потыкивая вертким носиком, деловито побежал, молькая кривыми ножками...

— И-эх, детиш! — вздохнул Лесоша. — Заосенило, пра, заосенило! Грядет сон великий, грядет...

Чем я мог утешить его? Скоро придется Лесоше разгонять лсную живность, скоро — ох, скоро! — хорониться в сырой подземной темени и прятаться аж до ядерной весны... А там — где пробуждаться? Под цепким асфальтом?

Элегически сидели мы в янтарном закатном свете и молча, породненные осенними думами; где-то монотонно рокотал гигантский город, а тут, в сыром и душном от пагубного оврага, обволакивала дремотная тишина, смиренно утиляла землю потухшая листва и где-то совсем рядом жалобно посвистывал снегирь.

Нежонец-то решившись, я сбивчиво рассказал о тревожных воях, а там числе о строительных планах городских властей.

— Потонку разумеваешь, потонку, — вздохнул Лесоша. — Эх-хо-хо, под урез иду! — И глаза его затуманились.

В это время издали, поминутно матерая, раскатило надвинулся на нас страшный грохот. И вот через минуту, обрушивая на головы сатанинские децибелы, над воршинами пронесся вертолет. Лесоша сжался к комок, а когда шум откатил и перестала дрожать земля, старикон вскочил на ноги и неистово затряс кулачком:

— Тыфу! Малаяш!.. Разрази!..

Сорока истошно верещала, пенически вертя глазами. Лесоша вскинул ее вверх и со вздохом прогалился сквозь землю.

И повлеклись дождливые осенние дни. Голый, костистый лес уныло чернел, его словно бы победно попырало тяжелое серое небо, истекавшее бесконечной морской.

Каждый вечер приходил я к заветному оврагу и, ежась от вездичной мокроты, все звал и звал Лесошу. Не ошпаренном стылостью дубу почти слышнее скрежетала сорока (уж не та ли сажая?), дремотно долбило догнивающую листву студеное ненастье — и молчал, все молчал Лесоша...

Наседал гнилотный сумрак. Я вздыхал и подавленно уходил мимо аспидных стволов, почвакивая черной грязью. А на завтра все повторялось.

И не было исхода моему тягостному сиротству. Умелк милостивец Лесоша, умолк. И кто знает, до следующей ли весны — или навсегда!..

Но нет, не навсегда!

В понедельник, когда ненастье истошилось и ударил ядреный утренник, я бездумно постоил над оврагом и уже собрался было уходить, как вдруг прижавшим инеем травы зашлохались, илесто заблестали в низких лучах, такие почти развзрзлись — и из аспидного зела медленно выплыла лохматая Лесошина голова, затем сутулые плечи, смиренно сложенные руки... Через мгновение Лесоша сидел на заиндевевшей кошке и глядел на меня.

Боже, как он сдал! Заросший лик почернел, щеки круто запали, а глаза уже не полыхали неистово — только глуховато отдавали блекло-болотным светом.

— Здравстуйте! Что с вами случилось? — кинулся я к старику.

— Благодарствуй, детиш, — слабо молвил Лесоша. — Огневица язвит, размурзав тя. Туга велия гнетет, рамена отягчают...

— Да я расшибусь, а лекарста раздобуду!

— Э-хо-хо, детиш, — мучительно усмехнулся дед. —

Насть зелей от изветов, воистину реку, воистину. На одре гасну, и смурно есть гаснице сне... — заключил он, уронив главу на грудь.

Я не мог глаз отвести от его тощей, немощной шеи, и такая жалость резанула по сердцу, что я, чуть не плача, принялся обнимать Лесошу, бессвязно утешая.

Старик с трудом поднял голову и, томительно глянув на меня, тихо спросил:

— Аз есмь твой пестун, так ли реку?

Я торопливо кивнул.

— Наследоват мне дашь ли согласие?

Я пожал плечами. На что мне какое-то там наследство без Лесоши!

— Ты жив будешь — я жив буду. И леса-рамена отстоим. Я-то на исходе сил. Ты — горяч, могуч, вельми! Вместе-то мы... Новая поросль взойдет-воспрянет, новый лесовик глазом поведет, из-за елки глянет, злодею путь завяжет, доброго человека чащобой оборонит...

Я еще ничего не понимал. Но это его «вместе-то мы...» заворожило меня. Все, что грело душу — родное, исконное, стародавнее! — заставило протянуть ему руку.

— Заветен ты чадом моим! — возгласил Лесоша и, возложив на меня дрожащую десницу, хрипло заворожил: — Гей вы, силы подземны, крепи уремыи, тели овражны, росные бражны! Аз, веший Лесун, зам чадо носу!

И мы прозалились под землей... Бечная, мрачная низь и темени, и всюду корни, корни, корни. Черные, могучие — деревья; пронзительно-белесые — разнотравья; и все заместо вьются, тянутся к худосочным водам и сосут, сосут. Среди них копошится подземная живность: тягучие красно-лиловые черви, чуткие уральни-кроты, молнийно-серые мыши и разнотравная мелочь-мокреть... На паче-каея и не ощущая тесноты, проваливались мы все глубже и глубже. В фосфорическом свете Лесошиных глаз уплывали вверх черные корни, черви, личинки, и казалось: я навсегда утопаю в подземной бездне, но чудо — страхе не было, и пьянило душу неведомое успокоение. Вдруг среди кромоющего корнесплетения замерцала, слабо замаячила даярь, Лесоша шепнул — и она со скрипом отворилась. Мы: аплыли в душную пещеру, на топчан, застеленный сухой травой.

— Хладная домовина моя, — хрипло пояснил Лесоша, устранившись на топчане. Я прикорнул рядом.

Посидел, прислушиваясь — но не к тишине воссе! Мы внимали широкому гулу земли. Слабый, полувостенный поначалу, он постепенно обрел особую объемность. Лесошина рука легла мне на тая... Минилось, подземье затрепетало, обволакивая меня. Вдруг почудилось, что не его, а моя собственная рука лежит на моей голове. И помимо укромного животного копошения, кроме тонкого посасывания корневого, хлынули а меня долгие аздох травы и верховое сопение стволов, вскрики бьющихся веток и жалобные всхлипы листопада. И еще услышал я чьи-то тяжкие и осторожные шаги, потом дружно, более резкие и торопливые, а затем всеохватно накатил городской гул, поющий в лед с гулом леса...

Что было потом, не могу вспомнить. Почуял только, как пронзительный жар ударил в сердце, словно проросли сквозь него все разом деревья и травы.

...

Из газеты: «Тихо-орская правда»:

«Милиция просит помчть»:

«...10 октября сего года вышел из дому к не вернулся Иван Александрович Шибаев, 1948 года рождения, техник РСУ № 24. Приматы: рост высокий, глаза серо-зеленые, волосы светло-русые, лицо правильное. Одет был в серую куртку из ткани «болонья», серые брюки и серые полуботинки. Последний раз его видели на пути к роще, прилегающей к Западному микрорайону. Всех, кто знает что-либо о местонахождении И. А. Шибаева, просят сообщить по телефонам...»

«Пронсшествия»:

«Несколько дней назад в одну из немногочисленных городских рощ, именно примыкающую к Западному микрорайону, была доставлена строительная техника. Роща подлежала уничтожению, на ее месте планировалось соорудить дорожную развязку. Однако вчера рабочие сами, не только без наказа начальства, но и без признаков «партии зеленых», как известно, зарегистрированной в нашем городе, вывели из рощи всю технику, нестрет отказавшись возвращаться к месту работ. По их словам,

изгнала их из леса «сила нечистая», на сей раз имеющая облик не «заурядного» инопланетянина, а человека высокого роста (впрочем, сведения о росте незнакомца расходятся, некоторые говорили, что он крошечный, размером с чахлый кустик), зеленоглазого, с буйными зелеными кудрями, который то появлялся из-за по-весеннему (это в октябре-то!) буйно распустившихся деревьев, то проваливался сквозь землю...

Константин МЗАРЕУЛОВ

ЗВЕЗДНЫЙ НАЕЗДНИК

1

— Заходи, не бойся...

С этими словами Синеусов толкнул в кабинет высокого черноволосого парня. Тот робко поздоровался, затем-то посмотрел по сторонам и осторожно присел на краешек стула. Ободравшее улыбку, Чернышев промолвил:

— Рад буду выслушать ваш рассказ.

Быстро выкладывая все, что знаешь, — сделал нарочито зверское лицо, добавил доцент. — И ежели чего упустишь — завтра же завалю на экзамене.

От столь воодушевляющей перспективы непривычный к синеусовским шуточкам юноша вовсе сконфузился. Его состояние можно было понять: третьекурсник впервые в жизни попал на прием к академику. «Крепко все-таки засело в нас кинопочитание», — меланхолично подумал Чернышев. По странной ассоциации вспомнились позавчерашние испытания «Самума» на Пятом полигоне — тогда он невольно обратил внимание, как скованно держались в присутствии маршала Михайличенко старшие офицеры и даже некоторые генералы...

Между тем молодой человек, переборов кое-как волнение, вытащил из внутреннего кармана курточки распечатанный почтовый конверт и пробормотал:

— Вот она, эта фотография. Я написал домой, и мама нашла и прислала ее. Вчера получил.

Недели две или три назад Рюрик Синеусов, правая рука и одновременно — непримиримый оппонент Чернышева, сообщил шефу, что один из его студентов, бакинec Руслан Джаббаров, рассказал интереснейшую историю. По словам студента, в начале пятидесятых годов его мать будто бы наблюдала и даже сфотографировала группу светящихся объектов, пролетающих в районе столицы Азербайджана. И вот теперь Аркадий Матвеевич держал в руках ту самую фотографию, в существовании которой он до последнего момента был, признаться, не уверен.

На пожелтевшей от времени неглянцовой карточке были довольно четко видны четыре ярких овала, висевших над вытянувшимся вдоль берега бухты городом. Машинально — сказывался многолетний опыт — Чернышев отмечал: небо полностью затянуто облаками, солнца не видно, снимок — удовлетворительного качества, черно-белый, на переднем плане просматриваются отдельные строения. Съемка производилась, судя по всему, с возвышенности, в светлое время дня, хотя и при пасмурной погоде. На обратной стороне фотографии простым карандашом проставлена дата: 30 сентября 1951 года.

Он выдвинул ящик стола и достал лупу. Восьмикратное увеличение выделило детали: три объекта напоминали формой слегка вытянутые диски, последний же имел в середине полусферический нарост. Согласно полуофициальной классификации — типы Е-1 и Е-2, хорошо известные специалистам по многочисленным описаниям.

Отложив лупу, Чернышев задумчиво повертел фотографию, потрогал ногтем взлохмаченные края. Студент взирал на его манипуляции с почтительным вниманием.

— Как вы полагаете, Руслан, — осторожно начал Аркадий Матвеевич, — не могла ваша матушка сохранить негатив?

— Сохранила, наверное, — перенёс неуверенно передернул плечами. — У нас дома есть шкаф, где лежат все проявленные пленки, я видел там очень старые, даже те, которые дедушка на фронте снимал...

— Любопытно было бы посмотреть, — сказал акаде-

мик. — Вы уж простите нас, но мы должны иметь гарантию, что попадающие к нам материалы — не фальшивки. К сожалению, есть любители... как бы помягче выразиться... В общем, попадались нам уже мастера фотомонтажа.

— Понимаю, конечно, о чем речь, — смущенно улыбнулся Руслан.

А случай и впрямь был интересный. Возглавляемая академиком Чернышевым комиссия Академии наук занималась сбором, анализом и систематизацией данных обо всех фактах наблюдения аномальных атмосферных явлений над территорией Советского Союза. К сожалению, основной массив имеющийся в распоряжении ученых информации относился к событиям шестидесятых-восьмидесятых годов, ибо до того всевозможные НЛО, то есть неопознанные летающие объекты (от английской аббревиатуры этого термина — УФО произошло название науки — «уфология»), равно как и многие другие аномальные явления, считались в Союзе своего рода антинаучными мифами, а потому сообщения о них нигде, или почти нигде, не регистрировались. И вдруг такая удача — сведения сорокалетней давности!

Предвосхищая желание академика, Синеусов заметил, что неплохо бы проверить этот инцидент по компьютерной картотеке. Чернышев благосклонно махнул головой. Рюрик присел к дисплею и привычно опустил пальцы на клавиатуру.

В базу данных «Аномалия», с которой сейчас работал Синеусов, заносилась информация о самых различных происшествиях в атмосфере. При помощи этой поисковой системы сотрудникам комиссии не раз удавалось в кратчайшие сроки соотнести наиболее сенсационные известия о так называемых НЛО с теми или иными событиями или явлениями сугубо земного происхождения, как-то: запуски баллистических ракет или космических аппаратов, метеорологические изменения, катастрофы самолетов и так далее. После тестирования на «АНОМАЛИИ» необъясненными оставались не более пяти процентов наблюдений.

Система работала быстро. Не прошло и минуты, как на экране засветились зеленоватые строчки. Компьютер сообщал, что в конце сентября — начале октября того года происходило много всякого: тайфуны на Тихом океане, грозы над Центральной Сибирью, атомный взрыв в одном из советских полигонов, авария пассажирского авиалайнера в районе индо-пакистанской границы...

— Откуда информация о взрыве? — непроизвольно осведомился Чернышев. — Нисколько я знаю, а те времена о подобных событиях не принято было сообщать.

Синеусов нажал еще несколько клавиш и, прочитав на экране ответ, сказал:

— В книге Генри Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика», выпущенной нью-йоркским издательством в пятьдесят седьмом году, говорится: «Третьего октября тысяча девятьсот пятьдесят первого года правительство США объявило, что Советами произведен второй атомный взрыв». — Добавил от себя: — Первую бомбу наши взорвали, кажется, в сорок девятом.

Аркадий Матвеевич побарабанил кончиками пальцев по столу и печально констатировал, что информации о событиях того интереснейшего во всех отношениях периода содержится в базе данных явно недостаточно, а потому, стало быть, кое-кому нужно будет посидеть в библиотеках, дабы просмотреть подшивки старых газет и журналов — как отечественных, так и зарубежных.

— Может, я пойду? — стеснительно спросил студент.

— Погоди, не видишь разве — шеф еще не решил, что с тобой дальше делать, — хохотнул Синеусов. — Боюсь, нельзя тебя живым отпускать — слишком много знаешь.

Не обращая внимания на его иронию, Чернышев продолжал размышлять вслух:

— Американцы в те годы регистрировали наши атомные испытания по увеличению радиоактивности на больших высотах — бомбы-то сбрасывали на поверхность, так что выброс всякий изотопной дряни был солидный...

Про первый взрыв они узнали с опозданием на три или четыре дня — видимо, только тогда радиоактивное облако донеслось до мест, где летали их самолеты-разведчики. В таком случае, можно предположить, что вторая бомба, о которой сообщили третьего октября, в действительности была взорвана в последних числах сентября. По времени как будто это совпадает с «бакинским феноменом». Только вот связаны ли каким-нибудь образом эти два события?..

Он подвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер собственной квартиры. Сын, как и следовало ожидать, оказался дома и, не жалея усилий, готовился успешно завершить сессию. Во всяком случае, музыка гремела во всю.

— Сделай доброе дело, — попросил Аркадий Матвеевич. — У меня в кабинете на стеллаже, что поближе к окну, лежит книга — «Ядерная гидрофизика», зелененькая такая. Достань ее и принеси к телефону.

Сын ворчливо забубнил, дескать, отрывают его от особо важных дел, однако на поиски книги все же отправился и минут через пять радостно доложил, что нашел.

— Где-то в самом начале должна быть, помнится, таблица данных об ядерных взрывах, — сказал Чернышев-старший.

— Есть такая, — сообщил спустя еще минуту наследник, в голосе которого явственно зазвучали нотки заинтересованности.

— Что там говорится о сентябрьском или октябрьском взрывах пятьдесят первого года?

— Мощности — от пяти сотых до одной десятой мегатонны, широты — умеренные, больше ничего не написано... Следующий взрыв был произведен в тех же широтах в декабре того же года. Мощности — такая же.

— Спасибо. Можешь продолжать заниматься своими важными делами.

— А в чем дело-то? — полюбопытствовал сын. — Неужели там бабахнул мотор андромедянского звездолета?

Аркадий Матвеевич усмехнулся и, не отвечая, дал отбой. Затем, подумав немного, заметил, что погода в тот день была, насколько можно судить по снимку, прозовет и, следовательно, не исключено, что это — шаровые молнии. Синеусов в ответ иронически хмыкнул: он, разумеется, полагал; что сомнений быть не может — корабли пришельцев, и все тут!

— Разберемся, — бодро сказал Чернышев, не желавший вступать в дискуссию. — А не слетать ли нам в Баку за дополнительной информацией? У молодого человека, как я понимаю, скоро каникулы начинаются.

— Завтра как раз последний экзамен, — кивнул Руслан.

— Ну, значит, ждите гостей, — резюмировал академик и ухмыльнулся. — Как вам жимется? Рюрик Аскольдович, небось, здорово мучает бедных студентов?

— Нет, что вы! — парень явно принял шутку слишком уж всерьез.

— Ты честно говори, не бойся, — разрешил Синеусов. — Вот только не забывай, кто у тебя завтра будет принимать общую астрофизику...

Неожиданно он астрепнулся и, резко повернувшись всем корпусом к смутившемуся студенту, спросил:

— Слушай, Руслан, город Лерик — у вас в Азербайджане, если я не ошибаюсь?

— Лерик? — Бакинец недоуменно поднял брови.

— А, наверное, Лерик, ударение на последний слог падает, да?

— Да... районный центр в Талышских горах, на самом юге республики... — Юноша не понимал, чего от него ждут, и поэтому спешил сообщить все, что знал. — Красивые места... Между прочим, этот район славится долгожителями — там десятки людей, которым сто двадцать, сто сорок, даже сто шестьдесят лет...

Когда за юным посетителем закрылась дверь, Синеусов вытащил из портфеля и протянул шефу сложенный вчетверо листок. Отпечатанный на компьютерном принтере текст гласил, что за последние четверо суток скорость «Объекта Зета» выросла почти на сорок километров в секунду. Рюрик выжидательно смотрел на академика, но тот хранил мрачное молчание. Тогда Синеусов осторожно заметил, мол, еще не поздно договориться в Центре Управления Полетами, чтобы перевести одну из межпланетных станций на траекторию сближения.

— Бесполезно, — проворчал Чернышев. — Не буду я никому звонить.

Как это порой с ним случалось, Рюрик завелся с полуоборота:

— Чего вы боитесь?! Что над вами будут смеяться? Да поймите, наконец, что никакая репутация не стоит сотой доли того открытия, которое мы можем сейчас упустить из-за вашей нерешительности! Вот если мы промолчим, не забьем тревогу — вот тогда рискуем оказаться всеобщим посмешищем, ибо нельзя же, в самом деле, писать в наших высоконаучных статьях: «Такой-то объект, аномально пролетевший с ускорением через Солнечную систему, был, по всей вероятности, кометой нового типа...» Комета с гравитационным двигателем — курам на смех! Не слишком ли много развелось «необычных» комет? Какая-то шука маневрирует, а затем взрывается над Подкаменной Тунгуской — комета, «Объект Зета» — комета... Смелее, учитель, надо решаться...

Аркадий Матвеевич чуть было не лишился прославленной своей невозмутимости, однако быстро взял себя в руки.

— Побереги нервы, — академик слегка повысил голос. — И постарайся уразуметь: мы бессильны что-либо предпринять. Если «Зета» будет и дальше разгоняться с таким ускорением — пусть небольшим, но постоянным — «Венерам» нашим тихоходным его не настигнуть.

Следовало отдать ему должное — признать свою неправоту Рюрик умел.

— Тоже верно... Какая жалость! Эх, когда еще такой случай подвернется!..

— Не сыпь соль на рану!

Чернышев поднялся и подошел к окну. Засыпанный толстым слоем снега — только редкие цепочки следов на белом полотне — двор института был пуст и наведал тоску. Вдохнув, Аркадий Матвеевич снова повернулся к доценту.

— В данный момент меня больше всего интересует история с этой бакинской фотографией, — сказал он задумчиво. Неужели Уолтер прав?..

2

С Уолтером Вандерлааном, издателем одного из ведущих уфологических журналов, Чернышев на протяжении многих лет был знаком лишь заочно — читал его многочисленные книги, статьи, интервью. Встретились же они впервые в позапрошлом году на монреальском конгрессе уфологов, куда съехались со всего мира энтузиасты изучения аномальных явлений.

Первые несколько дней с трибуны звучали выдержанные в шаблонном стиле сообщения. Несмотря на красочность иллюстративного материала, общее впечатление конгресс производил довольно убогое. Удручало однообразное перечисление совершенно одинаковых встреч с «летающими блюдцами» в различных концах земного шара. Блюдца те почему-то упорно сторонились больших городов, опускались большей частью темными ночками на большую дорогу, глушили таинственным образом автомобильные моторы, и при этом так и норовили похитить добропорядочных налогоплательщиков — преимущественно мужского полу. Равнодушие, проявляемое пришельцами к представительницам прекрасной половины человечества, вызывало ряд весьма нелепых предположений относительно инопланетной физиологии...

Один из «похищенных» выступал непосредственно перед докладом Вандерлаана. По его словам, дело было так: ехал в сумерках по шоссе, глядя — в кустах стоит летающая посудина. Двигатель у машины, само собой, не медля вырубился, а бравадный водитель, точно под гипнозом, ползл неизвестно зачем в корабль «веземных» хулиганов. Корабль этот, он же «блюдце», тут же взлетел и через считанные минуты очутился в неведомом мире. Тот мир населяли, оказывается, странноватые существа, внешне напоминавшие людей, однако имевшие по три глаза, два носа, голубоватую кожу и телелатическую антенну в виде парочки небольших рожек. Гуманоиды доложили похищенному ими бедолаге, что уже третье тысячелетие наблюдают они за планетой Земля вообще и за обитающим на оной планете человечеством в частности. По мнению высокоразумных инопланетян, люди явно не оправдывают возлагавшихся на них надежд, а потому должны крепко подумать о невеселых перспективах ближайшего своего будущего, ну и так далее. Затем голубоватые гуманоиды честно вернули землянина на то же самое место, откуда забирали.

Концовка сообщения потонула в сплошном потоке на-

смешек: тертые уфологи без труда обнаружили грубейшие логические противоречия чуть ли не в каждой фразе.

Вполне естественно, что подобная клоунада настроила аудиторию на веселый лад, поэтому появление у микрофона Уолтера не прекратило волну смешочков. Терпеливо дождавшись, пока почтеннейшая публика угомонится, Вандерлаан задал:

— Все выступавшие до сих пор упрямо ограничивались вопросом о присутствии неопознанных аномальных объектов в окрестностях Земли. Спрашивается, почему никого не волнует, наблюдались ли подобные феномены на других планетах Солнечной Системы?

Впрочем, он постеснялся заверить, что вопрос его следует, несомненно, отнести к разряду риторических, поскольку информация, собранная межпланетными космическими аппаратами, прежде чем стать доступной широкой общественности, проходит жесточайшую цензуру на уровне национальных исследовательских центров. Вот и те кадры, которые будут сейчас продемонстрированы, сказал Уолтер, были самым строгим образом засекречены высшим руководством американского космического агентства НАСА, однако он, Вандерлаан, благодаря содействию ряда сотрудников этого ведомства, сумел получить в свое распоряжение видеокассету с записью бесценного телерепортажа. Съёмка, уточнил он, проводилась на Марсе длиннофокусными камерами посадочного модуля «Викинг»...

Засветился установленный позади трибуны огромный экран. Пейзаж Чернышев узнал сразу — равнина Утопия. Красноватая плоская поверхность, усыпанная множеством остроугольных зашкваренных камней. В поле зрения попали также украшенная звездно-полосатым флагом часть корпуса станции, а также оканчивающаяся клешней лапа манипулятора. Клешня медленно ухватила один из лежащих поблизости камней и втянулась, скрывшись из виду.

Затем по бледно-фиолетовому небосклону промелькнула вереница ярких желто-белых пятен, которые промчались прямо над «Викингом». Убедившись в заинтересованности аудитории, Вандерлаан отмотал магнитную ленту немного назад, выбирая кадр, на котором объекты были видны наиболее отчетливо. Их было девять — диски с утолщением в центре.

Сенсационный доклад вызвал шквал вопросов. В основном всех интересовало, не подделка ли это — современная компьютерная графика позволяет монтировать и более убедительные телевизионные картинки. Вместо ответа Уолтер назвал шифр архивного фонда, в котором хранится оригинал записи переданной с борта «Викинга» видеoinформации.

После вечернего заседания Аркадий Матвеевич подошел к Вандерлаану, окруженному бурно жестикулирующими коллегами-уфологами. Когда представился, Уолтер, просияв, бесцеремонно отвернулся от собеседников и решительно заявил, что давно мечтал поговорить наедине с русским коллегой. Беседа их, начавшись там же, в холле, продолжалась на набережной, а завершилась только под утро в отделе, где жил Чернышев.

Сейчас, по прошествии изрядного времени, академик не мог восстановить в памяти, где именно было сказано главное, однако содержание услышанного в ту ночь помнил почти дословно.

Начал он тогда, кажется, с недоуменного вопроса. По его твердому убеждению, предшествоющие публикации Вандерлаана указывали, как будто, что тот полагает УФО не реальностью, но чем-то вроде мифа или, вернее, массовой галлюцинации. Однако сегодняшний доклад как будто противоречил такому пониманию. Аркадия Матвеевича интересовало, какова же истинная позиция почтенного издателя и исследователя.

Издав протяжный вздох, Уолтер ответил в том духе, что никто почему-то не желает правильно его понять. Прежде, поведал Вандерлаан, он был искренне уверен в инопланетном происхождении «летающих блюдца», однако с годами к этой убежденности примешалась добрая порция скепсиса, ибо слишком уж часто встречались ему неопровержимые доказательства бестыдных фальсификаций. И тогда он выбрал для себя амплуа «адаюката дьявола», сделав главной своей задачей разоблачение дешевых сенсаций, дабы отсечь все лишнее, сохраняя одни лишь бесспорные факты...

— Типичная легенда, например, — продолжал он, — повествует о том, как притаившееся в придорожных кустах «летающее блюдце» неким загадочным образом включает мотор проезжающего мимо автомобиля. Журна-

листы, естественно, утверждают: дескать, пришельцы проделывают этот трюк при посредстве интенсивного магнитного или электрического поля...

— Приходилось и мне слушать подобные безграмотные истолкования, — кивнул, посмеиваясь, Чернышев. — И про магнитное поле говорили, и про электричество. Но в любом случае все это, разумеется, типичнейший антинаучный бред...

— А как вы можете обосновать свою точку зрения? — заинтересованно спросил Уолтер.

И Чернышев объяснил, что поле с напряженностью, достаточной для остановки двигателя, а первую очередь должно было бы убивать на месте водителя, однако, согласно все тем же «типичным легендам», сидевшие в машинах люди оставались в живых и даже сохраняли память и трезвый рассудок. С другой стороны, металлический корпус автомобиля должен экранировать как магнитные, так и электрические силы. Таким образом, резюмировал Аркадий Матвеевич, никакое известное поле, действуя извне, не способно повлиять на работу мотора, не разрушая всей автомашины...

— Вполне убедительно, — согласился Вандерлаан.

В тот момент они, кажется, сменили тему беседы. Ночная улица вывела их к порту. Тогда Чернышев шутливо признался, какого рода нездоровые ассоциации вызывает у него имя святого, в честь которого названа протекающая через город река. Вандерлаан важливо поублажался, однако по достоинству остро не оценил — для иностранца она была, видать, слишком уж туманной. Некоторое время оба молча следили, как снуют по акватории юркие буксиры, потом остановили такси и поехали в отель.

Разговор возобновился, по существу, лишь к концу ужина, когда Уолтер рассказал, как ему удалось найти объяснение знаменитой таинственной истории с Кеннетом Арнольдом, сенсационное интервью которого фактически положило начало уфологической истерии, всколыхнувшей в конце сороковых годов весь мир.

А начиналось все так. В июне 1947 года средней руки американский бизнесмен Арнольд летел над штатом Вашингтон на небольшом собственном самолете. Неожиданно, в районе Каскадных гор, что на западе штата, пилот-любитель увидел неподалеку от своей машины девятку светящихся предметов с крыльшками, но без хвостового оперения. По словам Кена, «они так странно подпрыгивали в воздухе, как двигались бы блюдца, если пустить их по волне». Вернувшись на аэродром, Арнольд рассказал об этой необычной встрече корреспондентам, и тем же вечером сразу в нескольких провинциальных газетах появились броские заголовки относительно «летающих блюдца»... Потом, когда сообщения о происшествии с Арнольдом появились в советской прессе, переводчики почему-то превратили «блюдца» в «тарелки». Так и повелось с тех пор: на Западе НЛО называют «летающими блюдцами», а в Советском Союзе — «летающими тарелками».

— Я читал вашу статью, — заметил Чернышев. — Вы полагаете, что Арнольд видел новейшие реактивные истребители. Оригинальная гипотеза, но...

— Я почти доказал это! — гордо вскричал Вандерлаан. — Как раз начиная с февраля сорок шестого года фирма «Рипаблик» проводила испытания прототипа истребителя Ф-84 «Тандерстрик», а к лету сорок седьмого испытывался уже не прототип, а серийная машина.

— Простите, коллега, но я не поленился заглянуть в авиационный справочник, — возразил Аркадий Матвеевич, — и если мне при этом не изменило зрение, то смею вас уверить: «Тандерстрик» имел хвостовое оперение. И к тому же совершенно непонятно, почему истребители, если это, конечно, были истребители, показались Арнольду «светящимися».

— С последним вопросом все как раз ясно, — пренебрежительно отмахнулся Уолтер. — Лучи яркого летнего солнца сверкали, отражались от дюралевой обшивки, — вот вам и «эффект светящихся тел». Что же касается хвостового оперения... На Ф-84 стабилизаторы крепились не к корпусу, как у большинства самолетов предшествоющих поколений, а непосредственно к вертикальному килю. Поэтому, если смотреть с достаточно большого расстояния, вполне может создаться впечатление, что их нет вовсе.

— Можно принять как версию, — не слишком охотно согласился Чернышев. — Не стоит, однако, забывать, что именно в конце сороковых годов зафиксирован максимум — оговорился сразу: локальный максимум — наблюдений аномальных движущихся объектов. Кстати, к тому

же периоду относятся сообщения или слухи, называйте как хотите, о катастрофе инопланетного космолета в штате Нью-Мексико...

Заговорил он об этом не без тайного умысла. Его давно уже занимал вопрос о степени достоверности публикаций по поводу гибели неземного летательного аппарата в пустынном районе Соединенных Штатов. Среди обломков того — он не сомневался, что мифического — аппарата были, якобы, обнаружены хорошо сохранившиеся останки нескольких гуманоидных существ явно инопланетного происхождения. Вся эта история представлялась Чернышеву в высшей степени сомнительной, однако каких-либо убедительных доводов ни за, ни против у него не имелось.

Реакция Вандерлаана на его вопрос оказалась несколько неожиданной. Уолтер искоса глянул на академика, очень странно улыбнулся и с заметной толикой ехидности в голосе пробормотал, дескать, к тому же самому периоду относятся и сообщения относительно гибели инопланетного космолета в окрестностях советского города Лерик. Не оценив, естественно, в полной мере всю глубину вложенного в эту фразу сарказма, Аркадий Матвеевич простодушно подтвердил:

— Да, вы правы. Закавказские энтузиасты нашего дела неоднократно сообщали в нашу комиссию, что в районе упомянутого вами населенного пункта — не уверен только, что его можно назвать городом, — вскоре после войны упала «летающая тарелка». Признаюсь, в середине восьмидесятых годов мы даже обратились к местным властям, но нам ответили, что в самом Лерикском районе ни о чем подобном никто даже понятия не имеет. Вероятно, мы имеем дело с очередной легендой, которыми так богата наша с вами наука...

— Ну разумеется! — Вандерлаан издал короткий и, несомненно, в высшей степени язвительный смешок. — Вы дезинформировали нас, мы — вас. Не могу только сказать, кто преуспел больше!

— Простите, коллега, я вас плохо понимаю, — настаивался Чернышев. — Кто же все-таки кого дезинформировал и зачем? Кто эти таинственные «мы» и «вы»?

Подозрительно глянув на него, Уолтер осведомился, не скрывая недоверия:

— Вы настаиваете, профессор, что не в курсе подробностей этой давней истории?

Академик молча кивнул, нетерпеливо ожидая продолжения.

— Допустим, что так, — аполголоса проворчал Вандерлаан. — В таком случае слушайте...

Где-то в самом конце сталинской эпохи, поведал он, по различным каналам западных разведок стала просачиваться из Советской России весьма и весьма интригующая информация. Будто бы средства противовоздушной обороны Красной Армии подбили над Кавказскими горами чужой космический корабль, причем место его падения было немедленно блокировано войсками НКВД, а обломки этого аппарата поспешно вывезены в один из секретных научных центров, где создавались боевые самолеты и ракеты. В довольно-таки неблагоприятной попытке спровоцировать кремлевских вождей на выдачу дополнительных сведений об этом инциденте ЦРУ и сфабриковало данные о гибели UFO в пустынях штата Нью-Мексико. Авантюра эта, как и следовало ожидать, провалилась: никакой новой информации из России, естественно, не поступило, но зато публикация об упавшем в США «космолете» вызвала страшный ажиотаж на Западе, где еще свежи были воспоминания о происшествии с Кеннетом Арнольдом.

Чернышев заверил, что приложит все усилия, чтобы выяснить как можно больше подробностей о лерикском деле, хотя за результат ручаться, конечно, не может. Расстались они в тот день весьма довольные беседой и друг другом и в дальнейшем поддерживали вполне приятельские отношения.

...И вот теперь, спустя почти два года после их встречи, история с гипотетическими НЛО над Закавказьем возникла вновь, причем подтвержденная таким весомым доводом, как фотография.

3

— Во-первых, Уолтер мог искренне ошибиться, — заметил Синеусов. — Во-вторых, у нас нет ни малейших оснований полагать, что этот квартал над Баку и та лерикская легенда каким-то образом связаны между собой.

— Также правильно... — Аркадий Матвеевич рассеянно

покивал головой. — Ладно! Ближайшая твоя задача — заказать два билета на самолет. Первого февраля мы должны быть в Баку, пятого — возвращаемся в Москву.

Когда Рюрик ушел, академик после непродолжительного раздумья позвонил по телефону.

— Редакция? Виктора Семеновича, если можно.

Стаценко по праву считался одним из наиболее эрудированных научных обозревателей в стране и к тому же имел весьма ценное в нынешней ситуации хобби — он был специалистом по вопросам внутренней политики позднего сталинского периода.

Мембрана донесла хрипловатый голос журналиста:

— Слушаю.

— Здравствуйте, Виктор Семенович, вас Чернышев беспокоит, из комиссии по аномальным явлениям. Не забыли часом?

— Конечно, конечно, — заторопился Стаценко. — Разумеется, не забыл... Всегда рад вас слышать. Чем могу служить?

— Меня интересуют, — сказал Аркадий Матвеевич немного сконфуженно, — ваши соображения по вот какому моменту... Как прореагировало бы сталинское руководство, если бы в разгар «холодной войны» на территорию Советского Союза упал космический корабль внеземной цивилизации?

— Хороший вопрос, сочный, — одобрительно прогудел Стаценко. — Треба помозговаты... Скорее всего, засекретили бы к чертовой бабушке всю информацию и одновременно приступили бы к тщательнейшему исследованию конструкции аппарата. Само собой, в газетах развернулось бы активная кампания по разоблачению буржуазной прессы, которая-де распускает в погоне за сенсациями заведомо ложные измышления про всякие там «летающие тарелочки»... Что, кстати, и произошло... М-да, забавно... — он умолк, затем добавил: — Если память мне не изменяет, как раз в те годы у нас была создана группа по изучению подобного рода феноменов.

— Боюсь, дружище, что память вам на этот раз все-таки изменила, — усмехнулся академик. — Если бы такая группа действительно существовала, я бы об этом обязательно знал.

— Память — не жена, изменять не может, — строго возразил Виктор Семенович. — Раз я вам говорю, что группа была — значит, была, можете не сомневаться. Если позволите, я еще раз проверю по своей картотеке и через час-полтора можем встретиться.

...Точно в назначенное время чернышевский «жигуль-десятка» притормозил возле кафе «Арктика». Слегка припорошенный снежком, Стаценко стоял, прижавшись плечом к стенке, и, помахивая пузатым портфелем, насмешливо поглядывал на покорно мерзнувшую в длинной очереди молодежи. Приоткрыл дверцу, Аркадий Матвеевич махнул ему рукой, и обозреватель неторопливо забрался в машину.

— Надо было поспорить с вами на ящик коньяка, — шутилово сказал журналист после обмена рукопожатиями. Группа по изучению ваших любимых «тарелок» функционировала с пятьдесят первого по пятьдесят пятый год.

Первая из названных дат подозрительно совпала с годом «бакинского феномена», однако Чернышев имел обыкновение не принимать чего бы то ни было на веру, не убедившись в безупречной достоверности полученной информации. Поэтому он просто повторил, что ни один академический институт до середины шестидесятых годов данной проблемой не занимался.

— Тут я с вами спорить не буду, — охотно согласился Виктор Семенович. — Но вы почему-то упускаете из виду некое важное обстоятельство. Дело в том, что в те времена существовала широчайшая сеть так называемых «шарашек», то есть специальных научно-конструкторских подразделений, в которых работали заключенные и которым обычно поручалось выполнение особо секретных заданий и программ. Причем подчинялись они учреждениям, к нашему сведению, отнюдь не Академии наук, но — куда более компетентному ведомству.

— Понятно, — буркнул Чернышев. — Эх, добраться бы до архива той группы...

Сделавшись необычайно серьезным, журналист поведал, что проверкой информации о НЛО занимались преимущественно сотрудники госбезопасности, которым удалось в кратчайшие сроки собрать множество свидетельств о наблюдении светящихся летающих предметов по всей территории Советского Союза и Российской Империи за период с тысячи восьмисот восьмидесятого года по тысячу девятьсот пятидесятый...

— Множество! За те годы!.. — удивился академик. — Где же они сейчас, эти материалы?

— Вопрос, простите, не по адресу. Ищите да обращайтесь, — Стаценко заулыбался и снова посерьезнел. — Слушайте дальше: в году приблизительно, как я уже докладывал, пятьдесят первым на Лубянке сформировали спецподразделение, возглавляемое известным в те времена изобретателем Львом Терменом, который отбывал очередной десятилетний срок за какие-то мелкие прегрешения...

Термен? Фамилия показалась Чернышеву знакомой. Термен... Ах, ну да, конечно! Лев Термен — создатель первой в мире телевизионной системы. Человек, получивший, уже находясь в заключении, Сталинскую премию за разработку аппаратуры для прослушивания телефонных разговоров. Но почему, спрашивается, Берия поручил изучение «летающих тарелок» специалисту — пусть даже очень талантливому — в области радиоэлектроники?.. В чем тут разгадка?

Невольно возникла в мозгу крамольная мыслишка: потерпевший крушение в Лерике космический корабль был, несомненно, битком набит всевозможными электронными приборами и устройствами, так что для исследования этой техники понадобился, разумеется, инженер-электронщик высочайшей квалификации... Вздор! Никакой, даже самый гениальный инженер того времени не разобрался бы в интегральных схемах и печатных платах. Если принять эту версию, придется также предположить, что у «лерикских» пришельцев была электронная машина первого поколения — на лампах... Нет, конечно, вздор!

— Кстати, по имеющимся слухам, группа Термена занималась также проблемой внеземных цивилизаций в самом широком аспекте, — заметил Стаценко. — Не знаю только, насколько успешно...

Чернышев недоверчиво — не розыгрыш ли? — покосился на собеседника, но тот выглядел вполне серьезно!

— А вообще-то сложный был период... — задумчиво продолжал Виктор Семенович. — Да, архивы тех лет хранят массу интересного... Кстати, вы, наверно, знаете об этом, но я на всякий случай напомню: в пятьдесят втором году английская армия по приказу Черчилля также приступила к изучению феномена УФО. Не правда ли, оригинальное совпадение — почти в один год с группой Термена?

— Знаю я эту историю — англичане тогда создали специальную организацию, которая называлась, кажется, «Воздушный штаб номер три». И про совпадение это я уже думал — темное, скажу я вам, дело... — академик вздохнул.

Прощаясь, Виктор Семенович вдруг снова повернулся к академику и проговорил доверительным тоном:

— Только чур — когда разберетесь в этом «темном деле», первое интервью вы дадите мне!

— О чем речь, — Чернышев мрачно усмехнулся. — Лишь бы разобратесь!..

— Разберетесь, — ободряюще заверил его Стаценко. — Чтоб вы, да чтоб с моей помощью, да чтоб не разобрались... Быть такого не может!

4

— Уларитесь вы в своей дубленке, — посочувствовал Синеусов. — По телевизору утром передавали: в Баку — плюс пятнадцать, без осадков.

— У меня плащ в чемодане, — проворчал Аркадий Матвеевич. — Ты лучше поведай горячо любимому руководителю: как у тебя обстоят дела с докторской?

— Колбасой? — сразу поскуenne, безуспешно попытаться сострить Рюрик. — Вы же знаете, шеф, есть два самых неприятных на свете вопроса: «Когда ты женишься?» и «Когда у тебя защита диссертации?»

— Кстати, а женишься ты собираешься? — машинально спросил Чернышев, но, быстро спохватившись, грозно повысил голос: — Ты мне зубы не заговаривай! Чтобы к первому мая черновик лежал у меня на столе!

— Постарайся, — проворчал Синеусов, очень недовольный шефом. С докторской у него действительно была задержка, отталяли новые интересы.

Лайнер, разбежавшись, оторвался от домодедовской бетонки и, сделав полукруг над заснеженным Подмосковьем, устремился «с многого севера в сторону южную». Под стреловидными плоскостями уныло тянулись плотные темно-серые облака.

Чернышев оседеломился у своего спутника, где тот изолил пропадать весь вчерашний день.

— В Ленинке сидел, — Рюрик оживился. — Рад доложить, что информация насчет взрыва подтверждается на самом высоком по тем временам уровне.

— Каким образом?

— В «Правде» за шестое октября пятьдесят первого года было опубликовано интервью с... — он запнулся. — В общем, с неким государственным деятелем, имя которого в наши дни вроде бы и произносить неудобно, хотя сейчас его чуть ли не ежедневно по телевизору в разных видах показывают... Так вот, корреспондент спросил: «Что вы можете сказать по поводу недавнего испытания советского атомного оружия, о котором так сильно шумит сейчас буржуазная пресса?» Ответ был приблизительно таким: «Да, действительно, на днях мы испытали одну из моделей атомной бомбы, чтобы в случае необходимости встретить врага во всеоружье...»

Чернышев испытал странное чувство — всплывшие из недр памяти образы давно минувших годов щемили душу. Он вспомнил это знаменитое интервью. Будущий академик учился тогда на втором курсе и выступал в числе прочих на экстренно созванном комсомольском собрании факультета, где обсуждалось «суровое предостережение нашего горячо любимого вождя товарища Сталина», который напомнил поджигателям войны, что в надежных руках советских солдат имеются не только винтовки и автоматы, но и кое-что еще...

Вообще-то все это было, если задуматься, довольно странно: в те годы советское руководство отнюдь не спешило информировать общественность об испытаниях новейших систем вооружения. Осенью сорок девятого, когда американская воздушная разведка зафиксировала наш первый атомный взрыв, тогдашний министр иностранных дел Молотов (или это был уже Вышинский?) попытался даже опровергнуть ее сообщения, утверждая, будто бы то были крупномасштабные взрывные работы, не имеющие отношения к ядерной энергии. А тут Сталину вдруг вздумалось лично выступить буквально через несколько дней после эксперимента... К чему бы такая спешка?

— Наверняка этим испытаниям придавалось большое политическое значение, — подумал вслух Рюрик. — Международная обстановка и все такое... А с другой стороны, наверху смекнули, что американцы легко засекают наши взрывы, так что никакая секретность не поможет, лучше самим объявить.

— Похоже, что так оно и было, — неуверенно сказал академик, — хотя кто их знает... Еще чего узнал?

Самодовольно ухмыльнувшись, Синеусов поведал, что в «Красной звезде» — приблизительно через три недели после интересующей их даты — промелькнул короткий материал, набранный мелким шрифтом. В заметке говорилось, что военные летчики майор П. и старший лейтенант Л. сбили самолет-шпион одной из стран НАТО, нарушивший советскую воздушную границу в районе Каспийского моря.

После продолжительного раздумья Аркадий Матвеевич выдвинул собственную версию имевших место событий: натовский самолет пытался проникнуть к атомному полигону, истребители догнали его, немощно постреляли, и нарушитель упал в Талышских горах. Ну, а поскольку любя, пусть даже самая достоверная информация обрастает со временем — по закону «испорченного телефона» — массой красочных, но нелепых подробностей — то вот мы и получаем спустя несколько десятилетий миф о «летающей тарелке» в Лерике.

Задетый за живое, Синеусов немедленно возразил, что все могло происходить совсем наоборот. Например, так: внеземной космический аппарат, наблюдавший за испытанием бомбы — а ведь известно, что «аномальные» объекты проявляют повышенную активность, когда на Земле происходит что-либо «интересное» — был принят, естественно, за самолет потенциального противника и, что также естественно, подвергся нападению истребителей перехватчиков. Учтявая же, что в послевоенные годы всякие разговорчики в стране о внеземных цивилизациях считались, мягко говоря, дурным тоном, а то и чем похуже — в качестве официальной версии инцидента родилась газетная публикация о натовском самолете.

— И еще... — он ехидно подмигнул... — На том снимке, что лежит сейчас у вас в кармане, отчетливо видны четыре эллипсоида, но отнюдь не самолет.

— Ох, и любишь ты, братец, все оползать, — упрекнул Рюрика Чернышев. — Ты сначала докажи, что бакинская фотография, взрыв на атомном полигоне и предполагаемый феномен в Лерике хоть как-то связаны между собой и сбитым самолетом...

— Докажу! — упрямо мотнул головой Рюрик.

Насулившись, Синеусов излез из «кайса» солидных размеров том и углубился в чтение. Синеусов с Чернышевым сразу взяли такси и спустя каких-нибудь двадцать минут оказались возле гостиницы «Южная».

Едва они вошли в свой двухместный «люкс», Рюрик, не снимая пальто, позвонил Джаббаровым.

— Вахсей! Уже едете, да? — вскричал потрясенный внезапностью их прибытия Руслан. — Мама же меня пригласит, если вы появитесь раньше, чем она приготовит обед. Я вас очень прошу, хоть на пару часов задержитесь!..

— Значит, в четыре, — заключил доцент.

— Вот спасибо, — обрадовался юноша. — А я сейчас к вам приеду, город покажу...

— Не надо, мы как раз собирались прогуляться, — решительно отклонил его предложение Рюрик.

Положив трубку, он смущенно поглядел на Аркадия Матвеевича и сказал:

— Кажется, у них дома сейчас аврал...

— Восток, — Чернышев многозначительно развел руками. — Легендарное гостеприимство.

На улице завывал свирепый северный ветер, пробиравший даже сквозь толстую дубленную шкуру. Пока они шли по аллеям самого протяженного в стране, если не в мире, приморского бульвара, было произнесено много нахороших слов о нерадивых синоптиках, обещающих на сегодня теплую погоду. Синеусов даже выразился в том духе, что уфология — наука более точная, нежели метеорология, но при этом он отдавал себе отчет, что говорит не слишком искренне.

Прежде чем войти в подъезд нужного им дома, Чернышев озабоченно осведомился:

— Ты какую оценку влепил этому пацану?

— Отличную, конечно, — немножко даже обиженно ответил Рюрик. — Хороший парень. Толковый.

Во внутреннем дворике ветер почти не ощущался. Зато здесь клубился густой голубоватый дым. Руслан как раз подкуривал лежащие на мангале длинные шампуры с наанизанными кусками баранины и периодически брызгал водой на пытавшиеся разгореться угли.

— Проходите в дом, — сказал он, — второй этаж, прямо. Я сейчас...

Его родители встречали гостей аж на лестничной площадке. Мама — Вера Николаевна, заметно смущалась, что причинила людям столько беспокойства, и уверяла, что сама приехала бы в столицу весной, чтобы поведать сына, вот и зашла бы к Аркадию Матвеевичу... Папа же, Мурад Джамалович, оказался человеком компанейским и с ходу завел непринужденную беседу о бакинских достопримечательностях.

Только после обильного обеда и чая Вера Николаевна, прибрава со стола, положила на скатерть перед Чернышевым рулончик старой фотопленики.

— Вот то, что вы просили, — произнесла она со странной, словно бы виноватой, интонацией. — Это мои первые снимки...

Быстро проглядев негативы на свет, академик отыскал нужные кадры: в середине ленты шли подряд три панорамы города с темными пятнышками летящих над ними объектов. На остальных кадрах фотограф запечатлел для потомства группу очень юных людей, одетых в вынужденно спартанском послевоенном стиле — то были ученики старших классов на прогулке в парке.

Снова смотав пленку, Аркадий Матвеевич спросил, можно ли будет ненадолго одолжить ее для экспертизы. Джаббаров торопливо закивала, разрешив забирать хоть насовсем.

— Насовсем не нужно, — улыбнулся Чернышев. — Не могли бы вы подробно рассказать, как это случилось?

— Конечно, — она опять кивнула, — я готовилась к этому рассказу.

— В микрофон, пожалуйста, — попросил Рюрик, нажимая пусковую клавишу магнитофона.

— Лет, наверное, с десяти Вера мечтала о фотоаппарате. «Лейку», привезенную с фронта, папа ей не доверял, предпочитал снимать семью собственноручно. Девочка, однако, не сдавалась и в конце концов с боем вырвала у родителей твердое обещание: если она будет хорошо учиться, то на пятинадцатилетие ей подарят новенькую камеру.

И вот настал этот день, 27 сентября 1951 года, когда приглашенные на именины гости расселись за накрытым столом и отец торжественно вручил Верочке сверкающий никелированными деталями «Киев-3» — первый отече-

ственный аппарат со встроенным дальномером и экспонометром. Тут же среди девятиклассников родилась идея сфотографировать всей компанией (разумеется, без родителей) в Нагорном парке.

Как назло, следующие два дня беспрерывно лил сильнейший дождь, так что аппарат, который девочка каждое утро носила в школу, из портфеля не извлекался. Наконец, в ночь на воскресенье тридцатого сентября ливень прекратился, и к полудню Вера и ее друзья собрались в парк, разбитом на гребне господствующей над городом горки. Солнце словно в прятки играло — то показывалось из-за туч, то снова скрывалось, но они, воспользовавшись более-менее приличной погодой, успели сделать с дюжину снимков. Ребята собирались уже расходиться по домам, когда один из мальчишек вдруг воскликнул: «Смотри! Что это?!»

Невысоко над городом, приблизительно с севера на юг, двигались, по выражению Веры Николаевны, «сверкающие, как маленькие солнышки, четыре шарика». Машинально переключив объектив на «бесконечность», Вера нацелила аппарат на загадочные штуковины и несколько раз подряд спустила затвор. Вскоре «шарики» скрылись за горизонтом.

После этого подростки еще долго обсуждали непонятное происшествие. Кое-кто из мальчишек утверждал, будто это были секретные военные самолеты нового образца, и через месяц с небольшим, Седьмого ноября, их покажут на большом московском параде. Втайне школьники надеялись на возвращение тех красивых необычных «самолетов» и потому всячески оттягивали момент возвращения домой. Чтобы как-то скоротать время, сфотографировались еще несколько раз, благо облака почти полностью рассеялись.

Постепенно в парк появлялись новые посетители, заработали аттракционы. Прокатившись на каруселях и «чертовом колесе», подростки все-таки решили расходиться, когда в небе раздался грохот, и на большой высоте промелькнули два серебристых реактивных истребителя. На беду, фотоаппарат в тот момент был уже в футляре, и пока Вера его вытаскивала, самолетов и след простыл.

Домашние родители советовали ребятам поменьше распространяться об увиденном — взрослые полагали, что пресловутые «шарики» относились, несомненно, к разряду военных тайн, болтовня о которых чревата большими неприятностями...

— Очень интересно, — проговорил Синеусов. — Вы не вспомните, с какой скоростью они двигались?

— Быстро, — ответила, не задумываясь, Джаббарова. — Но не так быстро, как те истребители.

— Говорите, летели с севера на юг... — задумчиво повторил Аркадий Матвеевич. — Наверное, в городе об этом много говорили — слухи там всякие, пересуды...

Помолчав, Вера Николаевна не без сожаления ответила, что никаких разговоров на эту тему она не слышала ни тогда, ни позже. День выдался пасмурно-слякотный, так что людей на улицах было маловато.

Рюрик, проглядев еще раз негативы, бережно сложил рулон пленки в пластмассовую гильзу и спрятал в внутренний карман пиджака.

— Скажите, пожалуйста, Вера Николаевна, когда вы впервые услышали о «летающих тарелках»?

— Много позже, — она опять отвечала, не задумываясь. — Наверное, в шестидесятых годах, когда о них начала писать «Техника — молодежи» и другие популярные журналы... Однако я, признаюсь, никогда не связывала НЛО и те предметы, которые мне довелось увидеть тогда, в пятнадцатилетнем возрасте. Мне почему-то представлялось, что «тарелки» — это где-то далеко, в Америке, во Франции, еще где-нибудь, но что у нас в Баку ничего подобного быть не может...

— Потому что не может быть никогда, — вставил ее супруг, который явно не без труда хранил молчание на всем протяжении рассказа Веры Николаевны.

— Вот именно, — Джаббарова улыбнулась. — О чем же я?.. Да, прошлым летом, когда Русланчик приезжал на каникулы, мы искали зачем-то его детские карточки, вытаскивали все мои старые фотографии, и вдруг он говорит: «Мама, это типичная «летающая тарелка»!»

— Тогда последний, как мне кажется, вопрос, — сказал Чернышев. — Вы твердо уверены, что видели именно четыре раздельных объекта?

— А сколько же еще? — изумилась Вера Николаевна. — И на снимке тоже видно, что их было ровно четыре. Вы не сомневайтесь — я всех в кадр поймала.

— Ну, например... может быть, над городом пролетал

большой самолет, например, тяжелый бомбардировщик, а глаз и фотопленка зафиксировали только четыре ярких пятна — солнечные блики на разных частях его корпуса! Такие обманы зрения случаются сплошь и рядом, знаете ли.

— Нет, солнца не было, — уверенно ответила она. — Когда они появились, снова стало пасмурно, мы даже испугались, что опять заморосит.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Аркадий Матвеевич. — На игру света не похоже...

— А не вспомните, в котором часу пролетели эти объекты? — спросил Синеусов.

— Около полвторого или в два... — она помедлила, покачала головой. — Точно не скажу, боюсь соврать.

Обращаясь к Рюрику, Чернышев заметил, что, мол, по возвращении в столицу надо будет связаться с соответствующими органами. Если одна из этих штук, сказал он, действительно свалилась потом в Лерике, и место падения было оцеплено внутренними войсками — в каком-нибудь архиве должны сохраниться необходимые сведения.

— В Лерике? — удивленно переспросил Мурад Джамалович. — Причем тут Лерик?

Чернышев, не слишком веривший в эту версию, в шуточной форме пересказал хозяевам дома полученную от Уолтера информацию. Выслушав его, Джаббаров-старший подумал немного, после чего заметил:

— Вообще-то, вы знаете, очень даже возможно... Если они, миновав Баку, продолжали двигаться на юг — рано или поздно могли бы выйти к Талышу.

— Выясним, — melancholично проговорил Синеусов. — Вернемся, напомним запрос, через полгодика нам ответят, объяснят, куда нужно обращаться...

— Слушайте, зачем ждать полгода? — темпераментно вскричал Джаббаров-отец. — Ведь наверняка еще живы некоторые сотрудники министерства госбезопасности, которые выезжали на место происшествия. Легче их найти, да!

— И где же их искать? — скептически осведомился Рюрик. — Наверяд ли меня так просто пустят в отдел кадров вашего республиканского КГБ.

Явно удивляясь его неосведомленности, Мурад Джамалович сделал пренебрежительный жест и объяснил, что на Кавказе личные контакты действуют гораздо надежнее, нежели бумаги, пусть даже самые официальные и разукрашенные множеством подписей и печатей.

— У нас в профкоме работает один отставной офицер из органов, — сказал он. — Я его завтра же попрошу, чтобы он поговорил со своими бывшими сослуживцами... Вы когда выезжаете?

— В понедельник. Дневным рейсом.

— Запросто уложимся, — уверенно заявил Мурад Джамалович. — Или в субботу, или в воскресенье вы будете разговаривать с очевидцем.

Москвичи были настроены более пессимистично. Как выяснилось вскоре, они ошибались, поскольку недооценивали закавказскую специфику, а также пробные способности главы семейства Джаббаровых.

5

Утром Чернышев с Рюриком поднялись слишком рано, как это бывает в гостиницах. Чтобы убить время, Синеусов раскрыл книгу, что начал читать еще в самолете. Пригнувшись, Аркадий Матвеевич разглядел название: «Тайна Крыжопольской Гробницы»!

— Интересно небось? — азвительно осведомился академик.

— По крайней мере остроумно, — буркнул, не поднимая головы, Синеусов. И захлопнул книгу.

— Кстати, шеф, вам ничего не говорит такая фамилия — Ишханов? Если не ошибаюсь, Артур Ишханов.

Имя показалось Чернышеву знакомым, оно явно падалось ему на глаза. Он напряг память... Ну, конечно, «Прогностические этюды» — большая занятая статья в известном научно-популярном журнале.

— Совершенно верно, статья принадлежит Ишханову, — подтвердил Синеусов, — но дело не в этом. Главное, что Ишханов живет в Баку. Думаю, не мешало бы с ним связаться. Он — один из авторов «алгоритма открытий».

— И что же они открыли при помощи своего «алгоритма»? — усмехнулся Аркадий Матвеевич. — Впрочем, валяй, если хочется. Дело не вредное. Чем черт не шутит... Рюрик уже застегивал пальто.

— У тебя более серьезного чтения нет случайно? — осведомился академик.

— Не имею обыкновения возить в командировку всю свою библиотеку, — колодно отрезал Синеусов. — Рекомендую ознакомиться с «Крыжопольской Гробницей» — будете иметь массу удовольствия.

— Еще чего! — Чернышев очень правдоподобно изобразил на лице возмущенную гримасу. — Стану я тратить время на белиберду. Лучше уж задремлю.

— Ну, как знаете... Счастливо оставаться.

Едва захлопнулась дверь, Чернышев дважды повернул ключ в замке — не приедет господь, застукают почтенного ученого за чтением несерьезной книжонки — и достал из синеусовской тумбочки объемистый том в глянцевого обложке. Раскрыл книгу в том месте, где Рюрик оставил закладку, он прочитал:

«...Беспомощно растопыряв конечности, Прогос Асо полетел в полумрак узлища и пребольно ткнулся левым носом в едва присыпанный соломкой каменный пол. За спиной грянул грубый хохот, вослед за коим раздался омерзительный скрип петель закрываемой двери, затем лягнул засов.

Смачно поминая всех без исключения — добрых и злых — демонов известной ему части Метагалактики, незадачливый исследователь не без труда встал на четвереньки. Совсем рядом кто-то шумно зашевелился.

— Еще один, чай, попался? — констатировала темнота до странности знакомым голосом. — Ах, это ты, дружище... И рад бы порадоваться нашей встрече, да не могу.

Переключив третий темной глаз на инфракрасный диапазон, Прогос содрогнулся от неожиданности. В мрачном углу сырой камеры, прислонившись спиным гробнем к замызанной плесенью и нечистотами стенке, сидел, баюкая наспех перебинтованное зупальце, не кто иной, как Ломос Кла — младший штурман давней экспедиции, направленной к этой растреклятой планетке. Прогос подозревал самое худшее, но подсознательно пытался отогнать прочь правильный ответ.

— Где мы? — прощипал он еле слышно.

— А ты еще не раскумекал, бедняжка? — по-прежнему флагматично осведомился раненый штурман. — Так знай же, несчастный, что это — Крыжопольская Гробница. Да-да, мы угодили в самое страшное место Вселенной — место, где неизменно пропадают все летающие тарелки!

И Прогос Асо, негибавый Прогос Асо, который безбоязненно прошел плазму, черные дыры, антимиры и факультет современной музыки, внезапно почувствовал, что покрывается горячим потом...

— О, господи, какую аргунду люди пишут! — вздохнул Чернышев. — Неужели помощник у меня ненормальный, если читает подобную муть!

...В вестибюле гостиницы стояли телефоны. Рюрик позвонил в справочную и узнал номер нужного телефона.

Телефон долго не отвечал, потом детский голос сообщил, что папа на работе. На работе же ответили, что Артур вышел на минутку, так что будет, вероятнее всего, к вечеру, а вернее, завтра с утра. Вадюху, Рюрик справился у дежурного администратора, как добраться до республиканской библиотеки. Оказалось, что она «в двух шагах» от гостиницы.

Оформив себе разовый читательский билет, Синеусов заказал в зале периодики подшивку «Бакинского рабочего» за вторую половину 1951 года.

Ничего исключительного он в газетах того времени не обнаружил — сплошные сводки о ходе сельхозработ и дискуссия по поводу буриения без утяжелителя, в сути которой Синеусов не разобрался. Кое-что он все-таки выписал, особенно из тех материалов, где упоминался Лерикский район. Особенно заинтриговал его такой заголовок: «Лерикский район срывает план заготовки шерсти». Чувствовалось, что районному начальству после такой статьи пришлось несладко...

Следующей его целью был музей войск противовоздушной обороны при Доме офицеров. Прохожий, которого Рюрик, выйдя из библиотеки, спросил, как быстрее проехать к Дому офицеров, очень удивился.

— Зачем ехать, дорогой? В двух шагах отсюда. Идешь прямо по этой улице, а после вон того дома свернешь налево. Там сразу увидишь.

«Какой хороший город, — подумал Синеусов. — Все, что нужно — в двух шагах».

В музее Дома офицеров пожилой экскурсовод показал ему стенд, посвященный событиям — у Рюрика аж дыхание перехватило — 2 октября 1951 года. Фотокопия статьи из газеты Бакинского района ПВО «На страже», фотогра-

фия летчиков на фоне реактивных истребителей-перехватчиков, именной пистолет системы ТТ, принадлежавший майору Пластунову. В центре фанерного щита была приклеена фотокопия Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами Красного Знамени майора Пластунова Владимира Даниловича (посмертно) и старшего лейтенанта Лагутина Андрея Ивановича.

Информация была, в общем-то, скудной. Рюрик узнал, что в тот день самолет-шпион типа РБ-47 вторгся в воздушное пространство Советского Союза, а пилотируемые упомянутыми летчиками истребители атаковали бомбардировщик-разведчик, вследствие чего последний рухнул в море неподалеку от берега. Одна из фотографий изображала водолазов, извлекавших с каспийского дна пораженные обломки.

— При каких обстоятельствах погиб майор Пластунов? — спросил на всякий случай любознательный доцент.

— Увы, не в курсе, — экскурсовод виновато развел руками. — Среди наших материалов таких сведений нет, а сам я в то время служил в Приморье.

В гостиницу Рюрик вернулся в несколько подавленном состоянии.

— Как твоя прогулка? — спросил Чернышев.

— Средне... — сбросив пальто, Рюрик повалился на кровать. — Ежедневных сводок погоды наши газеты в те времена не печатали, однако мне попадались косвенные данные, что в конце сентября по республике прошли сильные дожди. Из-за плохой погоды даже срывались хлопкоуборочные работы в некоторых районах. Информация эта до какой-то степени коррелирует с рассказом Веры Николаевны.

— Хотя что-то, — по-прежнему индифферентно заметил академик. — На погляди, что мне принесли.

В группу по изучению аномальных явлений при Институте Космических исследований АН АзССР от Алиевой И. Н., научного сотрудника Азгосуниверситета им. С. М. Кирова

Заявление

Мой дядя по материнской линии Дамиров А. Г. (1904—1978) часто рассказывал в кругу семьи следующую историю, которая может иметь отношение к проблеме непознанных летающих объектов. Осенью 1951 года А. Г. Дамиров, работавший тогда старшим чабаном колхоза имени Буденного Лерикского района АзССР, находился с отарой на горном пастбище.

В один из дней, ближе к вечеру, он увидел на небе летевший немного пониже облаков предмет непонятного происхождения. По его словам, это был шар или диск, светившийся желтым светом, как электрическая лампочка. Этот предмет летел довольно медленно и совершенно беззвучно, как планер, и при этом постепенно снижался и вскоре скрылся за горой. Взрыва при падении, видимо, не было, потому что дядя утверждал, что не слышал никаких сильных звуков.

Примерно через час после наблюдения вышеуказанного предмета, оставив с отарой своего старшего сына, А. Дамиров поскакал на лошади в сторону, где, по его мнению, произошло падение. При въезде в лесное урочище Салах он был задержан патрулем пограничников. Офицер объяснил ему, что ведутся поиски опасного вооруженного преступника, поэтому все дороги временно перекрыты. До утра А. Г. Дамирова держали под охраной в палатке, там же находилось еще несколько задержанных. Потом с ними побеседовал офицер, после чего всех отпустили, взяв с них подписку о неразглашении.

Приблизительно через неделю, возвратившись на несколько дней на центральную усадьбу колхоза, мой дядя обсуждал случившееся с односельчанами. Все были твердо убеждены, что на прошлой неделе нашими самолетами был сбит самолет, который принадлежал иностранной державе и упал где-то в горах. Некоторые из колхозников утверждали также, что в те же дни в район приехала оперативная группа МВД или МГБ республики, которая арестовала много людей в соседних колхозах имени Жданова и «Утро Кавказа». В колхозе им. Буденного был арестован только зав. селпо — известный спекулянт. Колхозники были уверены, что эти аресты как-то связаны с иностранным самолетом.

Однако мой дядя А. Дамиров постоянно говорил, что предмет, который он видел, никак не мог быть самолетом, потому что он не имел крыльев и по форме тоже сильно отличался от всех самолетов.

После текста были проставлены от руки дата и подпись. Дата была прошлогодняя. Задумчиво повертев листки, Синеусов заметил:

— Как будто совпадает с рассказом Вандерлаана.

В знак согласия Чернышев молча склонил голову. Рюрик проговорил печальным голосом:

— А у меня, как назло, противоположная информация. Похоже, это был все-таки самолет-шпион, причем обломки его упали не в горах, а где-то в море.

Он подробно пересказал все, о чем узнал в музее ГВО. Затем, вздохнув, с горечью добавил:

— Попробуем поднять архивы, что ли... На них последняя надежда.

Пожав плечами, Аркадий Матвеевич сказал, что ничего путного, по его мнению, они в архивах не обнаружат. Гораздо интереснее было бы пообщаться непосредственно с участниками тех событий, однако — тут он тоже вздохнул — минуло сорок лет, а люди, к прискорбию, не только не вечны, но и не долговечны. В живых, сказал Чернышев, наверняка остались очень немногие — главным образом, лейтенанты тех лет, а самые интересные сведения могли бы сообщить те, кто в пятьдесят первом были полковниками или генералами.

— Вы еще скажите: маршалами и генераллссимусами, — грустно пошутил Рюрик.

— Между прочим, как там твой Артур? — спросил Чернышев.

— И правда! — спохватился доцент. — Чуть было не забыл...

Он снова набрал номер. Ишханов оказался дома. Договорились встретиться на книжном «толчке» в воскресенье.

6

В воскресенье рано утром позвонил Джаббаров-старший и предупредил, чтобы ждали его у телефона, с минуты на минуту, должен решиться вопрос о свидательстве. Рюрик расстроился: срывалась встреча с Ишхановым.

— Делать нечего, на переговоры с Ишхановым пойдем ты один, — решил Чернышев. — Я подежурю в номере, а ты названивай временами, чтобы быть в курсе новостей.

Бакинские книголюбцы собирались в уютном, хоть и неухоженном скверике, облюбовав себе пятачок между платформой детской железной дороги и давно пересохшим фонтаном. Синеусов долго бродил по алле, продираясь сквозь плотную толпу, и наконец обнаружил человека, соответствующего словесному автопортрету Ишханова: серая куртка, вельветовые джинсы, синий берет, черные кроссовки, в руке — полиэтиленовый пакет, растительность на лице выбрита удовлетворительно.

— Вы Артур? — осторожно поинтересовался он, приблизившись.

— А вы, очевидно, Рюрик, — оделал вывод тот и протянул руку. — Ваш шкаф тоже здесь?

— Нет, — Синеусов развел руками, едва не задев кого-то портфелем. — Не сможет прийти.

— Жалко, — огорчился Ишханов. — Я так надеялся получить автограф на его книжечки... Давайте отойдем в сторону, а то не дадут поговорить спокойно.

Они присели на скамейку возле засыпанного сухими ветками и рваными газетами фонтана, и Синеусов объяснил, что было бы весьма желательно прокрутить через методику генерации новых идей весь массив данных об аномальных атмосферных явлениях. Ишханов пожал плечами:

— Я это уже делал.

— И что?.. — Рюрик даже пристал.

Подмигнув, Артур проговорил:

— Сделаем так: поедем ко мне. Подобные разговоры я предпочитаю вести, имея под рукой необходимые материалы.

На остановке, в ожидании автобуса, они обсудили последние столичные новости, причем оба не без удовлетворения отметили совпадение точек зрения. Потом, уже в «Икарусе», Артур попросил Синеусова изложить свою позицию по проблеме НЛО.

Рюрик был твердо убежден, что большую часть необъясняемых так называемыми «естественными» причинами аномальных явлений невозможно интерпретировать без привлечения гипотезы о космических пришельцах. Слишком уж не по-земному экстравагантны эти испускающие яркое свечение диски, шары, эллипсоиды и купола — то проносящиеся с огромной скоростью по небосклону, то

замирающие на месте и осязающие землю своими «пржекторами». Их маневры напоминали движение пилотируемых — разумных ли существами, роботами ли — летательных аппаратов.

С другой стороны, Рюрик отдавал себе отчет, что две козырные гипотезы — о вмешательстве представителей внеземных цивилизаций и о существовании господа бога — позволяют без малейших затруднений истолковать любой не до конца понятный ученым феномен. Поэтому во всех своих изысканиях он строго придерживался основополагающего принципа, именуемого «презумпцией естественности». Принцип этот гласил: «Всякое явление надлежит считать естественным до тех пор, пока не доказано обратное».

— Должен признаться, — Рюрик печально усмехнулся, — что доказательства против «космолетной» гипотезы нам, как правило, отыскать удается, но многие наблюдения все равно остаются необъясненными.

— Понятно, — сказал Ишханов. — Вставайте, нам сейчас выходить... Ваша точка зрения имеет, как мне представляется, некое уязвимое звено. Если это действительно пришельцы, то почему они столько десятилетий, если не столетий, планируют над нашей планетой, не проявляя отчего-то заметного желания вступить в контакт со страхующими братьями по разуму? Рассказы людей, якобы беседовавших с похитившими их «гуманоидами», не внушают доверия.

— Трудно спорить с очевидным, — вздохнул Рюрик.

— Вот в этот подъезд, пожалуйста...

В лифте Синеусов сказал:

— Вы только что очень точно сформулировали положение, которое мы на своем сленге называем «Основной Проблемой Уфологии». На мой взгляд, это — единственное серьезное препятствие, не позволяющее нам сегодня однозначно признать все неопознанные феномены космическими кораблями и другими исследовательскими аппаратами пришельцев.

— И теперь требуется нестандартная идея, при помощи которой удалось бы это препятствие преодолеть, — понимающе кивнул Артур. — Ну, идею-то я обеспечу, но только боюсь, не по нраву она вам придется... Заходите.

Попросив жену приготовить чаю, Ишханов усадил гостя за журнальный столик и положил перед ним тяжеленную папку, полную вырезок из газет и журналов.

— Прошу, — с торжественными нотками в голосе провозгласил футуролог. — Здесь собраны все основные сообщения советской прессы о наблюдениях НЛО за последние четверть века.

Перевернув без особого интереса несколько листов, Синеусов заметил:

— Прошу прощения, но, во-первых, все это я уже читал, и не только это, но и много чего сверх этого. Во-вторых, в последние годы терминология несколько изменилась, так что теперь принято говорить «каномальные явления» вместо устаревшего и не совсем точного «неопознанные летающие объекты». Сокращенно — АЯ. И, в-третьих, — он потер кончик носа согнутым указательным пальцем, — я немного заинтригован вашим авансом, дескать, ваша гипотеза придется мне не по вкусу... Так что давайте ближе к делу.

— Прекрасно, я не возражаю, — согласился Артур. — Попробуем-ка для начала систематизировать известные сведения. Внешний вид НЛО, впрочем, АЯ имеет не так уж много характерных типов, причем из общего ряда резко выделяется так называемая «медуза» — бледный купол, в основании которого сверкает яркая звездочка. Далее — объекты способны передвигаться на различных высотах со скоростью до нескольких звуковых...

— Зарегистрирована даже скорость в половину первой космической, — уточнил Рюрик.

Поблагодарив его вежливым кивком, Ишханов сделал пометку в блокнот, после чего продолжал.

— Они могут также разделяться, соединяться, иногда испускают разноцветные лучи, напоминающие свет прожектора. Объект, пролетающий над Будапештом осенью восьмидесяти девятиго — помните, кто-то успел заснять его видеокамерой? — в течение нескольких секунд поменял форму, превратившись из диска в сферу. Кроме того, имеются данные, что летчики, чьи самолеты слишком приближались к АЯ, получали в некоторых случаях солидную дозу радиации, вследствие чего несколько человек даже умерли от лучевой болезни.

— Могу добавить, что АЯ засечены на Марсе, — вставил Синеусов и рассказал о докладе Вандерланда на монреальском конгрессе.

Вслушав это сообщение, Ишханов шагнул к стоявшему на тумбочке в углу комнаты персональному компьютеру и торопливо застучал пальцами по клавиатуре. Между прочим заметил, что новая информация весьма кстати укладывается в его концепцию. И уже закончившая работу, спросил:

— А по Юпитеру у вас случайно каких-нибудь сведений не найдется?

— Простите, что вы имеете в виду? — отставил чашку с чаем насторожившийся Рюрик.

Ишханов невинно улыбнулся.

— Ничего особенного, просто ищу закономерность. На Земле они есть, на Марсе, оказывается, тоже, так почему же не быть им на Юпитере? — взгляд его снова стал серьезным. — Мне довелось слышать от наших астрономов о каком-то теле, которое недавно стартвало из-за пояса астероидов.

— Стало быть, информация все-таки просачивается, — удрученно резюмировал Рюрик.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Артур. — Расскажите что-нибудь, или это секретно?

— Секрета большого нет, многие обсерватории разных стран его сфотографировали, — сказал Синеусов. — Просто мы не хотели провоцировать очередную шумную оенсацию. Собственно, и известно-то нам не так уж много: из района Юпитера движется с небольшим ускорением — приблизительно в один-два процента земного — нечто, называемое условно «объект «Зета». В тот день, когда мы с Аркадием Матвеевичем вылетали в Баку, скорость его достигла сотни километров в секунду... — он подумал, стоит ли говорить об этом, и решил продолжить: — Через неделю объект должен войти в район, где находятся наши аппараты, запущенные к Венере. Мы, признаюсь, прикидывали, нельзя ли будет так подкорректировать курс одной из станций, чтобы та приблизилась к объекту и сфотографировала его... Не вышло — он разгоняется слишком непредсказуемо.

— Забавно!.. Очень забавно! — возбужденно заходил по комнате Ишханов. — Я и не смел рассчитывать на такую удачу! Ну ладно, поехали дальше.

И он отметил еще две особенности АЯ. Они часто появляются в «интересных местах», то есть там, где происходит нечто необычное — например, масштабные строительные работы, запуски ракетных носителей, военные маневры или крупные боевые действия. «Любопытнейшие зверюшки, не правда ли?» — загадочно усмехнулся Артур. Кроме того, продолжал он, создается впечатление, что АЯ появляются на Земле с четкой периодичностью: максимумы количества сообщений о наблюдениях «летающих тарелок» приходится на периоды 1947—49 годов, затем — около 1967—68, и наконец, последний пик отмечался во второй половине восьмидесятых с максимумом в восемьдесят девятый.

— Должен сознаться, подобная двадцатилетняя периодичность меня несколько смущает, — признался Ишханов. — Цикл солнечной активности составляет, как известно, одиннадцать лет, да и все прочие известные мне глобальные процессы имеют другую продолжительность... Вот вы — астроном, не так ли? Скажите, пожалуйста, не известно ли вам хоть какое-нибудь явление в Солнечной Системе, которое бы регулярно повторялось каждые два десятилетия?

Синеусов на минуту задумался и сказал:

— Пожалуй, есть такое... Противостояния Юпитера и Сатурна. Повторяются ровно через двадцать лет. Но только я не представляю, как вы сможете связать их с «летающими тарелками».

— Вы правы, — наконец опустился на стул Артур. — К сожалению, это мне ни о чем не говорит. Объяснили бы, что происходит в результате таких противостояний. Я имею в виду глобальные изменения.

— Что происходит? — Рюрик снова задумался. — Вы попали точно по адресу — это тема моей диссертации. Много, скажу я вам, происходит...

Самым впечатляющим последствием противостояния он считал глубочайший разрыв магнитного поля Солнечной Системы. От Солнца непрерывно разлетается во все стороны разреженная плазма — так называемый «солнечный ветер». Плазма эта сильно намагничена, поэтому создаваемое ею магнитное поле, равномерно заполняющее все пространство вокруг нашего светила, отражает бьющие из глубин Вселенной потоки частиц высокой и сверхвысокой энергии. В тех областях пространства, где волны солнечного ветра накатываются на планетные магнитосферы, сплошное течение ионизированных частиц разры-

«ается, и за планетой-препятствием на много астрономических единиц вытягивается конус пространства, свободного от намагниченного вещества. Разумеется, на достаточно большом расстоянии от планеты-препятствия эта коническая область постепенно опять заполняется плазмой, однако в случае противостояния конус Юпитера накладывается на конус Сатурна, так что их общая протяженность по меньшей мере удваивается...

— В последний же раз, около восьмидесяти четвертого года, ситуация сложилась и вовсе уникальная, — рассказывал Синеусов, — я имею в виду так называемый «парад планет», то есть противостояние всей четверки планет-гигантов: Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун как бы выстроились в одну линию — подобные явления повторяются через каждые сто восемьдесят или сто девяносто лет.

Ишханов выслушал его лекцию с необыкновенным вниманием и при этом беспрерывно чертил на листочках какие-то замысловатые фигуры.

— Таким образом, — подытожил Артур, когда доцент сделал паузу, — насколько я сумел разобраться, в результате противостояния больших планет образуется зона своего рода «бесмагнитной тени», то есть канал, по которому во внутренние области Солнечной Системы проникают галактические излучения.

Рюрику показалось, что он понимает ход мыслей футуролога. Получалось вроде бы логично: во время противостояний грандиозный ядерный реактор, каким является Солнце, начинает вырабатывать под влиянием космических лучей некие аномальные вещества. Вот за этими-то веществами, видимо, и слетаются каждые двадцать лет межзвездные скитальцы.

Выслушав его версию, Ишханов иронически усмехнулся, но сказал лишь:

— Вы полагаете, какие-нибудь нестандартные изотопы все-таки синтезируются?

— Вероятно... К сожалению, современная астрофизика не может ответить на вопрос, какие именно глубинные процессы на Солнце стимулируются в результате противостояния. Ясно, однако, что подобные лучевые удары должны оказывать заметное влияние на вещество солнечной короны, а также на физические процессы где-нибудь в хромосфере... — прикинув в уме возможные следствия, он добавил: — Возможно, во время противостояний складываются гравитационные силы больших планет, так что светило наше подвергается совершенно непривычным для себя воздействиям и отвечает на них повышенной активностью...

При этом доцент заметил, что последний максимум наблюдений АЯ, отмеченный в 1989 году, точно совпадал с периодом необычно высокой активности Солнца.

— Понятно, — сказал Артур, отложив в сторону готовый рисунок, — сведения исключительно ценные. Итак, какие же версии использовались до сих пор для объяснения аномальных явлений?

Синеусов стал перечислять: инопланетные аппараты, неординарные явления природы, деятельность самого человека, массовые галлюцинации, пришельцы из другого времени...

— Вы забыли упомянуть еще несколько гипотез, — уточнил Ишханов. — Это корабли неизвестной людям подводной цивилизации, космические животные, а также такая развлекательная экзотика, как сверхъестественные или астральные проявления. Так вот, осмелюсь утверждать, что лишь предположение о наличии космических форм жизни способно связать воедино и непротиворечиво истолковать все известные науке сведения об аномальных явлениях.

— Любопытно, было бы послушать, как это у вас получится, — не скрывая скепсиса, произнес астрофизик.

Начнем с того, — бодро заговорил Артур, — что не так давно я взялся составлять морфологический ящик по проблеме «Живые существа». Вы знаете, что такое морфологический ящик? Тем лучше... Так вот, получилась у меня объемистая многомерная таблица, охватывающая миллионы пять-шесть пересечений.

Взяв протянутые Ишхановым листки, Синеусов с усмешкой просмотрел их. Слишком тесно тут наука сплеталась с чистой фантастикой. Таблица оказалась, впрочем, небезынтересной:

А. СРЕДА ОБИТАНИЯ

1. Поверхность планет
2. Атмосферы планет
3. Жидкость

Б. ВЕЩЕСТВО ТЕЛА

1. Органика
2. Электролиты
3. Полупроводники

4. Недра планет
5. Вакуум
6. Твердое вещество
7. Звездное вещество
8. Комбинированная

В. ТИП МЕТАБОЛИЗМА

1. Биохимические процессы
2. Электромагнитные процессы
3. Гравитационные процессы
4. Ядерные реакции
5. Фазовые переходы

Г. СПОСОБ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

1. Конечности
2. Ползание
3. Крылья
4. Качение
5. Плавники
6. Реактивная тяга
7. Электромагнитные силы
8. Гравитационные силы
9. Неподвижность

Е. ИСТОЧНИК ПИТАНИЯ

1. Органика
2. Излучение звезд
3. Радиоактивные вещества
4. Минеральные вещества
5. Межзвездная плазма
6. Звездное вещество
7. Мезовещество
8. Прочая неорганика
9. Вакуум

3. СТЕПЕНЬ РАЗУМНОСТИ

1. Индивидуальный разум
2. Коллективный разум
3. Инстинкты
4. Разум отсутствует

— Как вы можете убедиться, — комментировал Ишханов, — сочетание A1B1B1Г1D1E1Ж1 дает нам совокупность земных сухопутных животных. Добавив пункт 31, получаем человека. Кроме того, вам будет нелегко опровергнуть следующее утверждение: все, что способен вообразить человек, почти наверняка реализуется где-нибудь во Вселенной.

Продолжая посмеиваться, Синеусов заметил: дескать, этот массив, несомненно, включает в себя некоторые типы жизни, которые при желании можно отождествить с АЯ. Однако, спросил он, каким образом можно выделить конкретное сочетание параметров, соответствующее «летающим тарелкам»?

— В действительности допустимых вариантов не так уж много, — спокойно ответил футуролог. — Так, например, судя по данным о радиоактивности АЯ, в их организмах, несомненно, протекают ядерные процессы, то есть тут мы имеем тип B4, откуда автоматически следуют в качестве источника питания либо E3, либо E6. Но у них, согласно свидетельствам очевидцев, не имеется, крыльями «тарелочки» не машут, реактивной тяги тоже не обнаружено — стало быть, летают они, вероятно все же, при посредстве антигравитации. Если просмотреть подобным образом весь морфологический ящик — останется от силы несколько десятков возможных сочетаний. А окончательный ответ даст, конечно, только эксперимент — исследуйте «летающую тарелку» в лаборатории, и все сразу станет ясно.

— Легко сказать, — Синеусов поморщился. — Будь у меня под рукой обломки или останки «тарелок», мы бы и так разобрались, искусственное ли это создание, или естественное.

Ишханов отрицательно замотал головой.

— Не разобрались бы! Представьте себе: попал в руки ученых диск из неизвестного металла или мезовещества, внутри коего обнаружены ядерный реактор и генератор антигравитационного поля. Наверняка наши уважаемые коллеги без малейших колебаний придут к выводу, что имеют дело с космическим кораблем...

— Ну допустим, — признал Рюрик. — Но что даем нам ваша гипотеза?

— Главная ее прелесть, — сказал Артур, заключается в том, что снимается Основная Проблема. Поскольку мы договорились, что АЯ — это живые существа, к тому же,

4. Сверхпроводники
5. Димагнетики
6. Парамагнетики
7. Космический газ
8. Звездное вещество
9. Полимеры
10. Композиты
11. Мезовещество
12. Нейтрид
13. Электромагнитные поля
14. Гравитационные поля
15. Вакуум

Д. СПОСОБ ОБЩЕНИЯ

1. Звук
2. Радиосигналы
3. Оптические сигналы
4. Гравитационные волны
5. Гамма-излучение
6. Телепатия
7. Потоки частиц
8. Комбинированный способ
9. Общение отсутствует

Ж. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

1. Коллектив
2. Стадо, стая, рой
3. Индивидуализм
4. Симбиоз
5. Постсоциальная

скорее всего, лишённые разума, то следовательно, их действия, их поведение не требуют более известных мотивировок: порхают себе, охотятся, размножаются... А в Солнечную Систему их стаи слетаются с таким расчётом, чтобы угадать к противостоянию планет-гигантов. Вероятно, прорыв магнитного поля действительно сопровождается синтезом каких-то веществ для них веществ в короне Солнца.

— Логично, однако умоизрядительно, — сделал вывод Рюрик. — Вместо прежней недоказуемой гипотезы вы предлагаете новую, ещё более недоказуемую.

И тут он вспомнил, что должен позвонить Чернышеву.

— Где ты пропал! — сердито осведомился Аркадий Матвеевич. — Хотя бы координаты свои оставил...

Сообщив Чернышеву адрес, Рюрик спросил:

— А в чём дело-то? Что за спешка?

— Джаббаров боится, что напел-таки очевидца. Жди у подъезда, сейчас мы за тобой заведём.

— Пора идти, — вздохнул Синеусов, положив трубку. — Волка ноги кормят.

На прощанье Артур вручил Синеусову рисунок.

— Вот две наиболее часто упоминаемые формы летающей посуды.

На бумаге были изображены сплюснутый эллипсоид и слегка вытянутый диск со вздутием в средней части.

— Не кажется ли вам, — заметил Ишханов, — что первый тип легко трансформируется во второй путём соединения диска и центрального утолщения? По-моему, типичный вариант Ж4 — симбиоз двух разных видов космических животных.

Он бегло набросал ещё одну картину: тот же диск с шаровидным наростом в центре, а рядом — диск и полусфера нароста по отдельности.

— Возможно, — признал слегка ошарашенный астрофизик.

7

По дороге Мурад Джамалович рассказал ученым, что человек, к которому они направляются, полковник в отставке Манафов много лет прослужил в органах госбезопасности, в начале семидесятых перешёл на партийную работу и скоро два года, как вышел на пенсию. Один из приятелей Джаббаровского сослуживца конфиденциально сообщил, что Манафов вроде бы имеет какое-то отношение к лерикскому феномену...

— Прошу садиться, — любезно, хотя и сухо, предложил высокий худой старик типично восточной внешности. — Чем могу служить? Мне передали, что со мной хочёт поговорить академик из Москвы.

Чернышев протянул ему своё академическое удостоверение, однако Манафов сделал рукой отстраняющий жест, показывая, что верит на слово. Излагая цель визита, Аркадий Матвеевич упирал на то, что хотел бы выяснить, точно ли самолёт был сбит вблизи Лерика, а также — куда упали обломки: в море или на горы.

— Это был не совсем самолёт, — нахмурился Манафов, — я даже не знаю, как называются такие машины... И ещё я не знаю, можно ли вам об этом рассказывать.

На такой случай Чернышев постоянно имел при себе копию правительственного постановления, гласившего, что каждый гражданин Советского Союза обязан оказывать подателю документа всеческое содействие.

— Ну что же, — не стал привередничать отставной полковник, — попробуем вспомнить. Значит, вы говорите, осень пятьдесят первого года?..

— Скорее всего, тридцатое сентября, воскресенье, — уточнил Синеусов.

— Воскресенье... — задумчиво повторил Манафов. — Совершенно верно, это случилось в воскресенье. Но в районный центр Лерик мы прибыли раньше — в четверг. Район срывал план заготовки шерсти и кормов, и поэтому замминистра госбезопасности республики генерал-майор Щеглов распорядился направить туда группу сотрудников, чтобы разобраться, нет ли там фактов саботажа или диверсии. Конкретных указаний, кого именно надлежит арестовать за вредительство, шпионаж и так далее, мы не получили — решение должен был принять на месте руководитель группы майор Гукосов...

...Там же встретил их проливными дождями. Любопытства роскошной горной природой времени не оставалось: с первого же дня оперативники взялись за работу и сразу же вскрыли факты злоупотреблений. Практически все предназначения для сельских труженников товары уходили прямо с баз в руки спекулянтов, а приемщики на заготовительных пунктах безбожно грабили колхозников, об-

вешивая и обсчитывая их при сдаче шерсти. Местные жители прямо называли имена расхитителей, так что вечером в субботу камеры обоих райотделов — МВД и МКБ — были забиты арестованными.

В воскресенье, около четырех часов дня, оперативники возвратились из дальнего села в районный центр, где их встретил офицер-пограничник с приказом министра немедленно отправиться в урочище Салах. От оперативников требовалось обеспечить — до приезда руководящих сотрудников министерства госбезопасности — охрану некоего неназванного объекта. Возле райкома партии группу ждали два «виллиса» из погранотряда, и после непродолжительной тряски по запущенной горной дороге они въехали в оцепленную пограничниками зону. Здесь грунтовка кончалась, так что следующие два-три километра пришлось пробираться через лес пешком.

Лейтенант Манафов поневоле обратил внимание, что у некоторых деревьев обломаны верхушки. Потом он увидел среди разбитых в щепки стволов нечто напоминающее уваличенное до шестиметрового диаметра автомобильное колесо.

Близко не подходили — армейский офицер из службы химической защиты предупредил, что предмет радиоактивен. Незнакомый полковник с зелеными петлицами объяснил, что перед ними секретная воздушная машина потенциального противника, сбита нашими летчиками...

— ...Мне трудно описать словами, как она выглядела, — сказал Манафов. — Позвольте, я нарисую.

Он принялся чертить в блокноте шариковой ручкой, приговаривая:

— Она была похожа на большое колесо, но дырка в середине была не сквозная, а как будто неглубокая выемка... А внутри этой дырки находилась другая штука — снизу — похожа на половинку шарика, а сверху — на конус.

Присмотревшись к неказистому изображению, Рюрик вытащил из портфеля подаренный Ишхановым рисунок и, показав отставному полковнику, спросил:

— Похоже?

— Да, довольно похоже, даже шарик тут нарисован отдельно от колеса... Так и было. Мне тогда, помню, показало, что этот шарик с конусом, наверное, плотно сидит внутри выемки, но от удара при падении был выбит из своего гнезда... — он задумался, разглядывая листок. — И еще. Здесь у вас все нарисовано слишком уж гладко. На самом деле у колеса не было таких аккуратных, ровных краев. Напротив, края были словно изъедены ржавчиной, изогнуты, висели лохмотьями.

— Очень интересно... — Чернышев внимательно изучил обе картинки. — Скажите, пожалуйста, второй предмет был, вероятно, чем-то вроде кабины?

Манафов долго раздумывал, напряженно массируя лоб. Затем проговорил неуверенно:

— Сомневаюсь. Какая же кабина без смотровых окошек?

— Что же произошло потом? — спросил нетерпеливый Синеусов.

...Постепенно в урочище стягивалось высокое начальство. Первым подоспел полковник Самед-заде, начальник отдела из республиканского министерства, прибывший в сопровождении роты тяжелых танков. К вечеру, когда уже совсем стемнело, неожиданно появились генерал Щеглов и замминистра МГБ СССР генерал-лейтенант Аристархов, который немедленно взял на себя командование. По его приказу танкисты проложили своими машинами широкую трассу до грунтовой дороги, потом сбитый аппарат, зацепив тросами, втащили на трейлер и уволокли под покровом ночи на ближайшую железнодорожную станцию, откуда специальным поездом отправили на Урал.

— Мне и еще одному офицеру было поручено сопровождать груз, — продолжил Манафов свое повествование. — Обломки затащили брезентом, стрелки охраны получили приказ стрелять без предупреждения... — он сдержанно улыбнулся. — Охранникам сказали, что мы везем атомную бомбу, а через неделю в «Правде» сам товарищ Сталин подтвердил, что действительно взорвана новая бомба. Совпадение, конечно. Но на солдат это произвело сильное впечатление, кто-то, как водится, проговорился, и потом долго продолжались разговоры об атомном заводе в Азербайджане...

— Вы отвезли аппарат на станцию, — не давая отклоняться полковнику в сторону, подсказал Рюрик.

— Да-да, правильно. Состав шел почти без остановок, и через трое суток мы прибыли на какую-то безымянную станцию, даже полустанок, в Курганской области. Сбитую машину снова перегрузили на трейлер — от тяжести про-

гибались оси — и четверка танков лоташила прицеп в неизвестное мне место. Впрочем... — он замолчал, пытаясь восстановить в памяти зыбкую картину тех давних событий. — Вспомнил! Сотрудник местного органа МВД, который принимал у меня груз, обмолвился, что он служит в охране специального конструкторского бюро, где работают исключительно осужденные. Кажется, они там занимались ракетами или реактивными самолетами, но за это я уже поручиться не могу.

— А вам не приходилось встречаться с летчиками Пластуновым или Лагутиным? — спросил Чернышев. — Или, может, хотя бы слышали эти фамилии?

На лице Манафова вновь появилось выражение сосредоточенного раздумья. Вдруг он, просветлев, воскликнул обрадованным голосом:

— Правильно, да — Пластунов! Когда генерал Аристархов осматривал ту разбитую машину, мы тоже отважились подойти немного поближе. Тем более, химик сказал, что метров на двадцать приблизиться можно. К этому времени уже стемнело, зажиглись прожектора на танках, и стали отчетливо видны мелкие детали. Тогда мы и увидели на бортах большие пробойны с рваными краями — как от взрыва бомбы или артиллерийского снаряда. Указав на них, Аристархов сказал: «Вот сюда попал своими ракетами Пластунов». Да-да, именно так он сказал.

— На котором из двух объектов были пробойны? — быстро спросил академик. — На «колесе» или на «шарике с конусом»?

Полковник ответил: дескать, точно не помнит. Тогда Джаббаров, не аступавший до сих пор в беседу, очень кстати заинтересовался, не фотографировал ли кто-нибудь упавший в лесу аппарат.

— Снимали, конечно же, снимали, — уверенно подтвердил Манафов. — Там были люди с фотокамерами, и все время сверкали вспышки магния. Но только я ни одного из этих снимков так и не увидел. Наверное, Аристархов все в Москву увез.

Тут Синеусов припомнил содержание записки о чабанах, просидевшем до утра под арестом в палатке, и спросил:

— Вероятно, патрули задерживали местных жителей, которые попадали в зону оцепления. Вы видели этих людей? Что с ними стало?

Манафов равнодушно пожал плечами.

— Да, было что-то такое. Кажется, Гукосов поговорил с ними, потом всех отпустили.

Подводя итоги, Аркадий Матвеевич сказал, что появились новые возможные свидетели инцидента: Аристархов, руководители МГБ республики, Гукосов и другие члены опергруппы, пограничники, летчики, танкисты, солдаты, охранявшие аппарат во время транспортировки. Кого-то из этих людей наверняка удастся разыскать и расспросить, узнав таким образом новые подробности.

— Немногих же вы сумеете найти, — грустно произнес полковник. — Из восьми членов временной лерикской оперативно-розыскной группы остался в живых только я — наше поколение, увы, практически ушло. Солдаты и младшие офицеры погранвойск и общевойсковники не знали, что они охраняют, а старшие офицеры уже тогда были в преклонном возрасте. К тому же через пару лет начались известные процессы... Аристархова расстреляли в пятьдесят четвертом, Щеглова и Сamed-заде — в пятьдесят пятом. Министр наш Емельянов получил тогда же двадцать пять лет, отсидел из них пятнадцать и вскоре умер, — кажется, в семьдесят втором году... Насчет остальных ничем не могу вам помочь, я с этими людьми не знаком. Попробуйте поработать в архивах Министерства обороны.

— Мы так и собирались, — кивнул академик. — Нужно еще попытаться найти следы того СКБ, куда попал сбитый в Лерике аппарат.

Когда они прощались, Синеусов, стоя в прихожей, заметил не без удовлетворения:

— Таким образом, отныне можно считать совершенно недостоверными любые слухи относительно самолета, который якобы упал в море...

Неожиданно Манафов объявил, что может сообщить кое-что и о самолете.

— Вернувшись из поездки на Урал, — сказал он, — я был очень удивлен, услышав разговоры, которые ходили между сотрудниками нашего министерства. Все почему-то считали, что эконо наших истребителей-перехватчиков из округа ПВО подстрелил над Талышом вражеский бомбардировщик-шпион. Поскольку мы имели строжайший приказ молчать обо всем, что видели и слышали, я от подобных разговоров уклонялся...

— Между прочим, Пластунов и Лагутин получили орден именно за самолет, — заметил Рюрик.

Пожав плечами, отставной полковник сказал, что все объясняется очень просто: в целях обеспечения секретности была запущена правдоподобная, но не совсем верная легенда. Зачем было сообщать народу, что у потенциального противника имеется новое оружие, да еще, скорее всего, с атомным двигателем? Поэтому сказали о самолете, но умолчали, что он — принципиально нового типа.

— Вы до сих пор полагаете, будто этот аппарат был американского производства? — опешил Синеусов.

— А какого же еще? — в голосе Манафова явственно прозвучалинисходительные нотки. — Вероятно, какая-то экспериментальная модель — в серийное производство эти машины, как известно, не пошли.

...Вечером, когда они, готовясь к завтрашнему отлету, укладывали чемоданы, Чернышев вдруг спросил:

— Что за иллюстрации ты ему демонстрировал?

— А, эти...

Рассказ доцента о разговоре с Ишхановым, а также изложение сумасбродной гипотезы последнего были поданы в шутилом тоне. Аркадий Матвеевич слушал любимого ученика, ухмыляясь, однако под конец неожиданно пробормотал: мол, что-то в этом есть. Рюрик испытующе глянул на академика.

— Вы способны верить в безумие?

Присев на край кровати, Чернышев сказал:

— Безумие идеи отнюдь не может считаться признаком ее порочности. Напротив, как тебе должно быть ведомо, вся современная наука основана именно на тех идеях, которые поначалу причислялись к безумным... Нет, ты погоди, не торопись мне возражать. Ответь-ка лучше: что есть критерий правильности научной концепции?

Скорчив кислую мину, Синеусов стал перечислять общеизвестные положения.

— Прекрасно! — академик удовлетворенно кивнул. — В отличие от твоей «инопланетно-космолетной» концепции, гипотеза Ишханова дает достаточно удовлетворительное и логическое непротиворечивое описание феномена и истолкование собранных наукой фактов об аномальных явлениях. К тому же Ишханову удалось весьма изящно обойти Основную Проблему Уфологии.

— Вы его чуть ли не дословно цитируете, — заметил Рюрик.

Подмигнув, Чернышев сказал, что умные люди приходят, как правило, к одинаковым выводам, формулируя оные в почти одинаковых выражениях. Потом он вдруг протянул руку к своему чемодану и вытащил из-под неаккуратно сложенной одежды тощенькую брошюрку. Раскрыв нужную страницу, он передал книжку Синеусову. Олесая очередного подопытного, доцент осторожно взял брошюрку, оказавшуюся стихотворным сборником известного пародиста.

— Читай, — указал Аркадий Матвеевич на два четверостишия.

Рюрик послушно прочитал:

...Но это все цветочки и мура.
Меня сейчас другое беспокоит:
На днях из гардероба в шесть утра
В моей пижаме вышел гуманоид.
Я подскочил, от ужаса дрожа,
А после рассказали мне сиделки,
Что я махнул с восьмого этажа,
Как будто на летающей тарелке...

— А теперь здесь, — сказал Чернышев, перевернув страничку.

Синеусов был уже на все сто убежден, что шеф над ним просто издевается, однако все-таки глянул на строки, которые подчеркнул ногтем академик. Ну, так и есть...

Как-то утром, смеха ради,
То ль в Малаховке, то ль в Пизе,
Приземлились двое дяdek
На летающем сервизе.
Скорректировали разум
На земные интересы,
Поискали третьим глазом
Представителей от прессы...

— Ну и что? — вызывающе осведомился Рюрик.

— А то! — голос Чернышева сделался строгим. — В массовом сознании давным-давно утвердился психологический стереотип, однозначно связавший АЯ с космическими кораблями и сидящими внутри этих «тарелок» гума-

нидами. И почему-то ни почтенный академик Чернышев, ни подающий надежды доцент Синеусов, ни глубоководолюбимый доктор Вандерлаан не решаются отказаться от укоренившихся трафаретов и поисках свежий взгляд на проблему. А вот безызвестный тебе Кеннет Арнольд, первооткрыватель «летающих блюдец», решился!..

Смущенно потупившись, Рюрик дал понять, что признает критику. Он вспомнил, как в конце своей жизни Арнольд неожиданно заявил, что те блестящие штучки, с которыми он встретился над Каскадными горами, «вели себя» не как машины, но — как живые существа. К своему стыду Синеусов должен был признать, что и он сам никогда не обращал внимание на эту точку зрения.

— И вообще, — добавил Аркадий Матвеевич, — как только вернемся в Москву, немедленно приступим к розыску всех, кто имеет отношения к тому Курганскому СКБ. Пожалуй, только они сумеют помочь решить главный вопрос: механизмы или животные?

— Если смогут, — вздохнул Синеусов. — И если разумею...

8

С утра, едва приехав в институт, он позвонил в хозяйство Михайличенко. Александр Григорьевич оказался на месте.

— Мне хотелось бы встретиться с вами, — сказал Чернышев. — И чем скорее, тем лучше.

— Что-нибудь случилось? — встревожился маршал.

— Не так, чтобы очень, но и не очень, чтобы так, — хмыкнул Аркадий Матвеевич. — Во-первых, поставщики нас здорово подводят, а во-вторых, требуется узнать, проводил ли Советский Союз испытания атомной бомбы тридцатого сентября пятьдесят первого года.

— Ну, с поставщиками-то я разберусь, — пообещал Михайличенко. — Что же до испытаний, то дату я, простите, запоматывал, однако могу заверить: в конце сентября названного года ваш покорный слуга лично присутствовал при запуске некоего изделия... Веселенькая, доложу я вам, история там приключилась.

— Так вы еще и очевидец! — несказанно обрадовался академик. — Это и вовсе интересно. Где и когда мы сможем увидеться?

Телефонная трубка замолкла, лишь слабенько потрескивали разряды помех. Потом снова раздался голос Александра Григорьевича:

— Как бы отнеслись вы к предложению сразиться, как в доброе старое время, на корте?

— Положительно.

— Тогда в тринадцать ноль-ноль.

Кажется, полоса удач пока не кончилась, подумал очень довольный Чернышев. Через два часа его точка зрения получила новое подтверждение, когда в кабинет академика шумно ввалился любимый ученик и непримиримый оппонент.

— Отвез я в архив наше отношение, — начал он прямо с порога. — Через три дня меня допустят в читальный зал...

— Почему через три дня? — недовольно пристал Аркадий Матвеевич, потянувшись к телефону. — Надо ускорить.

— Очередь большая, нынче ведь все, кому не лень, бросились в архивы, — Рюрик выразительно развел руками. — Однако...

Рюрик загадочно улыбнулся и вдруг выпалил:

— А как бы вы отнеслись к перспективе лично побеседовать с генерал-майором авиации в отставке Лагутиным Андреем Ивановичем?

Недоверчиво подняв взгляд на Синеусова, академик тихо спросил:

— Жив?

— Более того, проживает в Подмоскovie, полчаса езды на вашей машине, — торжествующе произнес Рюрик. — Фантастическая история...

...В расположенный возле Подольска Центральный архив Министерства обороны доцент Синеусов заглянул с утра пораньше. Благожелательный сотрудник помог ему поточнее сформулировать заявку: желательно, мол, ознакомиться с журналами боевого дежурства истребительных авиачастей Бакинского округа ПВО за такой-то период, а также с личными делами таких-то военнослужащих того же округа. Когда же Рюрик назвал фамилию и инициалы Лагутина, сотрудник архива неожиданно воскликнул: «Это не Андрей Иванович случайной?» — и пояснил, что именно так зовут руководителя местного отделения ДОСААФ,

который частенько извещивается в архив в связи с работой над мемуарами.

— Я, естественно, тут же помчался в ДОСААФ, — рассказывал Синеусов, — но мне сказали, что шеф отбыл на совещание в столицу и будет только завтра. Тогда я начал расспрашивать девочек и выяснил, что этот Лагутин в свое время действительно служил в Закавказье. В общем, я взял его адресочек и телефон, так что завтра надеюсь с ним все-таки повидаться. Вы мне компанию не составите?

— Еще спрашивает! Нахал ты, братец, — Чернышев погрозил пальцем. — Неужели думал без меня туда навещать? Вот только встречусь с маршалом и...

Александр Григорьевич, успевший уже переодеться в спортивный костюм, энергично разминался возле стенок.

— Чуть было не опоздали, любезный, — заметил он с напускной укоризной. — Через шесть минут начинается наше время... Ну, что у вас там за проблемы?

Начал Аркадий Матвеевич с вопросов, связанных с делами сугубо служебными.

Выслушав его, Александр Григорьевич заметно помрачнел и осведомился:

— Если можно, давайте конкретнее. Что именно вам сейчас нужно?

Чернышев назвал.

— Ясно, — сказал Михайличенко, когда перечень накопившихся претензий к поставщикам был исчерпан. — Сделаем так: вы даете мне все это в письменном виде, с обоснованием и так далее, а уж я взыщу с кого следует... Пойдем, наша площадка освобождается.

Оба — маршал чуть пораньше, академик попозже — вступили в тот малоприятный возраст, когда приходится крайне тщательно следить за собственным здоровьем, а потому особое внимание они уделяли занятию спортом. Михайличенко, хоть и разменял седьмой десяток, держался в отличной форме, так что играть против него было тяжело.

Первый счет Александр Григорьевич выиграл. Чернышев поднажал, пустив в действие излюбленные свои топ-спины и подрезки, и после долгих «больше-меньше» выравнял счет. Последние геймы оба тянули кое-как — сказывалось утомление, однако матчем остались довольны.

После душа, откупорив бутылочки «Байкала», Михайличенко вдруг вспомнил о другой чернышевской просьбе и спросил:

— Вас, кажется, интересовала операция «Перун»?

— Впервые слышу... — Аркадий Матвеевич растерялся. — Вы что-то путаете. Я говорил про атомный взрыв тридцатого сентября...

— Это одно и то же. Что именно вы хотели узнать?

Чернышев бегло, опуская второстепенные подробности, пересказал историю с фотографией и полуразрушенным аппаратом из Тальшских гор, добавив, что оба эти эпизода подозрительно совпадают по времени с испытанием второй советской атомной бомбы. После долгой паузы маршал негромко проговорил:

— Более чем забавно, черт подери. Об этой стороне дела я даже понятия не имел. В тот день нам, стартовикам, своих тайн хватало...

Он медленно затянул узел галстука, надел китель — чувствовалось, что при этом он напряженно думает.

— Вы немного ошибаетесь, — заговорил он наконец. — В тот день мы испытывали не бомбу, а боеголовку. Мы торопились. Помните, небось, какое это было время?

Он говорил короткими, но емкими фразами, рисуя четкий образ давно минувших дней. Советский Союз окружен базами дальних бомбардировщиков. Четыре года идет «холодная война», и второй год продолжаются сражения в Корее. Линия фронта там успела неоднократно измениться, чтобы в конце концов застыть у 38-й параллели. После неудачных августовских атак противник перегруппировал силы и в конце сентября бросился в очередное наступление по всему фронту, намереваясь в очередной раз овладеть Пхеньяном. В эти напряженные дни некоторые западные генералы и политики все настойчивее призывали применить ядерное оружие против китайских и северокорейских войск, а заодно уж и против СССР. На европейских авиабазах НАТО начиналось размещение новейших систем оружия — из-за океана прибывали эскадрильи самолетов-снарядов «Матадор» и стратегических супербомбардировщиков В-36. Угроза перерастания локального конфликта на Дальнем Востоке в третью мировую войну становилась все более реальной.

В этой непростой обстановке на самом высшем уров-

не было принято решение демонстративно шевельнуть бицепсами. Цель ставилась как бы двухступенчатая: напомнить всему миру, что времена атомного монополизма кончились еще два года назад, и одновременно опробовать ультрасовременное средство нанесения неотразимых ударов, какого не имело в то время ни одно государство мира.

На баллистическую ракету повышенной дальности (на жаргоне стартовиков — «тройку»), которая к тому времени успешно выдержала положенное количество испытательных запусков, установили атомную боевую часть. Стартовав с приволжского ракетодрома Капустин Яр, «изделие» должно было поразить мишень — старые танки, самолеты, автомобили, каменные и деревянные постройки — в «Стране Лихонии», как назывался на том же жаргоне полигон в закаспийской пустыне.

Утром 30 сентября 1951 года установленную на стартовый стол «тройку» заправили горючим и окислителем, после чего бригады инженеров и техников приступили к завершающей проверке всех узлов. Вскоре обнаружилась неисправность в системе управления газовыми рулями, которую быстро устранили. Выслушав итоговый рапорт начальника инженерно-технической службы, председатель госкомиссии подтвердил время запуска — 11.00 по московскому времени.

Примерно за полчаса до назначенного срока представитель штаба охранявших ракетодром войск ПВО пожаловался председателю комиссии на летчиков, затеявших совершенно неуместную демонстрацию высшего пилотажа в опасной близости от стартовой площадки. Минут через десять-пятнадцать представитель авиации категорически опроверг все обвинения, заверив, что никаких воздушных машин в окрестностях полигона нет.

Назревал грандиозный скандал с легко предсказуемыми последствиями: если самолеты, обнаруженные над стартовым комплексом, не наши, то... Короче говоря, сомневаться не приходило — потенциальный противник направил к месту испытаний своих воздушных разведчиков. Занитым частям был незамедлительно отдан приказ открыть огонь на поражение. Поскольку вражеские машины кружились на высоте около двенадцати-четырнадцати километров, стреляли только тяжелые орудия.

Инженер-капитан Михайличенко находился в тот момент на пункте радиолокационного наблюдения, и все детали происшедшего прочно врезались ему в память. Групповая высотная цель, состоявшая из семи скоростных машин, вызывающе двигалась точно на батарею. Потом возле этой семерки засверкали характерные россыпи светящихся точек — артиллерия ударила метко, и экран это отразил. Наземные посты слежения также доносили, что снаряды рвутся в непосредственной близости от самолетов-нарушителей. Едва начался обстрел — все машины, прикрывшись активными помехами, резко набрали высоту, и спустя несколько секунд локаторы потеряли их из виду.

Председатель комиссии еще раз связался с Москвой, получил санкцию действовать по обстановке и после непродолжительных колебаний перенес запуск на полдень. Секунды тянулись убийственно медленно, однако постепенно все успокоилось, тем более что аэиторы авторитетно заверяли: ни одно государство из числа предполагаемых противников не имеет самолетов, способных достигать тридцатикилометровой потолка, то есть высоты, на которой наши локаторщики потеряли контакт с нарушителями. Спонтанно родилось довольно правдоподобное и устраивавшее многих предположение: это были не самолеты, а воздушные шары, осколки снарядов перебили стропы, на которых висел груз, после чего облегченные аэростаты, естественно, взмыли в стратосферу. Конечно, подобная версия объясняла далеко не все, оставалось множество неясных моментов, однако в конце концов последовал короткий приказ, которого все ждали, — запустить.

Ровно в двенадцать серебристая сигара «тройки», окутавшись клубами дыма, оторвалась от земли. На зеленоватом поле радарного экрана появилась новая отметка. Полет начался успешно — неуклонно набирая скорость, ракета мчалась по безукоризненной вертикали.

Неожиданно вновь появились те же семь объектов — на этот раз они ринулись наперерез «тройке». Спустя примерно полторы минуты после старта, на высоте около двадцати пяти километров неизвестные аппараты сблизлись с ракетой до полного совмещения отраженных радарных сигналов, и в тот же момент сработала боеголовка.

Из-за большого удаления от поверхности ударная волна на полигоне практически не ощущалась, да и огненный шар земли не коснулся. Из находившихся на стартовом комплексе людей никто не пострадал.

К вечеру из столицы прибыла чрезвычайная комиссия во главе с ответственным за атомную технику первым заместителем Совета Министров. Появление этого безжалостного карателя, тезки святого угодника, чьим именем названа река, протекающая через крупнейший канадский город, вызвало шок. Поначалу казалось, что всех участников попросту пристрелят на месте, во всяком случае к этому явно шло. Созвав совещание, страшный руководитель московской комиссии, произнес краткую, но переполненную угрозами речь, стал поименно перечислять тех, кому предстояло неизбежное списание в расход, но тут его вызвали к телефону правительственной связи. Вернулся он в самом раскрепощенном настроении и, посверкая стеклышками легендарного пенсне, неожиданно для всех изрек: «Черт с вами, в последний раз прощайте!»

Вскоре на страницах центральных газет появилось более чем авторитетное заявление относительно испытания «нового типа атомной бомбы». А в ноябре или декабре такая же ракета с такой же начинкой вполне удачно достигла мишени.

— Так-то вот, — заключил Михайличенко и залпом осушил стакан бодрящего напитка. — Могу лишь высказать предположение: наш палач сменил гнев на милость после сообщения, что упавший в Талыше аппарат обнаружен, причем прилетел он, скорее всего, не из-за океана, а откуда-то подальше. Впрочем, это уже домыслы... Однако, судя по всему, погибли только три объекта из семи, — добавил Александр Григорьевич. — Другие четыре, видимо, долетели до Баку...

— Вы убеждены, что это те же самые? — быстро спросил Чернышев.

— Процентов на девяносто. Слишком уж все совпадает: и день, и трасса полета. Ведь если лететь от Капустина Яра приблизительно на юг, то на пути лежат сначала Баку, а затем — Талышские горы...

Маршал потянулся к карте, но Аркадий Матаевич замахал руками и сказал с улыбкой:

— Не надо меня агитировать, я и сам давно уже принял такую версию... Скажите-ка лучше, с какой скоростью они двигались?

Стали прикидывать. «Тройка» реанула примерно в 12.02 по московскому времени. Приблизительно в 12.30—13.00 четыре диска прошли над Баку, а еще немного погодя один из них, вроде бы, рухнул возле Лерика. Значит, первые семьсот километров они пролетели не более чем за час; насчет второго же отрезка маршрута — от Баку до Талыша — точных данных нет.

— Для космических кораблей их скорость, конечно, маловата, — с сомнением в голосе заметил Александр Григорьевич.

— Согласен, — кивнул академик, — но не забывайте, что их наверняка повредило взрывом боеголовки. Кстати, от чего вообще произошел этот взрыв?

Михайличенко сказал, что таких причин можно назвать сколько угодно. Во-первых, если почему-либо загорятся баки с топливом, то неизбежно сработает взрывной заряд, сближающий урановые полшария либо обжимающий газовой струей плутониевую сферу. Во-вторых, ядерный заряд можно подорвать достаточно плотным пучком нейтронов. Наконец, в-третьих, нельзя исключить и срабатывания устройства самоликвидации ракеты — чтобы оно включилось, достаточно подать условный радиосигнал на определенной частоте.

— Вы меня здорово заинтриговали, — признался на прощание маршал. — Прошу держать в курсе.

9

Секретарша из городского отделения ДОСААФ сообщила, что у Андрея Ивановича выходной день и он, по-видимому, дома.

— Поехали к нему, — решил академик.

Дверь им открыл крепкий ветеран в тренировочном костюме с эмблемой «Спартак». На вид хозяину было лет шестьдесят или чуть побольше.

— Скажите, пожалуйста, глубокоуважаемый Андрей Иванович, — после знакомства начал Чернышев. — Не вы ли случайно тот самый Лагутин из Бакинского округа ПВО, который был награжден орденом Красного Знамени в декабре пятьдесят первого года?

— Так точно, — приветливо улыбнулся Лагутин. — Тот

самый. Той же в том году у нас был еще не округ, а район ПВО. А орденом меня наградили вместе с комэска майором Пластуновым за сбитый самолет-разведчик.

— Значит, все-таки самолет, — упавшим голосом произнес Рюрик.

— Конечно, самолет, не паровоз же мы сбивали, — Лагутин пожал плечами. — Дальний бомбардировщик новейшей по тем временам конструкции, переоборудованный для ведения фоторазведки с больших высот.

— Какого числа это было? — спросил на всякий случай академик.

— Дай бог памяти... Где-то в начале октября, числа второго или третьего. Скорее уж второго.

— Печально, — проговорил Аркадий Матаевич. — Признаться, мы искали пилота, который встречался с аппаратом в форме диска...

Лагутин внимательно посмотрел на гостей и неожиданно заявил:

— Что же вы путаете два совершенно разных эпизода... Ту «летающую тарелочку» мы с Пластуновым сбили на пару днейков раньше.

Облегченно вздохнув, Чернышев попросил последовательно изложить, как развивались события.

— Нормально развивались... — отставной генерал развел руками. — Сначала одного, через два дня другого... В конце пятидесятого года меня и еще десяток пилотов из разных частей Бакинского района ПВО неожиданно откомандировали в распоряжение Глазкова. Признаться, мы надеялись, что отправимся в Корею, на фронт, однако вышло по-другому: послали на курсы по освоению реактивной техники. Летом следующего года мы возвращались на Кавказ — в истребительный полк, получивший новые машины Ла-25...

Тут Лагутин, уже усадивший гостей за стол, сделал небольшое лирическое отступление о том, какой это был замечательный самолет, легкий в управлении. По скорости же «лавочкин» превосходил даже всемирно прославленный МиГ-15.

— Их выпускали малой серией, специально для авиации ПВО. К тому же вскоре появились новые, более совершенные машины. Но никогда — ни прежде, ни потом, я не испытывал в полете такого удовольствия, как за штурвалом Ла-пятнадцатого... Ну да ладно, я немного отлежусь. Так вот, на последние числа сентября пятьдесят первого года было назначено показательное учение. Приехал сам командующий районом в сопровождении генералов своего и вышестоящего штабов...

...Лейтенант Лагутин был несказанно горд. Еще бы — его, самого молодого пилота части, назначили ведомым к знаменитейшему асу, Герою Советского Союза Пластунову, который за три своих фронтовых года сбил восемнадцать фашистов. В ожидании самолетов-мишеней пара истребителей кружила над полигоном, имея на борту полный боекомплект. Кроме штатного артефакта, под крыльями обоих Ла-15 были подвешены экспериментальные ракеты класса «воздух-воздух». Предполагалось, что первую цель они будут сбивать ракетным залпом, вторую — огнем пушек. Так оно в конце концов и получилось!

Неожиданности начались, когда с командного пункта поступил ошеломивший их приказ: учения отменяются, и обоим надлежит направиться на юго-запад, то есть в сторону Баку. Чуть позже, когда они приближались к городу, с земли передали новую вводную: догнать группу высотных скоростных целей, попытаться принудить к посадке на одном из наших аэродромов, а в случае неповиновения — применить силу. То и дело наземные службы выдавали поправки к курсу, из чего можно было заключить, что противник энергично маневрирует. Наконец, поступило последнее указание: мишень — прямо перед ними, идет на высоте 10400 метров со скоростью 830 километров в час.

Через минуту — часы показывали примерно половину второго — летчики разглядели, кого же они преследуют: недалеко впереди мчались диски, сверкавшие, словно зеркала, отраженным солнечным светом. Три из них образовали в полете равносторонний треугольник, а четвертый — с шишечкой посередине — держался внутри строя. Скорость дисков была почти на полторы сотни километров в час меньше, чем у преследовавших их истребителей, так что расстояние между ними быстро сокращалось. Пластунов велел ведомому принять к западу, чтобы заходить в атаку со стороны солнца.

Два истребителя-перехватчика дружно навалились на четверку дисков, выпуская прямо перед ними короткие

очереди трассирующими снарядами. Столь прозрачный намек был, однако, проигнорирован: нарушители продолжали стремиться к югу, явно намереваясь пересечь границу СССР. При этом они предприняли попытку оторваться от погони набором высоты и увеличением скорости до девятистот и более. Во время маневрирования одна из очередей хлестнула по корпусу замыкавшего строй аппарата — последовала серия мелких взрывов, неприятельская машина зарыскала по курсу, но не задымила, а напротив — ушла своей вертикально вверх. Оставшиеся — перехватчики и преследуемые — тесной группой приближались к государственной границе. Новые выстрелы из 23-миллиметровых пушек ударили по центральному диску — тому, что отличался по форме от остальных. В результате странный аппарат, резко потеряв скорость, снизился до пяти километров. Другие два немедленно метнулись вверх. Позже Лагутин узнал, что радиолокационный контакт с ними был утерян на высоте около сорока километров!

До иранской территории оставались считанные минуты полета, надо было срочно что-то решать, и командующий отдал приказ: любыми средствами пресечь полет нарушителя. Дипломатичная форма этой команды была лишь данью традиции: даже ребенку было ясно, из «любых средств» можно применить лишь одно... Последняя цель между тем сумела справиться со сваливанием, снова увеличила скорость и медленно набирала высоту. Делать было нечего. Сначала Пластунов, затем Лагутин выпустили ракеты. Полыхнули взрывы, диск пошел на снижение и вскоре врезался в поросший густым лесом горный склон...

— ...Горючее у нас было уже на исходе, — рассказывал Андрей Иванович, — так что до своего аэродрома мы бы не дотянули. Пришлось садиться на окружающем — там же, около границы. Полоса у них оказалась короче, чем нужно для реактивных машин, мы чуть не помяли крылышки, но все обошлось благополучно. Наутро нас подзавалили, и мы уже готовились вылетать к себе. Вдруг приказание — ждать на месте, а чего и кого ждать — непонятно. Потом поняли: в тот же день прилетели к нам на транспортном самолете три полковника из штаба, а с ними — генерал из МГБ. Фамилия у него была такая неприятная, дореволюционная какая-то...

— Аристархов? — подсказал Рюрик.

— Похоже, — неуверенно отозвался Лагутин. — Не хочу врать — времени-то много утекло. Аристархов, говорите? Может быть... А я, знаете ли, все пытался вспомнить, да не получалось никак. Крупный был мужчина, нестарый. И, по глазам видеть, суровый.

...Генерал Аристархов заставил обоих летчиков составить подробный отчет о вчерашнем воздушном бое, трижды приказывал переписывать, требуя добавлять все новые и новые подробности, после чего благополучно отбыл. Полковник же Сухоруких, начальник оперативного отдела штаба района, сказал летчикам, что командование НАТО зачем-то перебросило в этот район тяжелый бомбардировщик-разведчик РБ-47, поэтому решено временно задержать истребителей здесь, в засаде.

Ночью Пластунов неожиданно занемог: жаловался на слабость, головокружение, тошноту, помутнение в глазах. Однако потом эти симптомы исчезли, и он, повеселев, стал заводить товарищей, мол, ничего страшного, просто напомнили о себе фронтовые передражки...

— Мы знали, что Пластунов был дважды сбит и горел в своем истребителе, в спине Володи сидела неизлеченная мессершмидтовская пуля, — сокрушенно покачал головой Андрей Иванович. — И мы поверили, что его недомогание вызвано старыми ранами. Потом, когда узнали, что у него лучевая болезнь, стало ясно, что же с ним тогда происходило. Лучевка ведь изводит человека не сразу: острый приступ, затем кратковременно самочувствие больного ухудшается... Вот в такой-то момент мы и получили приказ вылетать.

...После полудня их оповестили, что РБ-47 уже несется на предельной высоте в сторону советской границы. Истребители немедленно поднялись в воздух. Перехват обещал быть нелегким — бомбардировщик почти не уступал Ла-15 и по скорости, и по практическому потолку, а ракет в арсенале истребителей больше не оставалось — все были израсходованы двумя днями раньше.

Цель они настигли как раз над теми местами, где совсем недавно был сбит диск. Не отвечая на сигналы перехватчиков, нарушитель лег на обратный курс к границе и открыл огонь из кормовых орудий. Тогда истребители, зайдя сзади и сверху, в свою очередь обстреляли против-

ниже. У РБ-47 загорелись все три мотора левого крыла, и неуправляемая машина рухнула в море...

Отмотав пленку магнитофона, Чернышев проверил, полностью ли записан рассказ летчика. Потом, снова включив запись, спросил, при каких обстоятельствах погиб майор Пластунов.

— Ему опять стало плохо, когда мы возвращались, — тихо сказал Андрей Иванович. — А шли мы, должен вам сказать, уже на своей родной аэродром, что севернее Баку... Кое-как посадить машину Пластунов еще смог, но выбраться из кабины ему уже сил не хватило. Его тут же отправили в наш госпиталь, потом перевезли в Москву, а через неделю командир полка сообщил, что Володя скончался. Не приходя в сознание.

Все понурились, минутой молчания отдавая дань памяти летчика-героя. Наконец Синеусов решился задать вопрос:

— Скажите, Андрей Иванович, эти диски испускали лучи?

— Было дело, — кивнул генерал. — Кстати, и тот эмгэбэшник из Москвы очень этим интересовался, все допытывался у нас, из какого места выходил луч. Мы и написали: дескать, раза три-четыре из той самой «шмички» на центральном диске ударял голубовато-зеленый луч. Первые два луча были узкие и очень яркие, но оба легли между нашими машинами. А вот последний, который зацепил, был уже широкий, вроде конуса или веера, и совсем бледный. Этот луч прошелся по кабине и левой плоскости пластуновской машины. На аэродроме наши самолеты прозерили дозиметрами, и оказалось, что истребитель Володи был сильно радиоактивен. Мой — гораздо слабее.

Рюрик тут же попросил поподробнее описать луч. Лагутин задумался, затем осторожно ответил, что поток излучения словно нащупывал цель, двигаясь как бы по спирали. «Поймав» самолет, конус вроде бы начал сжиматься, яркость его при этом заметно возрастала, но тут Пластунов ударил по диску ракетным, и луч немедленно погас... Лагутин предполагал, что, если бы конус зеленых лучей успел сфокусироваться в узкий пучок, то от истребителя ничего бы не осталось. Обосновать свою точку зрения он, конечно, не мог, но утерял, что у него сложилось именно такое впечатление.

— Как вам объяснили всю эту историю? — осведомился Чернышев.

— А никак, — Андрей Иванович пожал плечами. Комполка объявил благодарность, особысти строго-настрого запретили распространяться, в конце года я получил одновременно и третью звездочку на погоны, и орден. Через год послали в Академию... Но я ведь тоже не лыком шит: когда в середине шестидесятых наша пресса пошла писать о летающих тарелках, сразу понял — в тот день мы с Володиным сбили космический корабль. Нехорошо, конечно, да что теперь поделаешь!

— Скорость-то у него была маловата для межзвездного корабля, — угрюмо подумал вслух Синеусов. — Меньше звуковой.

— Меньше? — Лагутин покачал головой в знак своего несогласия. — Ой, не скажете. Когда три диска без кабинок уходили от нас по вертикали, скорость они развивали — дай боже, никому МиГ-двадцать пятому не угнаться. Вот средний диск — тот, что со шляпкой, — он, согласен с вами, тихоходный попался... Ну и вообще, по-моему, то были не сами межпланетные или там межзвездные корабли, а какие-нибудь малые десантные аппараты — что-нибудь вроде наших вертолетов или, скажем, малых ракетных катеров.

Логика в его рассуждениях имелась, тут с ним спорить не стали. Но дотошный Рюрик уцепился за генеральскую фразу насчет «ракетных» катеров и быстро задал уточняющий вопрос:

— Вы заметили на тех аппаратах хоть какие-нибудь признаки реактивного, ракетного или еще какого двигателя? Сопла, например, выхлопные струи, ну или еще что-нибудь?

— Никак нет, — уверенно заявил Андрей Иванович. — Ничего даже близко похожего не было.

— А какие-либо оптические эффекты? — Ну, скажем, искажения прозрачности атмосферы?

— Точно так, угадали. Вокруг тех тарелочек была словно большая сильная линза — картина искажалась, как в потоке теплого воздуха... Что это могло быть, по-вашему?

Очень довольный услышанным, академик пояснил, что световые лучи искривляются, как известно, в сильном гра-

витационном поле, то есть в поле сил тяготения.

— И, видимо, в антигравитационном тоже, — добавил Синеусов. — Хотя это еще не доказано, да к тому же с годня никто, пожалуй, не сможет толком сказать, что такое эта самая антигравитация.

Лагутин внимательно посмотрел сначала на одного гостя, потом на другого и произнес тоном полувопросительным-полуутверждающим:

— Сдается мне, будто вы обо всей этой истории много интересного знаете. Не правда ли?

— Знаем кое-что, — подтвердил Чернышев. — Но не мешало бы наведаться в Центральный военный архив, проверить по документам.

— Ничего вы там не найдете, можете даже не стараться, — фыркнул Лагутин. — Материалы давным-давно изъяты.

— Кем? Когда?

— Да генерал тот забрал. Аполонюв или Аристархов... Унес и журнал боевого дежурства, и журнал для записи распоряжений и донесений. Словом — все! У него, как мне потом по секрету рассказывали, был открытый лист за подписью не то самого Лаврентия, не то кого помыше — так что любое его распоряжение исполнялось немедленно и беспрекословно.

— Да, история, — растерянно пробормотал академик. Рюрик тоскливо поддакнул: мол, полоса удач кончилась. Потом осведомился, не сумеет ли Андрей Иванович нарисовать те объекты, по которым они с Пластуновым вели столь успешную стрельбу. Тот ответил: «Секундочку», — и неожиданно вышел из комнаты.

Отсутствовал Лагутин довольно-таки долго, однако появился с торжествующей улыбкой. В руках он держал пожелтевшую от времени папку для бумаг с профилями четырех вождей на лицевой картонке. Чернышев припомнил, что когда-то подобных канцелярских изделий было превеликое множество, однако уже к тому времени, когда он заканчивал аспирантуру, папки такого фасона сделались музейными экспонатами.

— Не сразу отыскал, — поведал Лагутин, развязывая обветшалые тесемки. — Струхнул даже маленько — вдруг смех, наводя порядок, выбросила за ненадобностью... Помните, я говорил, что в первый день вылетали мы на показательные стрельбы — вот и стояли на обеих наших машинах фотокинопулеметы. Аристархову-то про них никто не доложил, забыли, верно. Проявляли пленку свои ребята, я стоял рядом и исхитрился, грешным делом, отрезать на память пару кадров. Потом уж, конечно, где надо спохватились, прикатали двое из особого отдела армии, пленку конфисковали, но у меня-то кой-чего осталось!

Затаив дыхание, Чернышев и Синеусов следили, как он вытаскивает из-под вороха газетно-журнальных вырезок конверт и неторопливо достает гляцованные фотографии.

— Между прочим, в фотокинопулемете с истребителя Володи Пластунова пленка оказалась засвеченной, — заметил Андрей Иванович.

С этими словами Лагутин протянул две карточки. На одной были изобрежены прицельные кольца с перекрестием, наложенным на среднюю часть фюзеляжа огромного самолета, под крыльями которого висели на пиклонах шесть реактивных моторов. На втором снимке — перевернутый пунтиральный снарядных трассеров ярко светящийся диск с полусферическим наростом в центре,

10

Стаценко брал у Чернышева интервью.

— ...Заключение авторитетной экспертизы позволило нам полностью отвергнуть любые подозрения относительно возможной мистификации, — говорил Аркадий Матвеевич. — Пленка типа «Панхром», любезно предоставленная Верой Николаевной Джаббаровою, имеет подложку из целлулоида такого сорта, который снят с производства в тысячу девятьсот пятьдесят четвертом году. Фотобумага, на которой сделаны отпечатки с негативов Джаббаровою и Лагутина, также относится ко времени до пятидесяти лет того года. Кроме того, на остальных кадрах бакинской пленки сфотографированы разные люди, которых легко удалось идентифицировать, установив тем самым, что снимки действительно делались в начале пятидесятых годов. Те из людей, с которыми нам удалось поговорить, подтвердили, что наблюдали аномальные объекты.

Он завершил интервью призывом ко всем, кто хоть чем-нибудь может помочь исследователям, связаться с редакцией газеты. Поблагодарив за беседу, Стаценко вык-

лючил я убрал в портфель диктофон.

— Главный обещал, что материал пойдет послезавтра, — сказал он. — Будем надеяться, что отклики читателей вам помогут.

— Хорошо бы, — засомневался академик. — Вы оптимист, как я полагаю, верите, что отклики вообще будут!

— Будут, — авторитетно заверил журналист. — Вопрос в том — какие...

Мысль обратиться через прессу к широкой общественности возникла после того, как стало окончательно ясно, что расследование зашло в тупик. Ни в одном архиве — ни в военном, ни в фондах госбезопасности — не нашлось ни малейших намеков на разгадку. Аристархов и его команда, как истинные профессионалы, работали четко. Негативы, оставшиеся у Лагутина, были единственным прокломом.

— Вы знаете, — задумчиво сказал Виктор Семенович, — лично меня больше волнует не столько научная сторона проблемы — с ней-то вы и сами разберетесь, сколько политическая. Несомненно, что все решения по данному вопросу принимались исключительно на самом высоком уровне — недаром же всего через неделю после инцидента Сталин лично выступил в печати. Поэтому стоит попытаться просчитать, в какой последовательности принимались эти решения, — тогда может проясниться, куда подевалась вся документация. Полагаю, что она в архиве Берия.

— Я тоже думал об этом, — признался Аркадий Матвеевич. — Но не забывайте, что был еще личный архив самого Сталина.

— Был, — подтвердил журналист, — да сплыл. В своих мемуарах Светлана Аллилуева упоминает, что после смерти отца в его кабинете оставалось множество запечатанных конвертов с некими суперсекретными материалами. Все это Берия забрал и увез в свою квартиру. У него рядом с кабинетом, в известном доме на площади Дзержинского, была оборудована комната отдыха — там-то и помещался его знаменитый архив. После ареста Берия летом пятидесят третьего года архив был конфискован и до сегодняшнего дня практически недоступен.

Чернышев резонно заметил, что на обнаружение этих документов он не рассчитывает, а потому надеется разыскать кого-нибудь из инженеров или ученых, работавших в СКБ на Урале.

Когда журналист ушел, сидевший в углу во время всей беседы Рюрик шумно вздохнул.

— Что ж вы головы повесили, соколики мои? — осведомился Аркадий Матвеевич.

— А чего радоваться?

— Ну, скажем, тому, что денечком эдак через пять-шесть наш дружок Уолтер пожалуется...

— Точно?

— Ежели верить этому вот посланию, — академик протянул конверт, разутраченный зарубежными марками и почтовыми штемпелями. — Заодно он прислал очередной номер своего журнала, где напечатана его новиза «манускрипшен» — почитай, там имеются прелюбопытнейшие моменты...

Пробежав взглядом первые абзацы английского текста, доцент поднял на шефа усмешливые глаза и вполне серьезно произнес:

— А вам часом не кажется, что он слегка спятил?

— Читай, читай, — настоял Чернышев, оставив Рюрика без ответа.

Похоже, на этот раз Вандерлаан поставил перед собой цель уничтожить до основания все без исключения канонические положения уфологии, в том числе и те, что были выдвинуты им же самим. Перво-наперво он взялся за шумевший инцидент 1947 года с пилотом-любителем Кеннетом Арнольдом, вознамерившись доказать, что летающие над Каскадными горами странные блестящие предметы ни в коем случае не могли быть истребителями типа Ф-84.

В те времена, писал Уолтер, военно-воздушные силы Соединенных Штатов не располагали испытательными полигонами ни в штате Вашингтон, ни в соседних штатах. Летные испытания боевых самолетов проводились в научно-исследовательском центре Райт на авиабазе Райт-Паттерсон (штат Огайо), а самолетного вооружения — на базе Эглин в штате Флорида. Оба упомянутых полигона расположены слишком далеко от Каскадных гор, да и сама фирма «Рипблнк», производившая Ф-84, находится в штате Нью-Йорк. Ближайший же к штату Вашингтон полигон — это центр по проведению летных испытаний авиадвигателей на базе Эдвардс в районе городка Розамонд на юге

Калифорнии, однако и эта база удалена от места встречи Арнольда с «летающими блюдцами» на расстояние, превышающее радиус действия «Тандерстриков». Таким образом, резюмировал автор, на каком бы из авиационных полигонов ни испытывались Ф-84, в Каскадных горах они очутиться не могли. Следовательно, Арнольд встретил нечто иное... Либо никакой встречи не было вообще!

Дочитав до этого места, Синеусов снова посмотрел на Аркадия Матвеевича и напористо изрек:

— Что-то он, по-моему, путает... Нью-Йорк и Вашингтон, это же совсем рядом.

— Серьезно? Так просто? — язвительно заинтересовался Чернышев. — Твои географические познания воистину впечатляют. Но ты все же возьми атлас и проверь.

Именно так Рюрик и поступил, после чего пристыженный умом Аркадий Матвеевич усмехнулся. Города Нью-Йорк и Вашингтон действительно располагались «совсем рядом», однако одноименные штаты находились почему-то на противоположных побережьях Североамериканского континента.

— Стыдно должно быть, а еще американцы... — проворчал Синеусов. — Могли бы как-то согласовать названия городов и штатов. Вот как у нас: Саратов — центр Саратовской области, Свердловск — Свердловской...

— Степановерт — Степанокертской, Благовещенск — Благовещенской, — продолжил академик.

Рюрик махнул рукой, пробурчал себе под нос что-то неразборчивое и стал читать дальше.

Следующий раздел статьи Вандерлаана посвящался «Росульскому феномену». С невероятной дотошностью Уолтер разобрал по косточкам все сообщения о таинственном инопланетном аппарате, потерпевшем якобы крушение в штате Нью-Мексико 2 июля 1947 года. Автор и еще несколько сотрудников журнала буквально «прочесали» весь район предполагаемой аварии и твердо установили, что никто из старожилов понятия не имеет об этом происшествии.

Более того, настырный издатель добился от военных властей разрешения осмотреть те базы, на которых, если верить некоторым скандальным публикациям, хранились замороженные тела (по разным сведениям, число их колебалось от четырех до пятидесяти) погибших в результате серии катастроф пришельцев из космоса. Результат опять же нулевой — ни на одной базе ничего не нашли. Ничего не дал и осмотр штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, где якобы сидели в камерах-одиночках уцелевшие, но плененные астронавты внеземных цивилизаций...

В заключение Вандерлаан повторил уже известный Чернышеву и Синеусову вывод о том, что весь сенсационный бум вокруг «летающих блюдцев» был грандиозной аферой, единственная цель которой заключалась в попытке спровоцировать Советский Союз раскрыть информацию относительно будто бы упавшего в Закавказском регионе неопознанного летающего объекта. Уолтер даже выяснил, что осенью 1951 г., по личному распоряжению президента, командование стратегической авиации перебросило с базы Лейкенхит в Северной Европе на один из турецких аэродромов высотный самолет-разведчик РБ-47, которому затем была поставлена задача проникнуть в воздушное пространство СССР и сфотографировать место падения и, если удастся, обломки предполагаемого космолета пришельцев. При попытке нарушить границу этот самолет был сбит, в результате чего русские получили в свое распоряжение новейший турбореактивный двигатель «Джей-47» производства фирмы «Дженерал Электрик». Между прочим, ежидно завершил статью Вандерлаан, незадолго до уничтожения РБ-47 находившийся на его борту офицер военной разведки сообщил, что на месте падения космического корабля «виден поврежденный лес, однако нет никаких обломков».

— Естественно, их там не было, — прокомментировал Чернышев. — К тому времени так называемые «обломки» уже подъезжали к границам Курганской области.

— Что он все-таки пытается доказать? — недоумевал Синеусов, возвращая академику журнал. — Я, хоть убей, совершенно не понимаю его позицию.

— С ним все как раз понятно, — отмахнулся Аркадий Матвеевич. — Уолтер, как честный исследователь, желает объективно разобраться в проблеме. Задача, спорю нет, благородная, однако на путях постижения истины никто не застрахован от ошибок.

Рюрик заметил, что теперь ситуация запуталась еще больше. С одной стороны, отброшено чисто «земное» исследование происшествия с Арнольдом — на этот счет сомневаться не приходится, ибо логика Вандерлаана пред-

ставляется безукоризненной. С другой стороны, если не было никаких катастроф инопланетных космолетов, то, стало быть, повисает в воздухе лишившаяся наиболее впечатляющих доказательств гипотеза о внеземном происхождении аномальных явлений.

— И что же у нас теперь остается, если не считать мишановских домыслов? — возбужденно спросил Синеусов.

Чернышев отвечать не стал. Некоторое время в кабинете стояла тишина.

Слабо звякнул телефон, и академик взял трубку. По выражению его лица Рюрик понял, что звонят именно из того места, к которому были прикованы в последние два дня все их мысли — даже события сорокалетней давности отодвинулись на задний план по сравнению с новой задачей.

Когда Аркадий Матвеевич закончил разговор, стал пересказывать его, Синеусов почувствовал огромное облегчение — все это время он тайно надеялся именно на такое развитие событий, однако гнал прочь эти мысли, ибо был абсолютно уверен, что подобная удача слишком уж маловероятна.

И вот свершилось! Локаторщики Центра управления полетами подтвердили вчерашнее свое предположение о том, что «Объект Зет» разделился, причем меньшая из образовавшихся частей движется теперь в направлении автоматических станций «Венера-19» и «Венера-20». Пересечение траекторий земных аппаратов и таинственного объекта ожидалось вечером ближайшего воскресенья.

Теперь для Рюрика не оставалось сомнений, что справедлива именно его гипотеза: много десятилетий назад в Солнечную Систему прибыл звездолет пришельцев, которые приступили к широкомасштабным исследованиям Земли и соседних планет. Хотя, возможно, целью инопланетных астронавов было также освоение специфических процессов на Солнце, к пониманию которых он, Синеусов, начал как будто бы нащупывать подход... Выполнив свою программу, экспедиция покидает теперь нашу планетную систему, но в пути приборы их корабля обнаружили стремившиеся к Венере автоматические станции. Видимо, любознательные существа, решив ознакомиться с устройством этих аппаратов, направили к ним небольшой десантный корабль...

Через три дня все станет на свои места, удовлетворенно подумал Синеусов. Осталось все-навсего три дня. Не так уж много.

Он был абсолютно убежден, что информация с межпланетных станций подтвердит его точку зрения — иных возможностей он не видел.

Из простирации его вызвал голос Чернышева:

— Нет, приятель, я точно чувю, что у тебя на душе имеется камушек. Выкладывай, не томи.

С трудом удерживая на лице равнодушную мину, Рюрик молча протянул шефу тонкую пачку прихваченных скрепкой листов статьи «О некоторых особенностях ядерных реакций на Солнце в период парада планет». Судя по всему, работа предназначалась для «Докладов АН СССР» — под названием было напечатано в скобках: «Статья представлена академиком А. М. Чернышевым».

На шести страничках автор, отпуская громоздкие математические выкладки, излагал в очень сжатой форме основные результаты. Во время противостояния больших планет суммарная гравитация Юпитера и Сатурна деформирует солнечное ядро, в результате чего происходит заметный отток продуктов ядерных реакций из зоны энерговыделения в конвективную область и даже на границу хромосферы. Здесь это вещество — гиперплотная плазма — подвергается интенсивной обработке высокоэнергетичными космическими излучениями, достигающими Солнца по безмагнитному каналу. Далее приводились цепочки возможных при такой реакции превращений ядер, причем многие из них приводили к синтезу устойчивых сверхтяжелых изотопов, которые иным путем образоваться не могут.

Прочитав статью до конца, Аркадий Матвеевич поднял глаза. Рюрик напряженно смотрел на него, ожидая решения. Поощрительно подмигнув, академик расписался в верхнем уголке первого листа.

Газета со статьей Стаценко появилась в субботу, и уже вечером посыпались отклики. Утром следующего дня Чернышев и Синеусов внимательно изучали список из двух десятков одних только московских адресов.

Обзвонив откликнувшихся в алфавитном порядке, Рюрик выяснил, однако, что сведения о загадочном летательном аппарате могла сообщить лишь дочь умершего несколько лет назад профессора Градецкого.

— Позвоните, — сказал Синеусов Аркадию Матвеевичу, — сомневаюсь, честно говоря, чтобы концы отыскивались так скоро, но проверить, конечно, надо. Постарайтесь только не опоздать.

— Я быстро, — пообещал доцент. — Часам к четырем постараюсь быть в ЦУПе.

...Открытую кожей дверь на втором этаже старого здания на Ордынке открыла приветливая женщина лет шестидесяти. Усадив гостя на диван, она долго долбывалась, не желает ли Рюрик Аскольдович отобедать или отведать чаю, но Синеусов сумел убедить ее, что времени у него в обрез и что он хотел бы только узнать кое-какие подробности о работе Градецкого в период вынужденного пребывания вдали от столицы.

— Я догадываюсь, что именно вас интересует, — женщина слабо улыбнулась. — В статье шла речь о неизвестном устройстве, которое привезли для изучения в спецучреждение на Урале. Папа много рассказывал мне о той машине, однако он, к сожалению, совершенно не знал предистории — насчет атомных испытаний и атаки истребителей...

— Прошу прощения, — нетерпеливо перебил Рюрик. — Значит, ваш отец видел этот диск?

— Ну разумеется, — немного даже обиженно ответила Градецкая. — Я же упоминала об этом, когда позвонила в редакцию... Папа работал в Ракетном НИИ вместе с Лангеманом, Королевым, Победоносцевым. В тридцать восьмом его арестовали по доносу какого-то подонка, но в сороковом освободили. К сожалению, он был несдержан и имел неудобную привычку говорить все, что думает, совершенно не тревожась о возможных последствиях. — Она вздохнула. — Последовал второй арест, и в сорок третьем Особое совещание приговорило папу к десяти годам за антипатриотические высказывания. Так он оказался в спецтерьме, расположенной в окрестностях города Кургана... Будучи уже в преклонном возрасте, папа зялся писать мемуары, но ни одно издательство не согласилось опубликовать его книгу. Даже во времена Хрущева... Наверное, будет лучше, если вы сами прочитаете рукопись.

Вспоминания Викентия Модестовича Градецкого, толстенную папку, вмещавшую почти семьсот машинописных страниц, Рюрик просматривал уже в салоне служебного микроавтобуса, по дороге в подмосковный ЦУП. Раздел, посвященный исследованию внеземного аппарата, он быстро нашел, заглянув в оглавление, однако читать было нелегко — постоянно упоминались незнакомые имена и прозвища, без конца шли ссылки на какие-то ранее описанные события или обстоятельства. Поневолу Синеусов пришлось начать с главы, где Градецкий повествовал о своем поведении в особом конструкторском бюро с романтическим названием «Вега».

После внутреннего следственного изолятора на Лубянке здешняя обстановка показалась Викентию Модестовичу чуть ли не райской. Слово не было никакой войны и связанных с нею лишений: уютные четырехкомнатные комнаты-камеры, чистое постельное белье, в столовой милые официантки разносили порционные блюда, свежий хлеб и даже какао! На новинку, норовившего по выработанной за месяцы предварительного заключения привычке прятывать под матрас хлебные горбушки, смотрели, как на зинное по счету чудо света.

Коллектив в ОКБ подобрался (вернее, был подобран) исключительно сильный. Узнав, какое созвездие блестящих талантов обосновалось в той «шварашке», Рюрик был ошеломлен: он и понятия не имел, что Садофьев, Чибония, Золинский начинали свою научную карьеру в подобном учреждении. Впрочем, о Шабанове и Левашове такие слухи ходили.

Летом пятидесятого «Вега» приступила к запускам выстных ракет с животными на борту. Тогда-то и появился в ОКБ Борис Егоров. Молодой кандидат наук, генетик из столичного института, он изучал воздействия космических лучей на организмы собак и обезьян.

Осенью следующего года инженеры «Веги» подготовили «начинку» для эксперимента «Перун». Несколько дней ожидали они сообщения о результатах, однако смогли всего лишь прочитать в газетах коротенькое интервью «насчет успешного испытания нового образца атомной бомбы». Подробный отчет с полигона так и не поступил, да и раздумывать по этому поводу у них уже не оставалось времени — за два дня до опубликования интервью

в лабораторию, где отбывал срок Градецкий, привезли новый объект для изучения.

Металлический диск диаметром около шести метров и полутонной толщиной весил почти полсотни тонн. Оознавательные знаки и габаритные огни отсутствовали. В сопроводительном письме говорилось, что данный летательный аппарат неизвестного типа был сбит ракетами «воздух-воздух». Первые замеры обнаружили незначительную радиоактивность диска — порядка четверти рентгена в час — однако интенсивность излучения постепенно уменьшалась и недели через три-четыре вовсе перестала отличаться от фона.

Градецкий довольно подробно описал внешний вид аппарата, уделив особое внимание относительно небольшому отделяемому узлу, который первоначально помещался в полусферическом гнезде на верхней части корпуса диска. В одном из абзацев автор не без изумления отмечал, что конструкторы диска словно бы специально делали корпус неправильной формы. Поскольку аэродинамические свойства аппарата строителей явно не интересовали, возникало множество загадок. В общем, сотрудники «Веги» после предварительного обследования сходились во мнении, что большой диск — это силовой отсек или двигательная ступень ракетоплана, а меньший блок (неправильный шар) — катапультируемая кабина.

Никаких признаков иллюминаторов или люков на обеих частях аппарата обнаружить не удалось, и в конце концов решено было вскрыть обшивку при помощи электросварочного агрегата. Эта операция также не принесла большого успеха: внутри оказалась почти сплошная масса — механизм был словно бы монолитной конструкцией. После некоторой растерянности Левашов и Садофьев независимо друг от друга пришли к выводу, что подобный принцип изготовления сложных машин сулит огромные выгоды: узлы и детали, впечатанные в твердую среду, фиксируются и, таким образом, решаются проблемы прочности и вибрационной устойчивости.

Примерно через неделю из массы фиксатора удалось с величайшим трудом извлечь основные агрегаты аппарата, который Градецкий, следуя бесшабашной терминологии коллектива «Веги», предположил называть за просто — «бублик». Предполагаемая кабина, отделенная от диска при помощи мощной лебедки, получила столь же игривое наименование — «булочка».

Двигателя как такового, к немалому удивлению всех инженеров, обнаружить не удалось — ни реактивного, ни винтового. Зато без особого труда был идентифицирован ядерный реактор, работавший на короткоживущих изотопах. Блоки активного вещества разделялись вращающимися кадмиевыми пластинами. Наибольшие затруднения того этапа работы были связаны с вычлениением из фиксирующей «заливки» нескольких метров гибких кабелей, выполненных из прозрачного материала. Предназначение их тогда так и осталось непонятным. Лишь много позже, в конце шестидесятых годов, Градецкий догадался, что создатели дискообразного корабля использовали для управления своими механизмами волоконную оптику.

Мало-помалу сотрудники ОКБ теряли уверенность, что изучают секретный самолет супернового образца, построенный где-то на заводах «Бонига» или «Локхид». Что ни говори, а в распоряжении конструкторов «Веги» имелась весьма обширная литература, в том числе американские газеты последних лет, так что многие заключенные были осведомлены о нашествии на нашу планету бесчисленных эскадрилий «летающих блюдечек». Естественно, что все они были знакомы и с идеями Циолковского и не сомневались в существовании внеземного разума. И вот в один прекрасный зимний день Нодар Чибония изрек: «Дорогие коллеги и друзья! Пора наконец открыто признать, что столь сложная, совершенная и неординарная техника не могла быть создана руками человека середины двадцатого столетия. Несомненно, мы имеем дело с космоплазменным судном, прибывшим с другой планеты».

Последние сомнения полностью рассеялись, когда Еготов исследовал под электронным микроскопом образцы вещества, из которого была изготовлена обшивка «бублика» — полимерные волокна, содержащие огромные количества тяжелых металлов. После всестороннего обсуждения научные руководители «Веги» пришли к твердому убеждению: ни в одной стране мира не существует сегодня технологии производства подобных соединений — стало быть, это действительно гость, пожаловавший из глубин Вселенной.

Фельдсвязью отправили в Москву пакет с выводами, и буквально через сутки прибыл некий генерал Аристархов,

который провел затянувшееся за полночь совещание с ведущими специалистами ОКБ. После его отъезда возглавлявший конструкторское бюро подполковник объявил спецконтингенту: те, кому удастся объяснить принцип движения «бублика» или «булочки», будут незамедлительно освобождены, восстановлены в правах и получат членство в Академии наук. Как отметил не без сожаления Градецкий, никому из его товарищей подобное счастье так и не улыбнулось. Вероятно, заключил Вениктин Модестович, жители неведомой планеты намного опередили в своем техническом прогрессе земное человечество, ибо никто из ученых не мог даже предположить, на основании каких законов природы действуют механизмы дискообразного корабля.

Между тем удалось разрезать пополам, а потом еще раз пополам «булочку», и исследователям пришлось пережить повторное разочарование. То была отнюдь не кабина пилота. Внутреннее устройство меньшего объекта г.с.м. напоминало конструкцию «бублика» — тот же компактный атомный котел, те же спиральные цепи, обвивающие массивные цилиндры из сплава вольфрама с иридием. Лишь загадочный кристалл — розоватый с золотистыми прожилками, от которого разбегались прозрачные трубочки световодов, оказался почему-то раз в десять тяжелее, чем аналогичная деталь «бублика».

Профессор Золинский заявил, что «бублик» и «булочка» являются соответственно первой и второй ступенями межпланетного летательного аппарата. Отсутствие кабины для экипажа старый ракетчик объяснил просто: аппарат был полностью автоматизирован и не нуждался в присутствии разумного существа. «И слава богу, — сказал в ответ Садофьев. — Стало быть, совесть наша чиста, и мы не убили своими ракетами собратов по разуму».

Неожиданно попросил слова Еготов и высказал совершенно смехотворную гипотезу. На полном серьезе утверждал, будто летчики сбили над Кавказом не построенный разумными существами искусственный аппарат, но некое животное, обитающее обычно в межпланетном вакууме и лишь случайно залетавшее в атмосферу земли. Борис дружно засыпал шуточками, однако тот крепко держался за свои домыслы и, более того, принялся развивать совершенно заумную теорию, пересказывая суть которой, Градецкий не мог удержаться от насмешек.

Еготов попытался обратить внимание коллег на то обстоятельство, что оба, как он выразился, «организма» очень близки по своей «анатомии». К тому же, напоминал биолог-генетик, «булочка» была довольно непрочно закреплена в выемке на теле «бублика». На основе этих фактов он делал неожиданный вывод: «булочка»-де является детенышем, а «бублик», соответственно, родителем или, вернее, родительницей. По мнению молодого биолога, имелось два равновероятных объяснения: либо межпланетное существо было беременно, и попадание ракет привело к своего рода «выкидышу», либо же мамаша «бублик», подобно земным кенгуру, несла свое чадо в «сумке»-выемке.

Тут вечно желчный Садофьев заметил с неподражаемым сарказмом: «Не мог бы уважаемый коллега с позиции своей гипотезы разъяснить таинным неестественным технократам, по каким причинам мозг космического детеныша оказался в несколько раз больше — как по размерам, так и по массе, нежели мозг родителя? Сбитый с толку Еготов растерялся: «Какой еще мозг? Самодовольно усмехаясь, Садофьев заявил, что, ежели «бублик» и «булочка» суть живые существа, то мозгом этих животных может быть только тот золотисто-розовый кристалл».

Об этом Еготов, похоже, не задумывался, и вопрос старшего товарища сразил его наповал. Правда, Борис продолжал какое-то время хорохориться, даже поклялся любой ценой найти ответ, однако ничего так и не добился. К моменту расформирования ОКБ удалось разобрать лишь в механизме свечения «летающих тарелок» — гамма-излучение реактора ионизировало обильное испускание фотонов многослойным материалом, которым был покрыт аппарат.

С течением времени лаборатории «Веги» стали уделять бесперспективному изучению космической дижовинки гораздо меньше внимания и в конце концов полностью переключились на более активную тематику: за «тройкой» последовала «пятерка», и новое изделие поглотило все силы конструкторов. К тому же в конце пятидесят второго в результате аварии на стендовых испытаниях двигателя второй ступени трагически погибли многие ведущие специалисты, включая Шабанова, Садофьева, Чибония.

А спустя каких-нибудь полгода после этой катастрофы

«Вега» и вообще прекратила свое существование. Все сотрудники были полностью реабилитированы и отправлены для дальнейшей работы в другие ракетостроительные учреждения. Градецкий до начала семидесятых заведовал отделом в «хозяйстве» Королева, затем принял кафедру в одном из столичных вузов.

Каких-либо дополнительных сведений о дальнейшей судьбе выживших сотрудников ОКБ Синеусов в рукописи не обнаружил. Лишь на последних страницах Градецкий вскользь упомянул, что летом 1954 года Борис Егоров погиб в автокатастрофе.

12

Антенны сверхдальней связи — три ряда по четыре огромные чаши в каждом — нацелились в темнеющее, с разрывами в облаках, небо. Отыскав Чернышева, Рюрик достал из портфеля рукопись Градецкого.

— Что-нибудь интересное? — безразличным тоном осведомился Аркадий Матвеевич.

— Более чем. Я отметил вам закладками, где читать... А как тут?

— Пока никак, ждем... — академик потянулся за папкой. — Давай сюда, хоть время скоротаю.

Шеф был, несомненно, наконец измотан затянувшимся ожиданием, и Синеусов понимал, что разговаривать с ним сейчас бесполезно. Он направился к группе знакомых инженеров, чтобы узнать последние новости о происходящем на межпланетных маршрутах.

Как ему объяснили, «Объект Зет-прим», отделившийся от «Объекта Зет», успел приблизиться к «Венера-20» почти плотную (по космическим масштабам, конечно). Специалисты предполагали, что расстояние между обоими аппаратами не превышало к настоящему моменту трех-четырёх тысяч километров. Компьютер автоматической межпланетной станции получил задание каждые полчаса фотографировать и передавать на Землю панораму окружающего пространства.

Вскоре столпившиеся в зале ученые заметно оживились: на дисплеях стала формироваться новая картинка, транслируемая с борта станции. Передача велась со скоростью около двух килобайт в секунду, так что телевизионного изображения не получалось, однако и эти статичные снимки давали массу информации. Сличив только что принятый кадр с предыдущим, операторы торжественно объявили, что одна из светящихся точек сильно переместилась на фоне звездного неба и при этом ощутимо прибавила в яркости.

— Скоро будет совсем близко, — уверенно проговорил руководитель эксперимента.

Синеусов оглянулся в сторону Аркадия Матвеевича — тот полностью погрузился в чтение и, казалось, совершенно перестал реагировать на происходящее вокруг него. Удивляться не приходилось — записки Градецкого должны были оказать именно такое воздействие.

Потом поступили очередные снимки с «Венеры». Быстроходный «Объект «Зет-прим» неуклонно приближался к станции. Одновременно телеметрия принесла новость несколько неожиданную — датчики АМС зафиксировали аномальную пульсацию физических параметров космического пространства. Вокруг мчащегося к Утренней Звезде аппарата непрерывно, однако не хаотично, но соблюдая непонятную закономерность, изменялись сила тяжести, напряженности электрических и магнитных полей, интенсивность рентгеновского и корпускулярного излучения.

— Вспышка на Солнце? — робко предположил кто-то из задних рядов.

Астрофизики решительно отвергли подобное объяснение — светило не проявляло в эти дни повышенной активности.

— Нет, друзья мои, все значительно проще, — раздался вдруг спокойный голос Чернышева. — Это они обращаются к станции на своем языке... Если, конечно, можно называть это «языком».

— Но зачем?! — вскричал Рюрик. — Они ведь много десятилетий изучали нашу цивилизацию и должны понимать, что бортовой компьютер не в состоянии расшифровать их речь!

Снисходительно улыбувшись, академик заметил:

— Во-первых, они нас не изучали. Во-вторых, неужели ты до сих пор не понял, что Ишханов все-таки прав, и мы имеем дело не с межзвездной экспедицией, а со стаей существ, не способных к мышлению? Они приняли станцию за себе подобного, за такого же космического зверя.

Ответить ему Рюрик не успел: экраны выдали развер-

ку следующего кадра. И опять неожиданность — заснятый с близкого расстояния «Объект Зет-прим» оказался не монолитным телом, но состоял из двух десятков светящихся точек.

— Передайте, пусть транслируют непрерывное изображение, — распорядился Аркадий Матвеевич.

Склонившись над пультами, операторы лихорадочно набирали команды изменения программы. Пять с половиной минут радиоволны несли приказ от Земли до станции, столько же времени потребовалось, чтобы вернуться ответ. После бесконечно долгого ожидания кадры на телеэкранах стали сменяться в несколько раз чаще, вызвав еще один дружный вздох.

Прикинув взглядом к ближайшему монитору, Синеусов смотрел, охваченный страшным возбуждением, на торжественно проплывавшие под прицелом объективов «Венеры» фигуры. Как они были знакомы — он неоднократно видел их на снимках, сделанных в разное время в разных концах Земли. Диски с утолщением в центре («булочки» с «булочкой»), огромные эллипсоиды, полосатые стержни, деформированные параллелепипеды и даже две «медузы»! Слово собравшись для парада, все основные разновидности «летающих тарелок» кружили вокруг межпланетного аппарата, продолжая сигнализировать гравитационными и электромагнитными волнами.

Рюрик разочарованно подумал, что разумные существа давно осознали бы бессмысленность подобных попыток установить связь. Значит, заключил он, все-таки правы оказались Егоров и Ишханов — это не комплексная межзвездная экспедиция, а всего лишь стадо космических животных, покидающих пастбище под названием Солнечная Система... А может быть, не пастбище, а нерестилище?

— Но для чего они посылают сигналы? — недоуменно спросил директор Центра, потом сам же ответил: — А для чего собаки лают на проезжающий мимо автомобиль? Я правильно понял вашу гипотезу, Аркадий Матвеевич?

— Не моя гипотеза, — сказал Чернышев. — Но суть дела вы уловили.

Как бы услышав их диалог, «любопытные зверюшки» легли на обратный курс, возвращаясь к «Объекту Зет». Характер испускаемого ими свечения при этом заметно изменился, и физики уже прикидывали, нельзя ли будет определить по спектру принцип движения...

— Вот и все, — негромко подытожил Чернышев. — До встречи через двадцать лет...

Шеф был не совсем прав — ведь и в прошлые посещения, которых было, видимо, немало, стаи этих существ покидали нашу планетную систему, однако и в промежутках между годами максимумов наблюдения АЯ люди по-прежнему видели их на Земле. Вероятно, улетают из Солнечной Системы не все. Какое-то количество — больные, раненные, старые, обессиленные и просто отставшие от стаи особи — остаются возле звезды. Впрочем, Рюрик, будучи человеком благоразумным, считал, что не время сейчас развязывать дискуссию на эту тему. Успеется. Будут еще всевозможные съезды, семинары, симпозиумы, конференции, на которых собратья-уфологи получат массу возможностей, чтобы всласть выговориться, сокрушиться до основания все прежние теории, создать кучу новых, разбившись при этом на различные кланы и группировки...

13

— Если бы вы только знали, какую забавную беседу имел я сегодня в отеле, — захлебываясь от восторга, рассказывал Вандерлаан. — Дежурная по этажу совершенно серьезно уверяла, будто один из пилотов расстрелянного вашими летчиками «летающего блюдца» остался в живых, сумел спрятаться от НКВД, а потом, став академиком, всех разоблачил... К сожалению, она так и не смогла толково объяснить, кого именно он разоблачил, однако совершенно очевидно, что этот инопланетный академик присутствует в данный момент среди нас в качестве хозяина дома!

— Признавайтесь по-хорошему, Аркадий Матвеевич, с какой вы планеты? — прозно нацелась авторучкой, прорывал Стаценко. — Игра сыграла! Чистосердечное признание смягчит вашу вину!..

Чернышев расхохотался. Остальные последовали его примеру. Сенсація, как это всегда и всюду случается, обростала умопомрачительными домыслами.

— Типичный испорченный телефон, — прокомментировал академик.

Заоканский гость сделал удивленное лицо, и москви-

чи принялись объяснять правила этой популярной детской игры.

Разобравшись, Уолтер долго смеялся.

Постепенно подтягивались остальные приглашенные. Появился любимый ученик Синеусов, а с ним — Артур Ишханов.

Оглядев собравшихся, Чернышев заметил, что все как будто в сборе и, стало быть, можно начинать, то есть переходить к деловой части. Он коротко подвел итог: «Объект Зет», разогнавшись до скорости в две тысячных световой, промчался сквозь корону Солнца и в настоящее время, не прекращая ускорения, движется в направлении созвездия Кита. Вся совокупность фактов, собранных за последний месяц, указывает на справедливость гипотезы присутствующего здесь Артура Ишханова о том, что «Зет», вероятнее всего, представляет собой стаю космических животных, постоянно кочующих по Вселенной в поисках либо пищи, либо чего-то еще, остро необходимого для их существования.

— Нам представляется, что эти «звери», — говорил Аркадий Матвеевич, — обладают способностью чувствовать на межзвездных расстояниях предстоящие противостояния больших планет и заблаговременно слетаются в планетные системы, где такое противостояние ожидается.

— Надо придумать для них хорошее название, — предложил Вандерлаан. — Думаю, будет справедливо включить в латинское наименование фамилию автора разгадки.

— Уфо Ишханис Вулгарис, — довольно громко высказался Синеусов. — А что? Заучит, по-моему, недурно.

Засмущавшийся Артур заявил, мол, все это несерьезно, ибо гипотеза о биологическом происхождении «летающих тарелок» возникла много десятилетий назад, однако, в силу свойственного человеческой психологии консерватизма, никогда не рассматривалась всерьез. И вообще, концепцию надо еще дорабатывать.

— Ну, в общих чертах многое уже ясно, — сказал Рюрик.

Он принялся развивать собственную точку зрения: в периоды противостояний в плазме звездных оболочек образуются специфические атомы, необходимые для жизнедеятельности этих безмысленных существ...

— Назовем их «космозаврами», — предложил Ишханов.

— Прекрасно! — обрадовался доцент и предложил: — Гипотеза о космозаврах дает нам возможность по-новому истолковать происшествие тридцатого сентября пятьдесят первого года. Космические зверюшки, существа весьма любознательные, как метко выразился один из присутствующих, всегда очень интересовались нашими ракетными запусками. В тот день они нерасчетливо приблизились к только что стартовавшей машине — одноразового, скажем так, использования — и вызвали своими излучениями аварийное срабатывание ядерного заряда. Взрыв боеголовки уничтожил, по всей вероятности, часть космозавровой стаи — вспомните, что над ракетодромом их было около десятка, а до баку добрались только четыре...

После короткой паузы Синеусов добавил, что та же гипотеза позволяет без особых осложнений объяснить и множество других фактов, которые не поддавались истолкованию в рамках прежних уфологических концепций. Например, бесцельные, казалось бы, групповые маневры АЯ, перемену их окраски и формы, деление и слияние объектов, — все это можно сегодня идентифицировать как брачные игры космозавров, либо иные проявления их физиологических процессов...

Поразмыслив, Чернышев признал наличие рационального зерна в словах своего заместителя. Развивая ту же мысль, он предположил, что стая космозавров организована по принципу роя насекомых: «медуза» — матка, а «булочки», «бублики», «стержни», «веретена», «эллипсоиды» и все прочие — специализированные рабочие особи. Вандерлаан, мысленно прорабатывавший, видимо, подобную же версию, немедленно выдвинул встречную гипотезу:

— Так называемая «булочка», — энергично жестикулируя, возбужденно говорил Уолтер, — внешне очень похожа на «медузу», отличается от последней лишь значительно меньшими размерами и характером свечения. По аналогии с теми же насекомыми можно предположить, что один из этих видов является самцом, а второй соответственно, наоборот... Хотя, конечно, нельзя исключить, что у этих организмов больше, чем два пола.

Не успел Синеусов перевести сказанное иностранцем, как наперебой заговорили сразу все. У каждого оказалась собственная теория или, если не теория, то на худой конец оригинальная точка зрения. Только один Ишханов отмалчивался.

Лукаво поглядывая на собравшихся, академик заметил, что теперь встает новая проблема — как следует подготовиться к нашествию следующей волны обитателей пространства, коего следует ожидать в конце первого десятилетия грядущего века. Необходимо, сказал Чернышев, разработать скоростной высокоманевренный ракетоплан для охоты на космозавров.

— Желательно отловить как можно больше особей разных видов, — подчеркнул Аркадий Матвеевич, — чтобы мы получили возможность провести детальные анатомические исследования.

— Патологоанатомические, — уточнил Вандерлаан.

Ишханов угрюмо буркнул:

— Боюсь, коллеги, вы несколько недооцениваете этический аспект проблемы...

Чернышев не без изрядной доли иронии напомнил, что преперирование лабораторных, равно как и диких животных, — обычное явление в научной практике, так что никаких препятствий морального порядка здесь возникнуть не должно и не может.

— Не считайте меня абстрактным моралистом, — печально усмехнулся Артур. — Насчет диких и к тому же животных я с вами, может быть, согласен. Но вы почему-то не учитываете, что некоторые виды космозавров могут оказаться и носителями разума...

— Абсурд! — вскричал Синеусов. — Какие у вас основания для подобных утверждений?!

— Воспоминания Градецкого — вот главная основа моих рассуждений, — спокойно произнес Ишханов. — Неужели вы забыли ту страничку мемуаров, где говорилось о красноватом кристалле? Наверное, не обратили внимания, и зря. Ведь если принять предположение о том, что это действительно мозг космозавра...

Сопровождая свою речь плавными движениями рук, он призвал слушателей задуматься над тем, что кристалл «булочки» оказался в несколько раз меньше, нежели аналогичный орган «бублика». Очевидно, сказал Артур, что небольшое существо с большим мозгом должно значительно превосходить по умственным способностям большее существо с маленьким мозгом. Отсюда он перешел к следующему утверждению: так называемая «булочка» является, по всей видимости, разумной разновидностью космозавра, а потому существа этого вида надлежит отныне называть «космоантропами».

— Из подобного предположения вытекает важное, как мне представляется, следствие, — продолжил футуролог. — Все прочие виды этих межзвездных созданий, за исключением, быть может, «медуз» — не что иное, как одомашненные животные космоантропов. Вспомните: есть диски без углублений на верхней плоскости и есть «бублики» — те же самые диски, но с полусферической вмятиной. Мне кажется очевидным, что это гнездо или седло, в котором сидит «булочка»-космоантроп, образуется в результате вполне сознательной, например, селекционной деятельности...

Доводы показались Чернышеву заслуживающими внимания. К тому же заключению пришли, похоже, и остальные — во всяком случае, возражать никто не пытался.

— В таком случае получается, — заметил академик, — что существование «бублика» плюс «булочка» — это нечто вроде системы «жонглеров»-наездников.

— Приблизительно так, хотя в таком деле аналогии рискованны, — кивнул Артур. — Я вчера прослушал запись рассказчика генерала Лагутина и обратил внимание на вот какое обстоятельство: диски без «булочек» покорно следовали за космоантропом-наездником до тех пор, пока тот был жив. Но едва ракеты смертельно ранили хозяина, остальные, то есть животные, немедленно покинули поле боя.

Почувствовав, что обсуждается какая-то интересная проблема, Уолтер нетерпеливо заерзал и потребовал, чтобы ему немедленно объяснили, о чем идет речь. Когда Рюрик пересказал ему суть, Вандерлаан ненадолго задумался, после чего произнес:

— Вероятно, пресловутый «Объект Зет» — это не рой космических насекомых, как мы полагали совсем недавно, но — коловое племя...

— Вот именно, — проворчал Артур.

— Но это означает, что мы упустили возможность установить контакт с иным разумом! — воскликнул Уолтер. — Какая жалость, что они отправились в свой путь к другой звезде прежде, чем мы успели разобраться в их сущности!

Лицо Ишханова опять приобрело выражение снисходительной скуки. Потом он неожиданно прищелкнул язы-

ком и громко сказал, не скрывая сарказма:

— Нам бы лучше порадоваться, что этот табор, на наше счастье, покинул окрестности Солнца. Представляете, сколько проблем возникло бы у человечества, вздумай космозавры обосноваться в наших краях на постоянное поселение.

— Ну, подобное нам как будто не светит, — беззабот-

но улыбнулся Стаценко. — Космозавры, если верить вашей же теории, — племя кочевое.

Ишханов мрачно глянул на него.

— Кочевые племена, как известно, имеют обыкновение рано или поздно становиться оседлыми.

Баку,

март—апрель 1989 г.

Фантастическая

старина

НОВЕЙШИЙ СНОТОЛКОВАТЕЛЬ*

П**

Павилика трава означает тесную и искреннюю дружбу, а иногда запутанные дела.

Павалич, или павва, виденный во сне, знаменует приобретение богатства и славы; видеть павлина, распускающего свой хвост, означает богатство, жену красавицу, мужа возвышенного в чинах и достоинствах, благоволение государя и дружбу вельможи.

Палец обжечь во сне есть знак заветки: пальцы обранные видеть предвещает смерть друзей или слуг; иметь на руке более пяти пальцев знаменует новые связи, дружество, счастье, прибыль и наследство.

Палку иметь в руке иногда предвещает дорогу, а иногда неприятные вести; опираться на палку предвещает болезнь; бить палкою незнакомого человека означает прибыль.

Панцырь иметь на себе — смотри латы.

Парик надевать на голову значит запутаться в делах; парик потерять означает смерть благодетеля или покровителя.

Паруса корабельные видеть означает верное убежище.

Парши иметь на теле предзнаменует умножение богатства и славы.

Пасмурную погоду видеть есть знак остановки в предприятиях, а иногда знаменует болезнь.

Пастуха видеть предзнаменует устройство своего состояния и приедение в порядок своих дел.

Паука видеть знаменует тайбу; убить его означает потерю денег, или какой драгоценной вещи; паутину снимать с своем доме означает перемену жилища.

Пахать землю — смотри статью земля.

Певца или певицу слышать поющих означает слезы.

Пеликана видеть — смотри статью птица баба.

Пенине птиц слышать есть знак любви, радости и удовольствия.

Пепел видеть означает огорчение.

Перепела видеть знаменует неприятное известие; поймать его значит с кем-нибудь поссориться; перепела упустить значит примириться с неприятелем; перепела убить значит восторжествовать над неприятелем.

Перепрыгнуть через ров или яму значит преодолеть препятствие в предприятии.

Перец видеть означает неприятное происшествие.

Перину видеть имеет одинаковое значение с кроватю.

Перья белые знаменуют богатство и удовольствие, а черные — слезы и остановку в делах.

Персики есть — смотри абрикосы или плоды есть.

Перстень — смотри кольца.

Песок есть знак сомнения и неизвестности.

Пес — смотри собака.

Петь самому предзнаменует горесть и слезы.

Петуха видеть во сне означает мужество; петуха поющего видеть означает радость и благополучие; петуха, несущего яйца, видеть знаменует прибыль без славы; петухов дерущихся видеть означает брань, ссору и раздор.

Печать крепкую видеть означает благополучие; а изломанную знаменует расстройство в делах.

Печь или печку видеть — смотри очаг.

Пещеру видеть означает дорогу или путешествие по морю.

Пиво пить знаменует неудовольствие, а иногда болезнь.

Пилу видеть знак успеха в делах.

Пировать во сне есть знак дороги; пироги или пирожные делать означает радость и прибыль; пироги покупать богатому предвещает болезнь, а бедному поправление состояния.

Писать означает труд и хлопоты.

Письмо писать к другу или получить от него означает приятное известие; письмо потерять значит поссориться с кем-нибудь; письмо читать предвещает счастье и благополучие.

Пить — смотри статьи: вино, вода, масло, напитки и пиво.

Пиявица, виденная во сне, означает жадность и коварство.

Плавать в море, реке, пруде или озере есть знак удовольствия, радости и сладострастия.

Плакать во сне предвещает радость и утешение наяву.

Платок носовой потерять значит претерпеть от кого-нибудь побои или получить стыд и бесчестье.

Платье видеть обыкновенное не имеет никакого особенного значения; платье богатое видеть на себе богатому обещает честь и возвышение в чинах, бедному несчастье, а больному смерть; платье замаранное или изорванное видеть на себе — знак печали и несчастья; платье новое иметь на себе предвещает радость, прибыль и успех в делах; видеть свои платья в огне означает скуку, клевету, оскорбление, потерю тайбы и ссору с друзьями; видеть на себе платье светлого и яркого цвета предвещает возвышение в достоинствах, увеличение славы и умножение богатства; платье потерять значит лишиться чести; платье женское иметь на себе мужчине означает обман, а женщине иметь на себе мужское платье знаменует соблазн.

Плечать — смотри мечить ся.

Плечи иметь крепкие и возвышенные больше обыкновенного — заключенному предвещает скуку, горесть и наказание, а прочим знаменует силу телесную и благополучие; плечи распухшие имеют предвещает болезнь, а женщинам, ведущим распутную жизнь, обещает приобретение имени.

Плешным себя видеть — смотри статью голова.

Плоды всякие собирать гнилые или поврежденные значит неприятное приключение и смерть детей; их есть предзнаменует обман от женщины; плоды хорошие и вкусные есть или видеть значит удовольствие и успех в делах любовных.

Плясать с удовольствием означает успех во всех предприятиях; видеть, как пляшут другие, предзнаменует болезнь; смотри статью ноги.

Плясунов, комедиантов и других фигляров видеть означает обман и плутовство.

Побой получить от кого-нибудь весьма различно в значении своем; побои от начальства предвещают выговор

* Подготовка текста и публикация Ю. М. Медведова.

** Околяние. Начало см. в сборниках ВТО МПФ «Волшебный посох» (выпуск 6) и «Поклонение змее» (выпуск 7).

за упущение по должности или по службе; побой от подчиненных означает неприятные известия; смотри статью бить.

Победу во сне одержать знаменует слезы.

Поварню видеть — смотри кухня.

Повивальную бабу видеть предзнаменует будущее счастье и открытие тайны.

Повод, узда, подруга, дуга, президеяльник, хомут и седло — суть знаки весьма хорошие для всех людей вообще и предвещают всякому исполнению его желаний и намерений, а потому изорвать или потерять повод есть знак весьма дурной.

Покойника во сне видеть предзнаменует перемену погоды.

Пограбенье во сне видеть означает избавление от всякого зла, также успех в предприятии.

Погребенье видеть родственника, друга или знакомого вельможи означает счастье, богатство, получение наследства и выгодную женитьбу.

Похороны видеть, человека неизвестного и нам незнакомого, знаменует злословие, клевету и ложные вести.

Погребену быть заживо во сне предзнаменует злосчастие во все продолжение остальной жизни.

Погреб винный видеть означает тайные и скрытые плутни; в нем брожничать означает стыд и посрамление от ложных друзей.

Податру иметь во сне в руках — молодым людям предзнаменует грудную боль и личную опасность; а старикам предвещает болезнь, а иногда самую смерть; иметь во сне податру в ногах знаменует болезнь служителей и слуганок.

Подарки делать другим предзнаменует разорение и расстройство состояния; получать подарки означает выгоду и прибыль в доме.

Подание чинить — смотри милостыню.

Подкову найти предзнаменует подарок или покупку лошади.

Подсвечник со свечою видеть — холостому предвещает женитьбу, женатому рождение детей, а больному знаменует смерть.

Подушки видеть — смотри кровать.

Поединок или дуэль видеть предвещает ссору с домашними или друзьями; драться самому на дуэли есть знак весьма дурной, ибо означает стыд, посрамление и бесчестье.

Пожар, виденный во сне, предвещает потерю и убыток; видеть один или несколько горящих домов, огнем чистым и ярким, но не сильным, означает перемену состояния, а иногда только перемену квартиры; но огонь порывистый и с сильным дымом предзнаменует опасную болезнь, остановку в предприятиях, а иногда скоростийную смерть.

Поле, покрытое хлебом или овощами, видеть означает великое богатство, приобретенное без всякого труда; ходить по ровному и гладкому полю значит счастливую и благополучную жизнь; а по полю не ровному и бугристому ходить предзнаменует несчастье и остановку в делах.

Полотенцем утирать лицо или руки означает дорогу.

Полотно видеть также означает дорогу, а холостому предвещает женитьбу; полотно резать в куски означает несчастье, разрыв дружбы или любви; полотно ткать предвещает счастливую и благополучную жизнь.

Полоть негодную траву из огорода значит торжество над неприятелями и преодоление препятствий в наших делах; а вырывать траву хорошую знаменует совсем противное прежнему.

Полынь есть во сне или пить настой полынный предвещает болезнь.

Помало — смотри статьи веник, метла и мети.

Полугай означает открытие тайны.

Поросенка видеть во сне означает человека праздного, скупого, от которого нельзя ничего получить при жизни, но многого можно надеяться после смерти.

Порфиру видеть во сне есть знак великой чести, уважения и славы.

Портрет свой видеть значит слышать о себе суждение посторонних людей.

Постель видеть — смотри кровать.

Постоялый двор видеть предвещает хлопоты и заботу по делам.

Посуду столовую видеть, как-то: тарелки, блюда и прочее — означает течение нашей жизни, которая, судя по достоинству виденной посуды, бывает счастливою или несчастливою; посуду видеть стеклянную, как-то: рюмки, стаканы и прочее, — означает положение наших дел.

Поседевшим себя видеть — смотри статью голова.

Потерять что-нибудь — больным предвещает смерть, а прочим какое-нибудь неприятное приключение.

Потолок, обрушившийся на себя, видеть — значит подпасть под немилость начальства и получить выговор за что-нибудь; потолок новый делать значит приобрести благосклонность важного вельможи.

Потоп видеть — смотри наводнение.

Похороны видеть — смотри погребенье.

Поцелуй получить от незнакомого человека — значит находку; поцелуй получить от женщины незнакомой — предвещает обман и обольщение.

Почтальона видеть есть знак получения вестей.

Прачку видеть во сне предзнаменует исправление запущенных дел.

Приказать деревья во сне — женатым предвещает рождение детей, а холостым женитьбу.

Привидение, приснившееся во сне, если оно не безобразно и одето в белое платье, то означает утешение и радость; если же одето в черное платье и страшно, то знаменует тщетное покушение и обман.

Присань видеть — смотри гавань.

Пролить во сне что-нибудь означает ссору с кем-нибудь из домашних.

Прорубь во сне видеть есть знак великой опасности.

Проселочной дорогой во сне идти значит дурное поведение.

Прощаться с кем-нибудь и особенно с домашними означает разлуку с ними.

Пруд видеть с чистою и ясною водою знаменует дружбу или награждение; видеть с водою мутною есть знак труда и обмана; видеть в нем плавающую живую крупную рыбу предзнаменует изобилие и богатство; а видеть в нем мертвую рыбу предвещает банкротство, покражу и плутовство; видеть пруд и в нем малую рыбу или снетки означает хлопоты и суесть по домашним делам.

Прыгать во сне значит хлопотать по пустякам.

Прясть во сне длинные нитки означает дорогу; прясть нитки короткие знаменует болезнь; рвать или резать пряжу предвещает смерть.

Птиц ловить значит удовольствие и прибыль; убивать их знаменует вред и убыток; стрелять в них значит тщетное нападение от неприятелей; птиц многих вместе видеть означает пустую болтовню или тяжбу; птиц дерущихся видеть предзнаменует ссору или скорую мировую; видеть птиц, летящих прямо к нам, предвещает потерю; слышать их поющих знаменует великую радость и удовольствие; слышать их говорящих предзнаменует счастливый успех в делах; видеть себя превращенным в птицу означает преумножение богатства; видеть ночных птиц, каковы: филин, сова, летучая мышь и другие — имеет весьма дурное знаменование и предвещает остановку во всех делах наших; видеть хищных птиц, каковы: сокол, ястреб, орел, коршун и другие — богатым предзнаменует умножение богатства, а бедным еще большую бедность.

Пуп или пупок видеть предзнаменует дурное известие о состоянии родителей или детей, а иногда и самую смерть их.

Пух видеть означает глупое предприятие.

Пчел видеть поселянину знаменует прибыль и барыш, а жителям городским беспокойство и хлопоты по делам; пчел ловить значит торжество над неприятелем; убивать их означает вред и убыток.

Пшеницу собирать предвещает горесть и слезы.

Пьяным быть во сне означает умножение богатства, а больному выздоровление; не пив горячих напитков быть пьяну есть знак дурной и означает постылок бесчестьный; быть пьяным, чувствовать тошноту или боль в голове предзнаменует воровство и домашнее расстройство; смотри статью вино.

Р

Работать правою рукою предзнаменует успех и счастье; а работать левою рукою означает неудачу в делах.

Равнину обширную и приятную видеть предвещает радость и успех в предприятии.

Радость во сне предзнаменует печаль наяву.

Радуга, виденная на восточной стороне, означает: довольство, богатство, восстановление расстроенного здоровья.

Радуга с западной стороны есть добрый знак для богатого и дурной для бедного; видеть радугу подле себя или прямо над головою знаменует перемену состояния, болезнь, а иногда смерть; также означает расстройство родственных и дружеских связей.

Рожать сына (если такой сон приснится женщине, которая на самом деле не беременна) — то означает совершенный успех во всех предприятиях; если такой сон привидится девице, то предзнаменует ей радость, пиришество, танцы и другие забавы и удовольствия; если такой сон приснится мужчине, то предвещает ему прибыль, выигрыш и богатство.

Разбойникам попасться в руки предвещает смерть родных или детей и также потерю имущества; быть убитому от разбойников означает лишение наследства.

Развадины видеть значит счастье, успех в делах и торжество над неприятелями.

Рай видеть есть знак величайшего благополучия и предвещает счастье всему семейству.

Раковину пустую видеть предвещает потерю времени и лишение доверенности; а раковину полную видеть предзнаменует удачу в делах.

Рака видеть есть знак раздора, печали и досады; также означает сей сон медленность в исполнении ваших намерений.

Рану перевязывать предзнаменует услуги, за которые заплатят неблагодарностью; рану получить от волка или другого хищного зверя означает несчастье от ложных друзей; рану залеченную видеть значит помрачение славы и чести.

Рвы видеть по дороге или в поле — дорожным означает остановку в их пути, а другим предвещает безопасность и успех в их делах.

Река широкая и быстрая в течении означает опасность и погибель; но тихая и спокойная есть вообще знак благоприятный. В особенности же хорош он для судей, тяжущихся и путешественников; река мутная имеет совсем противное знаменование и упреждает видевшему сей сон немалостью сильного великох; река чистая, входящая в нашу комнату, означает посещение от знатной и притом добродетельной особы; но река мутная, исходящая в нашу комнату и портящая мебель, знаменует насилие и притеснение от врагов явных; видеть реку, исходящую из нашей комнаты, упреждает нам бесчестьем, болезнью, а иногда и самою смертью; ходить по реке, как по суше, предвещает возвышение; видеть реку, ручей или источник пересохший означает разорение.

Ребят во сне видеть — смотри дети.

Репейник, во сне виденный, означает горечь и слезы.

Решето видеть во сне означает хлопоты по пустякам.

Рисовать есть знак дружбы прочной и приятной.

Рога видеть у другого на голове знаменует несчастье видевшему сей сон; иметь самому рога значит власть, силу и торжество над неприятелем; рога бычачьи или другого свирепого животного видеть знаменует: гнев, гордость, дерзость, наказание и бесчинство.

Роды видеть означает радость и благополучие; если роды были нескольких младенцев, то знаменует совершенный успех во всех делах и великое счастье; если роды тяжелы или несчастливы, то значит неудачу в намерениях.

Родник — смотри ключ, источник.

Розы цветущие видеть в своем доме — предвещает здоровому счастье и радость, а больному смерть; видеть во сне розы в необыкновенное время имеет совершенно противное прежнему значению; видеть розы алые знаменует великую радость и приятное известие.

Ромашка женщинам предвещает болезнь, а мужчинам досаду и неудовольствие.

Рот иметь закрытый и не мочь его открыть предвещает смерть; иметь рот большой означает общественное презрение и неверность служителей; иметь рот гораздо больший против обыкновенного предзнаменует умножение богатства, возвышение в чинах и достоинствах.

Рошу видеть и в ней гулять одному — означает уединение и скуку; а гулять в ней со множеством народа предвещает веселое общество и удовольствие.

Рубашку или рубаху белую надевать на себя предзнаменует великое счастье в будущее время; снимать ее

с себя есть знак обманутой надежды; иметь на себе изорванную означает благополучие и приобретение имени.

Ружье — смотри воинское оружие.

Рука отрубленная, сожженная или отсохшая, виденная во сне, предзнаменует смерть самого лучшего и преданного слуги; но тому, кто не имеет слуг, предвещает таковой сон великое и неотвратимое несчастье, а ремесленнику неимение работы и, следовательно, бедность; если такой сон привидится замужней женщине, то знаменует ей смерть ее мужа или старшего из детей; иметь руку, покрытую шерстью, предвещает заточение; мыть руки означает труд и беспокойство; смотреть себе на руки предвещает болезнь; иметь руки распухшие знаменует прибыль и выгоду, особенно служителям; иметь руки белые и гораздо краснее обыкновенных предзнаменует счастлиное и выгодное окончание важных дел, любовь подчиненных и дружбу равных; иметь руки или пальцы короче обыкновенных есть знак неверных служителей и во зло употребленной доверенности; иметь руки белые и полные богатому обещает заключение дружеских связей, приятное общество и успех в любовных делах, а бедному предзнаменует скудость и горечь; иметь много рук означает счастье, силу и приращение богатства; но разбойникам, вора и всякого рода бездельникам сей сон предзнаменует открытие их преступлений и строгое за них наказание. Впрочем, смотри статьи подагра, огонь и вода.

Рукавицы или перчатки надевать на руки есть знак чести.

Румяниться во сне непотребным женщинам и всем мужчинам — угрожает осмеянием и поношением, а женщинам честного поведения предвещает уважение от всех людей.

Ручей — смотри источник, ключ.

Рыба разного цвета и величины знаменует больному усиление его болезни, а здоровому ссору, оскорбление и мучение; рыбу умершую в воде видеть есть знак обманутой надежды; рыбу ловить крупную предзнаменует радость и прибыль; а ловить мелкую рыбу означает горечь и разорение: смотри статью пруд; рыбу есть предзнаменует счастье и богатство; рыбу сырую есть предвещает убыток и потерю времени; рыбу кормить означает торжество над хитрым неприятелем.

Рыболов птица означает хитрого и лукавого неприятеля.

Рынок или площадь многолюдную видеть купцу предвещает счастливый успех в его торговых делах и оборотах, а прочим людям предзнаменует веселое и приятное общество.

Рябину есть во сне предзнаменует огорчение и слезы.

Рябчик — смотри куропатка.

С

Саблю видеть во сне предвещает, такое как и шпага, сильную распрю; получить в подарок есть знак великой чести.

Сад видеть означает радость и удовольствие; в саду гулять или его обрабатывать знаменует будущее благополучие.

Садить в саду или в огороде овощи, цветы или деревья предвещает великую прибыль и также рождение детей.

Салат есть во сне означает неудачу в делах.

Салфетка — смотри полотенце.

Сани, виденные зимою, не имеют никакого особенного знаменования, но летом означает медленность в наших предприятиях.

Сапоги новые иметь на ногах предзнаменует радость, прибыль и успех в делах, а старые сапоги предвещают бедность и боль в ногах.

Саранчу видеть предзнаменует бесплодие, дороговизну и вообще убыток.

Сахар есть предвещает получение приятных новостей.

Садьбу играть означает лишение верного друга, а иногда помешательство в делах, больному же знаменует сей сон смерть.

Свиней видеть — смотри поросенок.

Свечу сальную видеть, если она горит, то предзнаменует успех в делах, больному обещает получение здоровья, а холостому скорую женитьбу; если она потушена

ная, то означает болезнь, горесть и уныние; делать самому свечи салные есть знак радости и удовольствия. Восковую свечу зажигать самому означает рождение детей; гасить таковые свечи знаменует смерть детей.

Священника видеть во сне — здоровым предвещает благополучие и счастье, больному смерть, а преступнику открытие их преступлений.

Седые волосы — смотри голова.

Сено, имеющее приятных запах, видеть предвещает важное и приятное для нас происшествие, но не имеющее никакого запаха или дурной — предзнаменует пропажу какой-либо вещи.

Сердиться во сне предзнаменует радость наяву.

Сердце иметь больное и изнывающее предвещает опасную болезнь; сердце уязвленное иметь — старым предвещает неприятное известие, а молодым заключение любовного союза; не иметь сердца или потерять его означает нечаянную смерть, а иногда торжество над неприятелями.

Серебряную посуду видеть означает скорбь и несчастье; торговать ею предвещает поправление состояния; смотреть деньги.

Серну видеть во сне — смотри олень.

Серп видеть предзнаменует вред и несчастье.

Серьги видеть во сне есть знак тщеславия и суетности.

Серу видеть есть знак чистоты и непорочности, а обвиняемому предзнаменует оправдание.

Сети, виденные во сне, означают перемену погоды.

Сеять семена означает богатство, радость и здоровье.

Сказки слышать знаменует ложные слухи.

Скалы видеть есть знак труда и работы; с трудом восходить на них означает поздний успех в делах; сходиться с них таким же образом — предзнаменует потерю родных или друзей; скалу развалившуюся видеть знаменует торжество над неприятелями и их ухищрениями.

Скворца видеть имеет одинаковое значение с попугаем.

Скиптр видеть один — есть знак радости и благополучия, а многие — предзнаменуют бедность и несчастье.

Скрипку видеть есть знак веселого общества и удачи в любовных делах; играть на скрилке в концерте означает утешение; а играть на ней в уединенном месте предвещает похороны.

Сливы есть — предзнаменует болезнь.

Сливки — смотри молоко.

Слона видеть угрожает опасностью, а иногда и самою смертью; ездить на слоне предвещает умножение богатства, получение чинов и приобретение славы; слона кормить или поить предвещает услугу важной особе, которая достойно вознаградит за то.

Слугу видеть — смотри лакей.

Смеяться во сне значит плакать наяву.

Снег и лед видеть зимою ничего не предзнаменует: но во всякое другое годовое время таковой сон поселянину предзнаменует хорошую и обильную жатву; купцу и гражданским чиновникам предвещает остановку в их делах; военным людям сей сон обещает победу над неприятелем. Собрать его означает тяжбу; есть его знаменует минутное удовольствие.

Сноп с колосьями видеть предзнаменует богатство и прибыль; снопы вязать значит запутывать дела свои.

Собака означает верного друга; с собакою играть означает верного друга; играть со многими собаками значит скупость; белая собака предвещает благополучие, а черная собака — измену друга; собака бешеная есть знак величайшей опасности; собаку злую видеть означает постыдную любовь; видеть драку собаки с кошкой означает ссору с ложным другом; видеть свою собственную собаку означает друга верного, неустрашимого и преданного нам; видеть собаку, дерущую платье за нас, знаменует клевету и плутовские ухищрения человека низкого и подлого, который старается причинить нам вред; если собака кусается, то это означает горесть, происходящую от неприятелей; видеть собаку со многими головами, подобную мифологическому Церберу, знаменует преступление и достойное за него наказание; видеть собак многих дерущихся заставляет опасаться действия клеветы и зависти; видеть собаку лающую есть знак злословия; видеть многих собак, бежавшихся в кучу, предвещает войну.

Сова — смотри ночные птицы.

Солдат видеть во сне означает открытие тайны,

больному глазами сей сон предвещает исцеление, а заключенному предзнаменует освобождение.

Солнце восходящее видеть знаменует приятные новости и благополучие; солнце заходящее видеть означает ложные слухи или потерю чего-нибудь; если ж женщине приснится такой сон, то предзнаменует ей рождение сына; видеть солнце мрачное, красное или покрытое облаками есть знак препятствия в делах, также означает болезнь детей, личную опасность и глазную боль; однако ж сей сон благоприятен для людей, которые имеют неприятелей, и для тех, которые имеют причину скрываться; видеть солнечные лучи вокруг своей головы знаменует великую славу и честь; преступникам сей сон предвещает прощение и помилование за чистосердечное признание; видеть солнечные лучи, проникающие во внутренности наших комнат, предвещает болезнь; но если они освещают эса предметы, находящиеся в нашей комнате, то это предзнаменует прибыль, выигрыш, честь и благополучие; женатому иногда рождение сына, который будет блистать своим умом и добродетелями; войти в дом, где светит солнце, предзнаменует приобретение великого богатства; видеть солнце, упавшее на дом, предвещает пожар.

Солнечное затмение видеть предзнаменует великий убыток; а лунное затмение означает небольшую потерю.

Соловья видеть имеет одинаковое значение с ласточкою.

Солому раскиданную видеть знаменует бедность и печаль; солому, связанную в пучки, означает радость и удовольствие.

Соль во сне видеть есть знак мудрости; соль есть означает болезнь; соль просыпать предвещает ссору.

Сороку видеть имеет одинаковое значение с попугаем.

Соседа или соседку видеть означает болезнь менее или более опасную.

Спину видеть свою есть знак несчастья и горестной старости; спину переломленную, уязвленную или болячками покрытую иметь значит домашнее неудовольствие и ссору между родными.

Сражаться и побеждать есть знак хороший и предвещает успех во всяком деле; но быть побежденному есть знак дурной и означает неудачу во всех предприятиях.

Сражение видеть предвещает преследование от врага сильного.

Ссылка; сосланным кого в нее видеть есть знак оскорбления и слез; самому быть сослану в нее предзнаменует совершенный успех в деле, несмотря на ухищрения неприятелей и завистников.

Стакан — смотри стекло.

Старика или старуху видеть вообще предвещает счастье; но старик в особенности значит мудрость, а старуха — лишнее болтовство.

Статую видеть есть знак скуки и печали; статуям поклоняться означает глупость в высшей степени.

Стекло, виденное во сне, означает обман и опасность; стекло разбить значит отклонить от себя угрожающую нам опасность или обман; получить стакан воды предвещает скорый брак или рождение детей; разбить стакан или другую стеклянную или хрустальную посуду, если вода из сей посуды не пролилась, то предвещает смерть матери и спасение дитяти; а если вода прольется, то предзнаменует смерть дитяти и спасение матери.

Степь имеет значение совсем противное равнине.

Стол видеть есть знак радости; накрывать на стол предзнаменует изобилие; стол сложенный означает болезнь жены, а иногда и ее смерть, холостому же предвещает расстройство в его домашних обстоятельствах.

Степь имеет значение совсем противное равнине, склонности к праздности.

Стрелять из лука значит утешение; стрелять из ружья есть знак ложной выгоды, а иногда означает скуку и гнев.

Стук слышать во сне предвещает новые вести.

Стул видеть есть знак чести; на нем сидеть предвещает отличие по службе, а купцу знаменует убыток.

Стена, виденная во сне прямо перед нашим лицом, означает труд и препятствие в делах, алеть на высокую стену знаменует преодоление всяких препятствий; сидеть на высокой стене знаменует верх благополучия нашего; видеть стену, окруженную водою со всех сторон, есть знак немилости; перепрыгнуть через стену означает радость и удовольствие.

Суд видеть во сне предвещает нужду и печаль.

Судей видеть предзнаменует тщетную трату и напрасную заботу; если же человек, видевший сон, находится под судом или имеет тяжбу, то это предвещает ему проволочку его дела; пред судом явиться во сне предвещает открытие какой-нибудь тайны.

Сундук пустой видеть означает бедность; сундук, наполненный чем-нибудь, предвещает изобилие и богатство.

Сына своего видеть и с ним говорить знаменует вред и убыток.

Сырники и сыр видеть предвещает препятствие и обман; их есть предзнаменует выгоду и прибыль.

Т

Табак нюхать есть знак минутного удовольствия; табак нюхательный рассыпать предвещает досаду, а иногда ссору с кем-нибудь из родных; табак курить означает тщетные хлопоты по делам ничтожным.

Танцевать во сне — смотри статью плясать.

Театральное представление видеть — вообще означает минутное удовольствие и непрочную радость; балет, виденный в театре, предвещает радость, удовольствие, а иногда получение наследства; видеть представление комедии означает счастливое окончание начатого дела; видеть большую оперу знаменует беспорядок и расстройство в делах; видеть представление комической оперы означает соблазн, развращение и лишние хлопоты по пустякам; видеть представление драмы предзнаменует неожиданную радость и нечаянное получение приятных известий; видеть представление трагедии означает огорчение, потерю имени, друзей или родных.

Телегу видеть во сне — богатому предвещает убыток и разорение, а бедному поправление его состояния; в телеге ехать — бедному ничего не знаменует, а богатому означает смерть.

Темницу видеть означает остановку в делах; в темницу быть посажену знаменует благополучие; жить в ней постоянно — знаменует утешение в горести; быть выпущену из темницы предвещает смерть.

Темнота есть знак неизвестности и сомнения; в темноте блуждать — предзнаменует скуку и огорчение.

Тень свою видеть означает ложное счастье и невыполнимое желание.

Терновник видеть значит злых соседей; быть превращену в терновник означает великое мучение; уколоться о терновник значит лишиться места, должности или имени.

Тетередей ловить предвещает женитьбу.

Тигр, виденный во сне, знаменует неприятеля злого, коварного, непримиримого; повергнуть его на землю означает успех в делах; убить его есть знак благоприятный, обещающий великое богатство.

Тину видеть во сне означает неудовольствие; увязнуть в тине — предзнаменует опасную болезнь, стыд и поношение.

Тонуть самому по себе — означает прибыль; тонуть по оплошности или хитрости другого означает потерю, убыток и разорение; видеть, как тонет кто другой, означает радость или торжество.

Торговать во сне чем-нибудь вообще предвещает прибыль и богатство.

Траву видеть зеленую предзнаменует радость, исполнение желаний и надежд, а больному предвещает выздоровление; траву увядшую видеть предвещает болезнь; траву скошенную видеть больному знаменует смерть, а здоровому неудачу в его делах.

Трагедия — смотри театр.

Трактир видеть означает успокоение, жить в нем значит отдохновение, нарушаемое каким-то внутренним беспокойством.

Траур видеть предзнаменует заботу о каком-либо не важном деле; носить траур означает радость и счастье.

Трон видеть означает счастье и возвышение в чинах и достоинствах.

Трясение земли чувствовать — угрожает опасностью как нам самим, так и нашему имени; если видевший сон находится в службе, то онный предвещает выговор от начальства за его упущение; если во время землетрясения попортится или разрушится какое-нибудь здание, то это предвещает смерть какой-либо важной особы.

Туман, поднимающийся к небу, видеть — предзнаменует радость, удовольствие и счастье; туман, падающий

на землю, видеть предзнаменует огорчение, печаль и скуку.

Тюрьма — смотри темница.

У

Убивать во сне человека незнакомого означает безопасность; убивать во сне своего отца или мать знаменует величайшее несчастье во всех наших предприятиях; убивать животных предвещает торжество над неприятелями.

Уборы приличные полу видеть, покупать или надевать — значит богатство; а потерять или разорвать такой убор есть знак вреда и убытка.

Уголья есть во сне означает вред; видеть уголья раскаленные значит преследование от неприятелей, стыд и поношение; видеть уголья погашие означает смерть или опасную болезнь.

Угорь, пойманный живой, знаменует клевету и злословие; а мертвый значит страдание и горесть.

Угощать во сне друзей означает лень и нерадение во всех делах; угощать людей незнакомых означает расточительность и набрежение о своем состоянии.

Удочку видеть и ловить ею рыбу означает обман и во зло употребленную доверенность.

Узлы видеть значит замешательство; узлы завязывать означает запутать другого в своих делах; узлы развязывать знаменует поправление наших или чужих дел.

Уксус красный видеть означает личное оскорбление; уксус белый значит обиду, нанесенную другому; уксус пить означает неудовольствие, досаду и раздор между домашними; уксус испортившийся пить предвещает болезнь.

Ульи видеть — смотри пчелы.

Улицу видеть предвещает дорогу, а иногда ласковый прием в чужих людях.

Урина — смотри моча.

Урод, виденный во сне, означает неудачу в делах.

Устрицу видеть — смотри угорь.

Утварь церковную видеть есть знак великого благополучия и милости Божией.

Утку видеть, если она домашняя, то обещает прибыль, а если дикая, то предвещает убыток, вред.

Уши иметь, заткнутые во сне, богатому и вельможе предвещает упрямство, жестокость и во зло употребленную власть; если ж он бедный человек, то сей сон означает его дурную нравственность и скверное поведение, которое должно ему переменить; если ж такой сон привидится женщине, то знаменует ее расточительность; иметь ухо раненое или разрезанное означает измену друга, который во зло употребит нашу доверенность, также знаменует открытие тайны; иметь более двух ушей есть знак друзей и верных служителей; лишиться во сне ушей предвещает ссору с друзьями; иметь уши длиннее обыкновенных есть знак болезни.

Ф

Фабрику видеть во сне и по ней ходить означает многолюдство и хлопоты по делам.

Факел зажженный видеть — смотри огонь и свеча; факел горящий иметь в руках есть знак будущего благополучия.

Феникс видеть во сне знаменует необыкновенное происшествие, а также ложные вести.

Филина видеть во сне предвещает пожар или другое какое несчастье.

Фимиа — смотри ладан.

Финики есть означает гнев и ярость, также упрямство и своеволие.

Фиалки рвать есть знак радости и удовольствия.

Флейту видеть и на ней играть предзнаменует замешательство, ссору и потерю тяжбы.

Флот видеть военный предвещает разорение и убыток.

Фонтан видеть больному предзнаменует здоровье, а прочим людям честь и богатство.

Х

Халат надевать на себя значит впутаться в хлопотливые дела, которые, однако ж, в последствии времени принесут значительную выгоду.

Хвост видеть означает наших неприятелей.

Хижина — смотри изба.

Хирагра — смотри подагра.

Хищных зверей видеть и с ними драться означает сильных неприятелей и их ухищрения.

Хлопчатую бумагу видеть означает запутанные дела.

Хлеб белый есть богатому ничего не предвещает, а бедному означает поправление состояния; хлеб черный есть, напротив, бедному ничего не означает, а богатому бедность и оскудение; есть хлеб горячий означает неожиданное обвинение; хлеб покупать всякому означает прибыль и счастье; хлеб продавать значит хорошее состояние домашних обстоятельств.

Холодную воду пить означает здоровье.

Холстина — смотри полотно.

Хоронить мертвое тело — смотри погребение.

Хромым сделаться во сне означает смерть кого-либо из служителей.

Хрусталь — смотри стекло.

Ц

Цапля — смотри журавль.

Царь — смотри государь.

Цветы рвать означает великое счастье; цветы видеть, держать в руках или нюхать в необыкновенное время значит горесть, досаду, а иногда болезнь; в надлежащее же время означает сей сон утешение, удовольствие и радость; цветы полевые собирать и нюхать означает горесть, потерю, слабость тела и ума; вообще о цветах надо заметить, что белые означают невинность, чистосердечие и добрые нравы; желтые означают трудность и препятствия небольшое; а красные почти всегда значат болезнь, а иногда даже и самую смерть.

Церковь созидать означает счастье и благополучие в высшей степени; входить в церковь значит благотворительность и честное поведение; молиться в церкви Богу означает утешение и радость; разговаривать в церкви означает учинение преступления и достойное за то наказание; сидеть или лежать в церкви означает перемену рода жизни.

Цепь видеть есть знак задумчивости; цепь оборвать женатому означает ссору с женой, а заключенному предвещает освобождение; цепь золотую или другую дорогую цань надевать на себя — холостому предвещает женитьбу, а женатому рождение детей.

Циркуль держать в руках означает неудачу в предприятии.

Цифры видеть во сне означает скуку и досаду; единица означает общество, два означает сплетни; три значит разговор о деле; четыре означает тщетный труд; пять означает сильный спор; шесть и больше значит обмен и ложь.

Ч

Чародея видеть — смотри волшебник.

Часовня имеет одинаковое значение с церковью.

Часы видеть напоминает о приличном употреблении времени; если приснится во сне, что часы бегут вперед, то это означает смерть; а если видеть что они отстают, то означает долгую жизнь.

Часового или караульного видеть есть знак недоверчивости и сомнений.

Человека, имеющего приятную наружность, женщине предвещает радость, удовольствие и здоровье, а мужчине такой сон означает досаду и тщетное старание о каком-нибудь деле.

Чепец видеть — смотри колпак.

Червонец — смотри деньги золотые.

Червяк видеть есть знак прибыли и барыша.

Череп хв означает медленность в исполнении наших намерений.

Чернила видеть предвещает хлопоты по делам, а иногда примирение с неприятелем; но пролить чернила непременно означает ссору.

Чесаться — смотри статью голова.

Чеснок — смотри статью лук.

Чечевица означает горесть и слезы.

Чирей — смотри опухоль, прыщ.

Читать во сне романы, театральные и другие легкие сочинения означает утешение и радость; читать духовное сочинение означает счастье и как телесное, так и духовное здоровье.

Чихать во сне означает здоровье.

* Щеть — щетина.

Члены человеческого тела имеют следующее значение; голова означает начальство, родителей и учителей; глаза, губы, груди и печень означают детей; уши, плечи и колени означают братьев и сестер; щеки, сердца и легкие означают супругов; зубы означают всех домашних; руки и ноги значат наших служителей и подчиненных; кровь и почки означают родственников; пуп, или пупок означает родителей; и так все, что при виде о сих членах тела, должно относить к тем людям, которые под ними разумеются.

Черт — смотри дьявол.

Чума — смотри морозная язва.

Чулки шелковые надевать означает бедность, нитяные и бумажные значат посредственное состояние, а шерстяные означают радость и изобилие; снимать их значит печаль и бедность; иметь на себе изорванные чулки означает несчастие, бедность и смерть кого-либо из домашних.

Чумичка, или разлившая ложка, есть знак расточительности и излишней роскоши.

Ш

Шалаш — смотри изба или хижина.

Шапка цветная означает радость и удовольствие; шапка черная означает печаль и слезы; шапку потерять с головы означает болезнь родителей или начальников; шапку новую купить есть знак благоволения сильного вельможи.

Шашки видеть и в них играть с знакомым человеком означает ссору с сим человеком, которая тем же кончится, чем кончилась игра в шашки; но играть с человеком незнакомым означает тщетный труд и убыток.

Шелк видеть означает богатство и возвышение чино; шелками торговать значит радость и прибыль.

Шерсть прясть означает убыток, а иногда болезнь.

Шея вообще означает честь, богатство и наследство; иметь шею длиннее и толще обыкновенной значит возвышение в чинах и достоинствах и приобретение богатства и славы; но иметь шею короче обыкновенной означает противное вышесказанному; иметь шею свернутую на сторону означает стыд, убыток и несчастье.

Школа и школяки, введенные во сне, иногда означают труд и заботу, а иногда хитрость и плутские уловки; видеть совершеннолетнему, что он учится в школе, предвещает открытие тайны.

Шипы или шлем богатый видеть предвещает приобретение богатства, а бедным, напротив, означает скудость.

Шляпу треугольную надевать предвещает честь и уважение.

Шолуды видеть на себе — бедному означает поправление состояния, а богатому непредвиденное несчастье.

Шпагу носить означает честь и уважение; шпагу обмахивать и ею драться предвещает лишение чести и наказание за преступление.

Штандарт — смотри знамя.

Штаны видеть значит поссориться с кем-нибудь; надевать на себя штаны разные предвещает потерю чего-нибудь нужного; штаны новые надевать означает прибыль и неожиданную находку.

Шубу надевать на себя — зимою ничего не означает, а летом такой сон означает печаль, горесть и несчастье.

Шутить во сне значит горевать наяву.

Щ

Щавель видеть во сне есть знак неблагоприятный и предвещает неудачу в делах; щавель собирать значит уплачивать долги.

Щегленка видеть предвещает путешествие.

Щеки полные и румяные видеть означает умножение богатства, успех в делах и торжество над неприятелями; а щеки впавшие и бледные имеют предвещают уныние, горесть и остановку в предприятиях.

Щеть видеть означает остановку и помешательство в наших делах.

Щеткою чистить платье значит прервание дружеских связей с человеком хитрым и лукавым.

Щипцы видеть предвещает притеснение от неприятелей.

Щуку во сне есть предвещает болезнь.

Ю

Юбк у видеть во сне холостому предвещает женитьбу, а женатому ссору с женою; мужчине надевать на себя юбку значит, что он будет кем-нибудь оклеветан.

Я

Яблоки есть сладкие и спелые означает радость, удовольствие и забаву; но если они сыры и кислы, то сей сон значит ссору, досаду и соблазн.

Ягненок видеть — смотри овцы.

Ягоды видеть есть знак слез; их есть сушеные или варенные в сахаре означает прибыль; но есть ягоды сырые предвещает вред и болезнь.

Ядовитые звери или насекомые, виденные во сне, означают людей злых и коварных.

Яд видеть во сне знаменует опасную болезнь, смерть и моровую язву.

Язык иметь распухший означает страсть к болтовне,

неумение хранить тайны и говорливость, всем надоедающую; язык в ранах предвещает болезнь жене или близкой родственнице; язык какого-нибудь животного есть — предзнаменует нам прославление нашей ученостью.

Яйца видеть — есть знак прибыли и пользы; раздавить яйца означает ссору с кем-нибудь из домашних, досаду и неудовольствие; яйцами раздавленными замараться означает преследование от неприятелей; яйца белые собирать означает прибыль; яйца есть умеренно знаменует спокойствие и довольство; есть их без всякой меры предвещает вред и болезнь.

Якорь означает несомненное исполнение наших предприятий и надежд.

Янтарь во сне есть предзнаменует желчную лихорадку; янтарей видеть много предвещает слезы.

Ярмарки видеть означает хлопоты по делам и закупку домашних вещей и принадлежностей.

Ястреб — смотри хищные птицы.

Яшму видеть означает веселое общество и приятную пирушку.

Выпуск первый — «ПРОСТАЯ ТАЙНА»

Выпуск второй — «ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА»

Выпуск третий — «КАЛИЮГА»

Выпуск четвертый — «ЛЕГЕНДА О СЕРЕБРЯНОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

Выпуск пятый — «НИ В СКАЗКЕ СКАЗАТЬ...»

Выпуск шестой — «ВОЛШЕБНЫЙ ПОСОХ»

Выпуск седьмой — «ПОКЛОНЕНИЕ ЗМЕЕ»

Выпуск восьмой — «ЗВЕЗДНЫЙ НАЕЗДНИК»

СОДЕРЖАНИЕ

ФАНТАСТИКА

Елена АНФИМОВА. Русалка Шеле	3
На птичьих правах	4
Песнь десятая	6
Вой шакала	9
Lumbicus sariens	13
Сергей БУЛЫГА. Желтая жемчужина	15
Хокка	17
Владимир КЛИМЕНКО. Истории феномена и экстрасенса Кима Ивановича Иванова, рассказанные им самим	21
Павел КЛИМЕШОВ. Лесоша	30
Константин МЗРЕУЛОВ. Звездный наездник	34

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СТАРИНА

«НОВЕЙШИЙ СНОТОЛКОВАТЕЛЬ» (П—Я)	55

ШКОЛА ЕФРЕМОВА
ЗВЕЗДНЫЙ НАЕЗДНИК
Фантастические рассказы и повести

На 1-й стр. обложки:

АНАТОЛИЙ ПАСЕКА (СССР): «ГИБЕЛЬ РАЗВЕДЧИКА»

Составитель В. Е. ТРАПЕЗНИКОВ

Ответственные за выпуск Е. А. ГРУШКО, Ю. И. ИВАНОВ

Редактор В. А. ШАМШУРИН

Оформление Л. А. КОЛОСОВА

Технический редактор О. В. ВОЛКОВА

Корректор Е. К. ДАНИЛОВА

ИБ № 7224

Сдано в набор 12.04.90. Подписано в печать 17.07.90. А 02416. Формат 60×84/8.
Бумага газетная. Гарнитура журнально-рублиная. Усл. печ. л. 9,94. Уч.-изд. л. 12,84.
Тираж 75 тысяч экз. Заказ № 2571. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

103030, ГСП, Москва, Сушевская ул., 21

Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов
при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
278000, Тирасполь, 4, а/я 585

Горьковская областная типография
областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
603116, Горький, ул. Гордеевская, 7

Бракованные экземпляры заменяются типографией

ISBN 5-235-01692-4

«Он протягивает руку и с ужасом замечает, что это уже не рука, а свиная нога, увенчанная новеньким копытцем. С визгом валится гость из кресла на каменный пол. Он ползет к ногам Цирцеи, он пытается заглянуть ей в глаза, но жирный загривок не дает поднять голову».

Елена Анфимова. «ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ» и другие рассказы

«На одном из прибрежных камней неподвижно лежал человек. Человек — это зло; он рожден убивать, а сам не подвластен смерти. И то, что он лежит не шевелясь, — обман. Человек затаился и ждет.

Сергей Булыга. «ЖЕЛТАЯ ЖЕМЧУЖИНА», «ХОККА»

«Хитрющая Алена слово-то нам дала, что будет вести себя как следует, да теперь уж не вечерами, а ночами из дома стала пропадать. Под утро лишь и прилетала. А еще моду взяла: я ругаться да за ремень (хотя поздно уже с ремнем-то, раньше надо было!), а она под потолок — фьють! И сидит себе, бесстыжая, под потолком с голыми коленками, смотрит, как я внизу прыгаю».

Владимир Клименко. «ИСТОРИИ ФЕНОМЕНА
И ЭКСТРАСЕНСА КИМА ИВАНОВИЧА ИВАНОВА,
РАССКАЗАННЫЕ ИМ САМИМ»

«Ле-со-ша. Какое милое имя! Сколько в нем сокровенно-древнего, щемяще-русского. Да что имя — какой дивный старик оказался! Ни капли высокомерия, ни дешевой чертовщины. Если б не он, то, как знать, прадеда моего, а значит, и меня, грешного, не было б на свете?!»

Павел Климешов. «ЛЕСОША»

«Прикипев взглядом к ближайшему монитору, Синеусов смотрел, охваченный страшным возбуждением, на торжественно проплывавшие под прицелом объективов «Венеры» фигуры... Словно собравшись для парада, все основные разновидности «летающих тарелок» кружили вокруг межпланетного аппарата, продолжая сигнализировать гравитационными и электромагнитными волнами».

Константин Мзареулов. «ЗВЕЗДНЫЙ НАЕЗДНИК»

«Тигр, виденный во сне, знаменует неприятеля злого, коварного, непримиримого; повергнуть его на землю означает успех в делах; убить его есть знак благоприятный, обещающий великое богатство».

«НОВЕЙШИЙ СНОТОЛКОВАТЕЛЬ», 1829 г.

ЗВЕЗДНЫЙ НАЕЗДНИК, выпуск восьмой